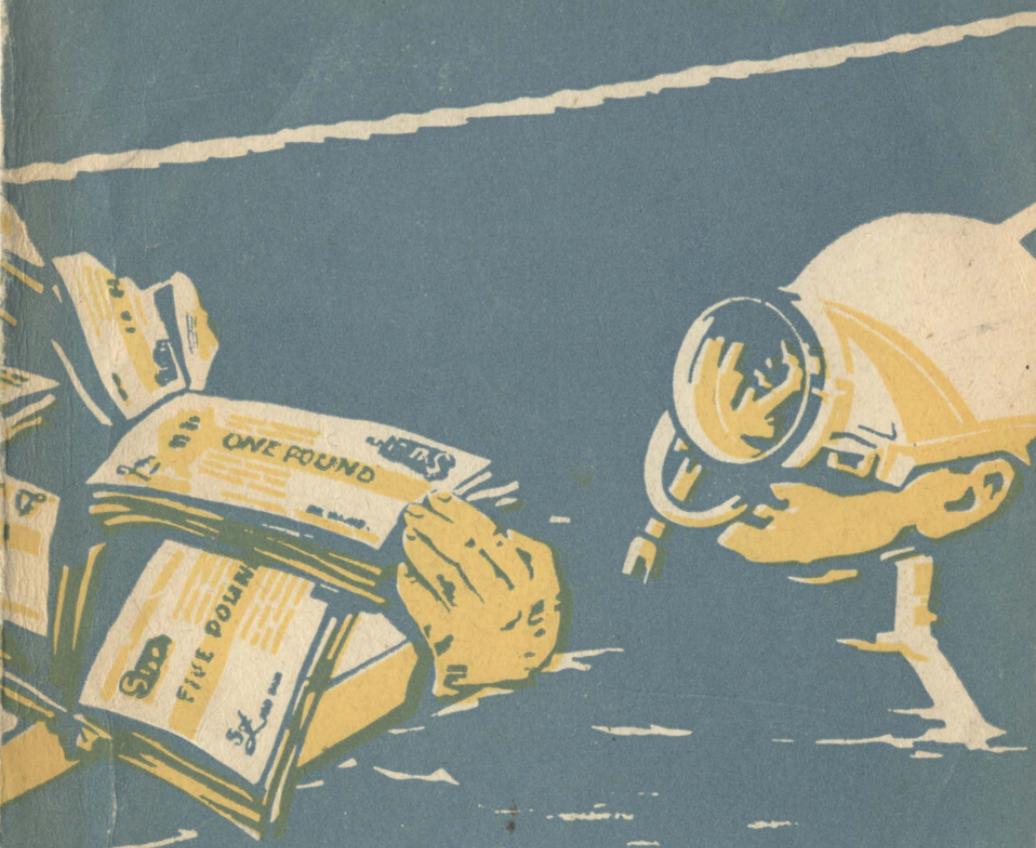

И. Ф. КРИЗЕНТАЛЬ

Операция „БЕРНГАРД“

И. Ф. КРИЗЕНТАЛЬ

О П Е Р А Ц И Я „БЕРНГАРД“

Издательство
„МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ“
Москва 1964

В предлагаемой вниманию читателя книге рассказывается о крупной экономической диверсии «Бернгард» и некоторых других подрывных актах, осуществлявшихся гитлеровской разведкой в годы второй мировой войны.

ВНИМАНИЕ, ФАЛЬШИВЫЕ ФУНТЫ СТЕРЛИНГОВ!

Летом 1962 года на страницах зарубежных газет снова появились сообщения о том, что в Англии обнаружена в обращении большая масса фальшивых кредитных билетов. Эти сведения встревожили не только банки и владельцев крупных магазинов, но и мелких торговцев.

Под броскими заголовками «Снова фальшивые банкноты!» пресса обращала внимание на то, что фальшивки обнаруживались главным образом при расчетах в местах большого скопления людей — на курортах, стадионах, ипподромах и в пунктах торговли под открытым небом. Газеты подчеркивали, что фунты стерлингов подделаны настолько искусно, что неспециалисту невозможно отличить их от настоящих.

Английская уголовная полиция установила, что фальшивки завозились из-за границы хорошо организованной и весьма опытной бандой аферистов международного масштаба; было также доказано, что поддельные фунты стерлингов — остатки тех самых фальшивых банкнотов, которые в годы второй мировой войны в огромных количествах фабриковались в фашистской Германии и продолжают частично все еще храниться в каких-то тайниках. Газеты напоминали при этом, что во время войны такие банкноты сбывались гитлеровцами в разных странах на колоссальные по номиналу суммы с целью подорвать экономику Великобритании и дезорганизовать ее систему денежного обращения. Английские фальшивые банкноты широко использовались фашистской Германией для финансирования действий, связанных с диверсионными и шпионскими заданиями, а также для заку-

пок в нейтральных странах стратегического сырья, продовольствия, разных ценностей и произведений искусства.

Однако все эти сообщения не являлись особой сенсацией.

Со дня окончания второй мировой войны прошло немало времени, а между тем новые сообщения о появлении то в одной, то в другой части света фальшивых банкнотов все еще не прекращаются. Например, 1 февраля 1963 г. в телеграмме, поступившей из Багдада, сообщалось о том, что иракским пограничным властям удалось сорвать попытку группы контрабандистов переправить из Ирана на иракскую территорию большую партию фальшивых банкнотов. Следствием выяснено, что фальшивые деньги были отправлены из американского посольства в Тегеране. Крупному контрабандисту по имени Хасан Амор было поручено выполнение этой операции, целью которой было ухудшение экономического положения Иракской республики.

В наши дни сбытом фальшивой валюты за рубежами своей страны занимаются даже дипломаты некоторых империалистических стран, прикрываясь иммунитетом экстерриториальности.

Через две недели после инцидента на ирано-иракской границе в западной прессе было опубликовано новое любопытное сообщение, полученное на этот раз из Голландии: в аэропорту Амстердама при выгрузке багажа самолета, прибывшего из Африки, обнаружилась пропажа одного из пяти ящиков, в которых перевозились английские банкноты. По данным полиции, в исчезнувшем ящике находились банкноты на сумму 100 тыс. фунтов стерлингов. Недоумение вызывал тот факт, что при сдаче багажа к отправке все пять мест были застрахованы на общую сумму только в 45 тыс. фунтов стерлингов. Высказывались предположения, что отправленные из Африки в Амстердам английские банкноты обязаны своим происхождением все той же экономической диверсии, которую гитлеровской Германии удавалось столь скрытно осуществлять на протяжении последних лет второй мировой войны.

Известно, что кроме находящихся в руках иностранных разведывательных органов значительных запасов фальшивых английских банкнотов очень много таких же

бумажек хранится у разных лиц и еще больше спрятано в тайниках, созданных в свое время эсэсовцами в труднодоступных местах Альп, либо затоплено на дне некоторых озер Зальцкаммергута в Верхней Австрии.

В обширном арсенале подрывных средств, используемых империалистами, подделка различного рода документов, а также денежных знаков других стран — отнюдь не новый вид тайного оружия, применяемого в «холодной» и «горячей» войне. Применяли его и германские империалисты для ослабления военно-экономической мощи, дискредитации и подрыва международного авторитета своих противников как в ходе второй мировой войны, так и еще задолго до начала развязанных ими открытых военных действий. Военная доктрина германского империализма предусматривала применение в войне абсолютно всех средств борьбы, не считаясь ни с нормами международного права, ни с общечеловеческими законами. На знамени германской военщины был начертан лозунг: «На войне все средства хороши!».

В одном секретном документе штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии так именно и определялись методы ведения будущей войны. В этом документе указывалось, между прочим: «Война будет вестись всеми средствами, и не только силой оружия, но и пропагандой, а также средствами экономического воздействия... Лейтмотивом ведения войны должен быть принцип: „Нужда не знает слова нельзя!“». Там же особо подчеркивалось: «Решающим фактором для исхода войны может оказаться пропагандистская и экономическая война. Разгром противника.., возможно, будет осуществлен или явится реальным именно в результате использования этих средств борьбы».

С самого начала открытия военных действий гитлеровское руководство обращало особое внимание на подрыв экономики Англии. 29 ноября 1939 г. германское главное командование издало за подписью Гитлера даже специальную «директиву № 9», содержащую «Указания по ведению войны против вражеской экономики». В директиве, наряду с общими задачами по подрыву экономического потенциала Великобритании, подробно определялись ее наиболее уязвимые места (морские коммуникации, порты, важнейшие промышленные объекты, базы и сооружения). Предписывалось сосредоточивать именно

по этим местам главные удары германских военно-воздушных сил и подводного флота.

Однако, несмотря на значительный ущерб, понесенный Англией в результате таких действий, она, опираясь на мощный военно-морской флот, во много раз превосходивший германский, не только ограничила эффективность действий противника, но даже установила экономическую блокаду самой Германии.

Неудачи, постигшие фашистскую военщину, подтвердили несостоятельность и авантюренность гитлеровской «директивы № 9». Но это не остановило германское верховное командование, которое прибегло к более вероломной и скрытой тактике ведения экономической борьбы с использованием самых разнообразных форм и методов.

Насколько большое значение придавало гитлеровское руководство подрыву экономики противника, показывает далеко не полный перечень учреждений и ведомств, которые в той или иной степени являлись организаторами или же участниками экономической войны.

Разработкой планов и практическим осуществлением соответствующих мероприятий в этой войне занимались: экономический отдел верховного главнокомандования вермахта, главное имперское управление безопасности, военная разведка «Абвер», министерство иностранных дел, министерство хозяйства, «Рейхсбанк», специальные отделы нацистской партии, крупные монополии и концерны. В той же подрывной деятельности самое активное участие принимали также и многочисленные филиалы фашистской организации «Фольксдейче», проводившие подрывную, диверсионную и шпионскую работу через немецкие национальные меньшинства и землячества в других странах мира. Позднее в Германии был даже создан специальный координирующий центр по руководству торговой и экономической войной, шефом которого одно время являлся руководитель германской военной разведки «Абвер» адмирал Канарис.

СОБЫТИЯ НА ОЗЕРЕ ТРАУН

События, положившие начало раскрытию самого факта производившейся подделки английских банкнотов, разыгрались в середине мая 1945 года в необычайной

обстановке и при весьма любопытных обстоятельствах. Происходили они в одном из самых живописных уголков Австрийских Альп вскоре после занятия Верхней Австрии американскими оккупационными войсками.

Местные жители, проходя как-то мимо озера Траун, расположенного примерно в 60 км к юго-востоку от города Зальцбурга, заметили на поверхности озера множество бумажек, частью уже прибившихся к берегу. Приняв их за обрывки ненужных документов, выброшенных немцами при поспешном отступлении, никто сначала не обратил на них особого внимания. Но как только одному из наиболее любознательных удалось извлечь из воды несколько белых листков, безразличие мгновенно сменилось самым живым интересом. Бумажки, словно рано расцветшие кувшинки, разукрасившие озеро, оказались похожими на иностранные кредитные билеты. До войны такие деньги здешним жителям случалось видеть только у приезжавших сюда курортников, зарубежных туристов и отдыхающих иностранцев.

Начавшееся общее оживление стало быстро нарастать и вскоре вылилось в настоящий ажиотаж, особенно после того, как сведущие люди стали утверждать, что бумажки эти — английские банкноты.

Слух об английских банкнотах, плавающих на поверхности озера, немедленно распространился по всей окрестности. Прошло совсем немного времени, и вокруг озера засуетились не только жители ближайших местечек, но даже солдаты дислоцированной поблизости американской воинской части. Всех одинаково охватывало желание завладеть возможно большим количеством бумажек, и в этом не было ничего удивительного: немецкие деньги, которые к тому времени еще были в ходу, все больше теряли ценность, а в английских кредитных билетах австрийцы продолжали видеть устойчивую, вполне надежную валюту.

Недолго пришлось, однако, охотникам за бумажками заниматься столь несложным добыванием «валюты» и держать в руках капиталы, которые никому до того и не снились. Американская разведка очень скоро узнала об этом необычном событии и тотчас организовала по-вальные обыски. Вскоре почти весь «улов» оказался изъятым у населения. Впрочем, такая операция и не представлялась сложной: неискушенные, вошедшие в

азарт австрийцы и не помышляли о мерах предосторожности: они тут же, на берегу озера, под лучами весеннего солнца занялись сушкой промокших банкнотов, только что выловленных с поверхности озера Траун.

Не успели еще улечься страсти, разыгравшиеся в связи с событиями на озере Траун, как весь район снова всполошила новая сенсация, суть которой состояла в следующем. На дороге между Линцем и Зальцбургом в кузове опрокинувшегося немецкого грузовика американская разведка обнаружила 23 ящика, заполненные английскими банкнотами на сумму в 21 млн. фунтов стерлингов. Таким образом, общая сумма найденных денег, вместе с тем, что было выловлено в озере Траун, составляла огромное состояние примерно в 40 млн. фунтов стерлингов!

Американские власти немедленно начали проводить тщательное расследование, с тем чтобы установить, откуда могли появиться в столь огромном количестве банкноты, обнаруженные в обстановке и условиях, напоминавших кадры, выхваченные из приключенческого фильма. На места находок срочно были высланы опытные детективы и специалисты-эксперты. Одновременно американцы предложили английским властям принять участие в совместном ведении следствия. Англичане, заподозрив неладное, были крайне заинтересованы в выяснении обстоятельств дела и тотчас же командировали в Зальцкаммергут своего крупнейшего эксперта Гарри Риверса и нескольких сотрудников Скотланд-Ярда из отдела по борьбе с фальшивомонетчиками.

Не так-то просто оказалось сразу распутать все детали дела, но во всяком случае очень скоро было установлено точно, что английские банкноты, оказавшиеся на озере Траун и в кузове немецкого грузовика, — искусно сфабрикованные фальсификаты, и обнаружить подделку оказалось возможным не сразу. В ходе дальнейшего следствия выяснилось, что фабрика фальшивок помещалась в строго засекреченном и совершенно изолированном блоке — филиале одного из концентрационных лагерей, находившихся вблизи Берлина. Работали на фабрике в основном специалисты-уголовники, осужденные за подделку денег, или вольнонаемные из числа лиц, уже отбывших наказание за такое же преступление в прошлом.

Благодаря энергичным совместным усилиям американских и английских властей удалось даже разыскать несколько человек, работавших в этом филиале концлагеря. Однако на допросах все они держались весьма настороженно, высказывались сдержанно, опасаясь, по-видимому, возможности привлечения снова к ответственности за фальшивомонетничество. Только один из допрашивавшихся, считая, что ему терять нечего, показал, что с 1942 года до конца войны удалось изготовить поддельных банкнотов на сумму более 200 млн. фунтов стерлингов. По словам этого человека, фальшивые банкноты сбывались в Италии, а также в нейтральных странах Западной Европы и Ближнего Востока. Но таким показаниям американские и английские следователи не очень доверяли, считая маловероятным, чтобы работавшие в лагере уголовники посвящались в подробности, являвшиеся для фабрикантов фальшивок сугубо секретными.

Тайна, которой была опутана операция «Бернгард», оставалась нераскрытой до конца на протяжении нескольких лет. Правда, имелись уже достоверные сведения о том, что фабрикация английских банкнотов производилась одним из отделов главного имперского управления безопасности фашистской Германии. Тем не менее для восстановления полной картины невиданной по масштабам экономической диверсии все еще недоставало многих данных.

Позднее удалось все-таки установить, что фабрикацией банкнотов занималась особая группа, входившая в состав VI разведывательного управления главного имперского управления безопасности.

В 1949 году военный суд США намеревался привлечь к ответственности за подделку денежных знаков бывшего начальника VI управления генерала войск СС Вальтера Шелленберга. Однако по представлению английских властей начатое уже дело тут же было прекращено. Англичане заявили, что они не имеют никаких претензий к Шелленбергу, так как считают, что во время войны подделка денег противника является своего рода военной хитростью и поэтому, мол, не составляет преступления, подлежащего наказанию в уголовном порядке. По мнению англичан, Шелленберга можно было бы привлечь к ответственности только в том случае, если будет доказа-

но его участие в фабрикации и сбыте фальшивых банкнотов после войны, то есть в условиях мирного времени.

Позиция, занятая в 1949 году английскими властями по отношению к Шелленбергу, объясняется, конечно, не принципиальностью установки по вопросу о подделке денег. Решающей целью в данном случае оставалось намерение использовать в интересах Англии эсэсовского генерала, являвшегося с 1941 года начальником гитлеровской политической разведки и возглавлявшего с 1944 года также и военную разведку — бывший «Абвер» германского вермахта. Осуществить этот план англичанам, однако, полностью не удалось, так как Шелленберг вскоре тяжело заболел и в марте 1952 года умер в Италии.

Заинтересованность английской разведки в судьбе Вальтера Шелленберга и намерение использовать его в последующем — не единственный случай желания выгородить или смягчить участь фашистского военного преступника.

В этой связи небезынтересным представляется факт, имевший место в период подготовки материалов к Нюрнбергскому процессу. До начала суда защитнику одного из главных фашистских военных преступников — гросс-адмирала Карла Деница — бывшему военному судье гитлеровского морского флота Кранцбюллеру англичане предоставили возможность командировать в Лондон своего помощника с весьма деликатным поручением. Там со стороны британского адмиралтейства проявили к участи Деница особую заботу. Помощнику защитника была предоставлена возможность рыться в английских военных материалах и подобрать данные, которые могли бы смягчить приговор трибунала по отношению к гросс-адмиралу. И действительно, услужливые офицеры адмиралтейства помогли защите заручиться документами, показавшими, что и английский военно-морской флот в минувшую войну был не без греха в части соблюдения законов ведения войны на море.

Словом, ценой дискредитации собственного флота англичане протянули руку помощи бывшему командующему немецко-фашистским подводным флотом (а позднее и всем гитлеровским военно-морским флотом), пиратствовавшему на морских путях и топившему без преду-

преждения пассажирские суда, расстреливая пулеметами тех, кто пытался спастись!

Вольное толкование англичанами ответственности фальшивомонетчиков побуждает нас на некоторое время прервать рассказ об операции «Бернгард» и совершить небольшой экскурс в прошлое, познакомить читателя с событиями, предшествовавшими этой экономической диверсии. Они позволят убедиться в том, что в капиталистическом мире подделки денежных знаков другой страны даже в мирное время оставались безнаказанными или осуждались весьма условно. Даже в тех случаях, когда избежать судебного процесса было невозможно, на скамье подсудимых оказывались обычно второстепенные участники преступлений, да и те, как правило, практически отделялись чрезвычайно мягким наказанием. Основные же организаторы и высокие покровители фальшивомонетчиков, незримо стоявшие за спиной мелких сошек, либо вовсе не привлекались к ответственности, либо успевали заблаговременно исчезать из поля зрения капиталистического «правосудия» и оказываться на известный период за пределами досягаемости.

ПО СЛЕДАМ НЕМЕЦКИХ ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКОВ

Перед лицом всего мира бесконечное количество раз разоблачались всевозможные махинации и аферы, к которым постоянно прибегали империалисты в тайной войне против Советского Союза.

Основным поставщиком всякого рода фальшивок и организатором провокаций с целью подрыва оборонной и экономической мощи, а также международного авторитета Советского Союза вплоть до 1945 года являлась агрессивная Германия. В длинном списке преступлений германских империалистов и поджигателей войны не последнее место занимают подделка советских денежных знаков и фальсификация всякого рода «документов».

Официальные круги догитлеровской Германии держались в таких случаях как бы в стороне от непосредственного процесса фабрикации фальшивок. Создавать видимость непричастности к этому делу представителей

власти заставляла, конечно, только необходимость соблюдения показных приличий и добропорядочности в международных отношениях.

Фальшивомонетчики, в свою очередь, продолжали спокойно работать под защитой влиятельных покровителей и выполняли за соответствующее вознаграждение любые заказы властей.

Имеющиеся фактические материалы наглядно раскрывают всю неприглядность разношерстной по составу компании деятелей, избравших такие незавидные профессии, как устройство политических провокаций и фабрикация фальшивок. Здесь в одном клубке тесно переплелись всякого рода аферисты и фальшивомонетчики, белогвардейцы и ренегаты, изменники и предатели родины, хозяева крупнейших монополий и их челядь, представители государственной власти и высшего генералитета капиталистических стран, отпрыски так называемой потомственной аристократии и самые темные подонки уголовного мира.

В организации, занимавшиеся в Германии фабрикацией «советских» документов и денежных знаков, включались многие деятели, у большинства которых репутация оказывалась весьма сомнительной. Например, туда входил дальний отпрыск Наполеона I герцог Георг Лейхтенбергский, он же бывший полковник царской армии и чиновник по особо важным поручениям при бароне Врангеле, крупный венгерский магнат принц Людвиг Виндишгрец, кайзеровский генерал Гофман, продиктовавший молодой Советской России грабительский Брестский мирный договор, король нефти Генри Детердинг и его агент фашист Белл, служивший одновременно английской и другим иностранным разведкам, капитан Эрхардт — участник капповского путча и его друг, бежавший из Грузии банкир-фальшивомонетчик Шалва Карумидзе, фашист Вебер — бывший командир роты, участвовавший в зверском подавлении советской власти в Баварии, и многие, многие другие подобные им личности и представители уголовного мира.

Фабриковавшиеся в Берлине, Мюнхене, а также во Франкфурте-на-Майне подложные документы и фальшивые денежные знаки распространялись далеко за пределами Германии, то и дело появляясь во Франции, Швейцарии, Англии и в странах Дальнего Востока.

Правительство Советского Союза систематически разоблачало такого рода фальшивки, вскрывало их истинную природу и цели. Действия оголтелой реакции вызывали справедливое возмущение широких масс мировой общественности, которая настойчиво требовала привлечь аферистов к строгой ответственности.

Однако в таких случаях официальные круги Германии принимали все меры к тому, чтобы замять дело, и едва ли стали бы вообще преследовать фальшивомонетчиков, пользовавшихся многие годы покровительством властей. Но экономическое и пропагандистское оружие, направлявшееся против Советского Союза, оказывалось настолько обоюдоострым, что наносило подчас весьма чувствительные удары и по тем, кто такое оружие изобретал, и кто пользовался им. Количество находившихся в Германии и других капиталистических странах фальшивых червонцев порой увеличивалось до таких размеров, что от этой аферы стали терпеть большие убытки немецкие и другие банки. Наводнение разных стран поддельными денежными знаками и разоблачения общественностью и советскими органами лиц, которые являлись ответственными за производство фальшивок, создавали иногда такую обстановку, что избежать хотя бы видимости суда становилось уже невозможным. Но и в таких случаях судебные процессы, как известно, превращались в фарсы и инсценировки «правосудия», так как подсудимые характеризовались обычно «борцами против коммунизма», а это служило «смягчающим вину обстоятельством».

О том, в каких размерах совершалась в свое время в Германии подделка советских денег, свидетельствуют, между прочим, такие факты. В 1926 году осенью в одной мюнхенской типографии было отпечатано около 15 тыс. экземпляров фальшивых банкнотов в купюрах по одному, два и десять червонцев. В августе 1927 года в одной из литографий во Франкфурте-на-Майне оказалось 120 тыс. штук полуготовых червонцев и, кроме того, такое количество соответствующей бумаги, которой хватило бы на изготовление не менее 1 млн. купюр фальшивых червонцев.

Поддельные советские деньги расходовались в основном на заговоры и диверсии против Советского Союза. Выступавший в качестве приглашенного «благородного»

свидетеля упоминавшийся выше герцог Лейхтенбергский без обиняков заявлял на суде в Мюнхене в июне 1926 года: «...Три миллиона рублей, предоставленные летом 1918 года для формирования русской добровольческой армии, состояли из банкнотов, печатавшихся в Берлине».

Большое количество фальшивых советских денег продолжало фабриковаться в Германии вплоть до начала второй мировой войны и завозилось в Советский Союз под видом дипломатической почты, а также различными нелегальными путями. В значительных суммах по номиналу такие деньги расходовались на шпионские цели, а также на закупку всевозможных драгоценностей, антикварных предметов, ценных картин и других произведений искусства.

После захвата власти гитлеровцами и установления в Германии «нового порядка» изменились и методы фабрикации всякого рода фальшивок: частному производству фальшивок в третьем рейхе наступил конец. Кустарям-фальшивомонетчикам и аферистам-частникам все труднее становилось конкурировать в этой области с государственными органами, которые взяли это дело в свои руки. Таким образом, фашистское государство вскоре стало монополистом-фальшивомонетчиком.

Полиграфическая промышленность Германии обладала самым совершенным по тому времени оборудованием, новейшими техническими средствами и высококвалифицированными специалистами. Кроме того, в течение многих лет соответствующие немецкие предприятия выполняли самые сложные иностранные заказы по печатанию различных ценных бумаг, акций, облигаций займов и даже денежных знаков других стран. Завладев крупнейшей полиграфической промышленностью, гитлеровцы располагали всеми необходимыми средствами для изготовления фальшивых денег, и притом в таком исполнении, что отличить их от настоящих не всегда могли даже специалисты.

В особенно больших размерах стали выпускаться в обращение кредитные билеты в период второй мировой войны. Одной из целей предпринятой в 1947 году в СССР денежной реформы являлось изъятие из денежного обращения фальшивых денег. В постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. прямо указывалось, что «в период Отечественной войны на вре-

менно занятой советской территории немецкие и другие оккупанты выпускали в большом количестве фальшивые деньги в рублях, что... увеличило излишек денег в стране и засорило наше денежное обращение».

Даже в послевоенный период не было таких коварных методов борьбы, которые не использовались бы западногерманскими реваншистами, в частности по отношению к Германской Демократической Республике. Установлено, например, что начиная с 1951 года так называемая «группа борьбы против бесчеловечности», пользующаяся особым покровительством властей ФРГ, занималась массовым выпуском фальшивых денег, продовольственных талонов и служебных «документов», исходивших якобы от официальных организаций и учреждений ГДР. На поддельных бланках рассылались подложные письма от имени внешнеторговых органов ГДР с извещением о том, будто принятые заказы на поставку товаров в другие страны не могут быть выполнены, и т. д. Этими средствами провокаторы из ФРГ пытались дезорганизовать экономику и государственную жизнь Германской Демократической Республики, однако подобные диверсии своевременно разоблачались и решительным образом пресекались.

В годы второй мировой войны гитлеровцы, наряду с использованием высокой техники, подчас прибегали к самым примитивным способам подделки денег. Так, в оккупированной Греции немецкие захватчики для той же цели использовали обыкновенные типографские машины, которые для большей оперативности устанавливались на крытых грузовых автомашинах. В таких передвижных «экспедициях заготовления дензнаков» в неограниченном количестве печатались бумажные греческие драхмы. На бумажки, не представлявшие буквально никакой ценности, германские офицеры и солдаты «покупали» у крестьян и в магазинах Греции продовольствие и промышленные товары. Все награбленное таким образом упаковывалось в десятки тысяч ящиков и отправлялось в Германию.

НА ВЫУЧКУ К ВЕНГЕРСКИМ ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКАМ

Истории международных отношений известно немало фактов, свидетельствующих о том, что вероломство и предательство используются капиталистическими стра-

нами не только в борьбе против враждебных государств, но нередко и против тех стран, с которыми поддерживаются дружественные отношения.

В качестве примера можно привести нашу шумевшую в 20-х годах аферу, связанную с фабрикацией в хортистской Венгрии французских денежных знаков. Весьма характерным является то обстоятельство, что в данном деле непосредственное участие принимали лица, занимавшие высокие посты: премьер-министр, многие министры, генералы, высшие полицейские чиновники и даже «смирненные» представители верхушки духовенства.

Весьма примечательным является и то, что в хортистской Венгрии подделывались денежные знаки именно Франции, как раз той страны, правительство которой относилось к венгерскому диктатору дружественно и оказывало Хорти не только большую моральную, но и очень широкую материальную поддержку в проводимой им фашистской политике.

В 1940 году, подготавливая операцию «Бернгард», гитлеровское руководство решило детально ознакомиться с методами производства и практикой сбыта фальшивых франков, фабриковавшихся в 20-х годах в хортистской Венгрии. Начальник главного имперского управления фашистской Германии Рейнгард Гейдрих поручил изучить это дело некоему Вильгельму Хеттлю.

Выполняя полученное задание, Хеттль перерыл немало материалов в архивах Вены, выезжал в Венгрию и не раз беседовал с видными лицами, непосредственно принимавшими в свое время участие в афере. Примерно через два месяца Гейдриху представили обстоятельный отчет. Существо этой в высшей степени неприглядной операции сводилось к следующему.

Вскоре после парафирования Трианонского договора¹ в венгерском пограничном городке Сегеде организовалась подпольная контрреволюционная террористическая группа. Учредителями ее являлись наиболее рьяные

---

¹ Трианонский договор подписан 4 июня 1920 г. правительствами США, Англии, Франции, Италии, Японии, а также двенадцати объединившихся с ними государств, с одной стороны, и Венгрии — с другой.

и активные реакционеры, представители консервативных партий, высшего офицерства бывшей австро-венгерской армии, а также крупных земельных магнатов, недовольных передачей по Трианонскому договору некоторых районов, входивших ранее в состав Австро-Венгерской империи, другим, вновь образовавшимся после первой мировой войны и ставшим сопредельными с Венгрией государствам. Эти территории венгерские магнаты рассчитывали подчинить себе.

Первоочередной целью крайне шовинистской организации являлось свержение молодой Венгерской советской республики и присоединение к Венгрии отпавших от нее областей. В образовавшуюся группу контрреволюционеров входил и палач венгерского народа адмирал Хорти, ставший через несколько месяцев после падения советской власти в Венгрии главой реакционного правительства.

Захватив всю власть в свои руки, Хорти умело использовал благоприятно складывавшуюся для него в то время политическую обстановку в Западной Европе. Он самым решительным образом пресекал попытки умалить его личный авторитет и жестоко расправлялся с теми своими единомышленниками, которые имели намерение придать посту главы государства лишь декоративный, символический характер. Диктаторскими методами управления страной, кровавым террором и подавлением основ гражданской свободы, прислужничеством международному империализму Хорти удалось удержаться у власти до 1944 года. Это он и его клика толкнули Венгрию в гибельную для нее войну на стороне гитлеровской Германии.

В том же Сегеде и примерно в те же годы тайно организовалась партия национального единства (ПНЕ). Основателями этой реакционной организации были такие известные своими крайними консервативными взглядами деятели, как граф Пауль Телеки, граф Стефан Бетлен и другие лица, занявшие впоследствии при Хорти самые ответственные государственные должности. Пользуясь всемерной поддержкой диктатора, ПНЕ постепенно превращалась в самый влиятельный орган государства, закулисно вмешивавшийся во все области жизни страны.

Правда, ПНЕ не удавалось в полной мере оказывать

свое влияние на судьбы страны наравне с Хорти, так как последний никому не уступал прерогативы главы государства и действовал авторитарно. Тем не менее в решении особо важных государственных вопросов диктатору все же приходилось прислушиваться к мнению этой партии, почти все государственные деятели, министры и высший генералитет которой назначались на соответствующие должности по рекомендациям или по предварительному согласованию с ней.

ПНЕ существовала в основном на добровольные пожертвования богатых венгерских магнатов. Поступавшие средства щедро и безотчетно расходовались на проведение террористических актов и диверсий, на организацию провокационных выступлений, направленных против соседних стран, в борьбе за присоединение к Венгрии отторгнутых по Трианонскому договору районов.

В 1920—1921 годах, когда на посту венгерского премьер-министра находился граф Телеки, в кассу ПНЕ перепали очень крупные суммы из секретных государственных фондов. Однако все поступавшие из этого источника деньги быстро таяли, и в то же время все труднее стало рассчитывать на дальнейшее регулярное поступление добровольных пожертвований. Из-за финансового кризиса вся деятельность ПНЕ была обречена на бесславный конец.

Пытаясь предотвратить неминуемый крах, граф Бетлен, бывший в то время хортистским комиссаром по делам беженцев, предложил «оздоровить» финансовое состояние ПНЕ не более не менее, как путем пополнения опустошенной кассы фальшивыми деньгами. Предложение было встречено одобрительно, и руководители ПНЕ начали свою аферу с весьма примитивного мошенничества.

В Румынии в тот период временно имели хождение австрийские кредитные билеты старых выпусков, снабженные дополнительным румынским штампом, подделать который не представляло никаких трудностей. Заправила партии национального единства использовали хранившиеся в Венгрии запасы старых австрийских кредиток в 500 и 1000 крон, и через некоторое время такие денежные суррогаты с фальшивым штампом стали массами сбываться на территории Румынии. Но вскоре по не зависящим от ПНЕ обстоятельствам подделку такого

рода денег пришлось прекратить. Тогда в порядке «санации» финансового положения ПНЕ граф Телеки предложил перейти к подделке чешских банкнотов. Это предложение также было принято, и в целях большей конспирации фабрикация фальшивок производство их решили организовать на австрийской территории (в Штирии).

Австрийские власти, в том числе и начальник полиции Шобер, занявший позднее пост канцлера Австрии, а также глава земли Штирия Антон Ринтелен были осведомлены относительно этой аферы и оказывали высокопоставленным венгерским фальшивомонетчикам помощь, а также всемерную поддержку. Шобер и Ринтелен снабжали нужных людей австрийскими паспортами и документами на вымышленные фамилии, содействовали беспрепятственной отправке поддельных чешских денежных знаков в Венгрию и принимали при встречающихся осложнениях необходимые меры к тому, чтобы предупредить возможность скандального разоблачения аферы. Первая партия изготовленных в Австрии фальшивых кредитных билетов была благополучно доставлена в Будапешт и спрятана в вилле принца Людвиг Виндишгреца, являвшегося активным членом ПНЕ и ставшего впоследствии центральной фигурой в процессе по делу о массовой подделке французских денежных знаков. Виллу принца Виндишгреца, где хранились фальшивки, обеспечили надежной охраной, состоявшей из специальных агентов хортистской тайной полиции, пользовавшейся особым доверием диктатора.

Несмотря на столь высокое покровительство, афера с подделкой чешских денег с треском провалилась, не успев даже в какой-либо степени поправить финансовые дела ПНЕ. Причиной провала явилась попытка уполномоченного ПНЕ обменять на венской бирже только что вышедшие из-под станка фальшивые банкноты на другую валюту. Подделка сразу была обнаружена, и незадачливого уполномоченного препроводили в полицию.

Неизвестно, чем вообще закончился бы скандал, если бы в случившееся не вмешался лично начальник австрийской полиции Шобер. Он приказал освободить задержанного и сумел устроить так, что инцидент оказался вскоре преданным забвению.

Венгерские реакционеры не долго переживали провал в Вене из-за грубой работы своих помощников по изготовлению и сбыту фальшивок. Они при поддержке властей стали искать другие пути для «оздоровления» кассы контрреволюционной партии национального единства, планируя использовать для этого все те же преступные средства.

На этот раз было решено заняться подделкой французских кредитных билетов, и в числе организаторов этого дела снова оказался Людвиг Виндишгрец.

Большую часть времени Виндишгрец проводил обычно за границей. Перед этим аристократом всегда широко раскрывались двери домов и служебных кабинетов виднейших государственных и политических деятелей капиталистического мира. Он часто и запросто бывал в Швейцарии у находившегося в изгнании экс-короля Австро-Венгрии Карла Габсбургского, открыто одобрял его планы снова возвратиться к власти. В близких отношениях находился Людвиг Виндишгрец с велеречивым французским премьер-министром Брианом, а также со многими другими влиятельными политическими деятелями Западной Европы. Особенно крепкая дружба, продолжавшаяся многие годы, установилась у него с тогдашним главой Польши фельдмаршалом Пилсудским.

В феврале 1923 года началась активная подготовка к фабрикации фальшивых франков, и в связи с этим Виндишгрец по поручению руководства ПНЕ специально выезжал в Германию. Целью этой поездки было намерение ознакомиться с техникой работы немецких фальшивомонетчиков, занимавшихся в то время фабрикацией «советских» червонцев.

По прибытии в Берлин Виндишгрец встретился с президентом фашистского пангерманского союза графом Левенштейном, и тот познакомил принца со многими лицами, которые были хорошо осведомлены в подробностях, связанных с подделкой червонцев.

Впоследствии Виндишгрец рассказывал, что для того, чтобы ознакомиться с этим производством, ему пришлось пройти через сложный кордон из целого ряда лиц, посвященных в тайну фабрикации фальшивок. Однажды ночью после длительных блужданий по различным улицам и переулкам, бесконечных петляний где-то в окрестностях Кёльна автомашина, возившая гостя из Венгрии,

остановилась перед уединенным зданием, укрывшимся за высокой каменной стеной. Здесь, оказывается, находилась фабрика фальшивых денег. Обширные производственные помещения располагались в бетонированном, тщательно замаскированном большом подвале, входы в который закрывались тяжелыми бронированными дверями.

Все работавшие здесь связывались круговой порукой, они давали клятву перед крестом и евангелием хранить в строжайшей тайне все, что касается производства. Виндишгреца ознакомили с процессами работы, ему показывали образцы специальной бумаги собственного изготовления ручным способом, а также бумагу, которую получали с фабрики, печатавшей по иностранным заказам акции, страховые полисы и другие документы.

Именно здесь, под бетонными сводами мастерских немецких фальшивомонетчиков, у Виндишгреца окончательно укрепилась уверенность в возможности организации такого же «дела» в Венгрии.

По возвращении в Будапешт он подробно информировал обо всем своих единомышленников и поделился своими планами и соображениями. Премьер-министр Бетлен и граф Телеки, являвшиеся душой организации, согласились с предложениями Виндишгреца об организации подделки французских франков в венгерской столице. Бетлен только поставил условием, чтобы план был доложен Хорти и чтобы действовать в соответствии с теми указаниями, которые будут даны диктатором. Было также предусмотрено, чтобы фабрикация франков производилась секретно, в стенах одного из наиболее подходящих для этой цели государственных зданий.

Самым удобным оказалось небольшое изолированное здание военно-картографического института в Будапеште. Именно здесь через некоторое время и развернулась энергичная подготовка к производству «французских» франков.

Руководство технической стороной возложили на специально прикомандированного военного инженера, компетентного в вопросах производства специальных видов бумаги. Исполнение граверных работ возложили на другого «специалиста» — уголовника, отбывавшего наказание за подделку денег в порядке частного предпринимательства.

Премьер-министр Бетлен нашел весьма остроумный способ избавиться от возможности проникновения в тайны производства посторонних лиц, в том числе и не в меру ретивых полицейских чинов: по предложению Бетлена ответственным за все производство фальшивок в целом был назначен, так сказать, по совместительству, начальник главного управления хортистской полиции генерал Надоши.

Несмотря на существенную помощь, оказываемую опытными фальшивомонетчиками из Берлина, выработка бумаги соответствующего качества ручным способом в Будапеште долгое время не налаживалась. То и дело возникали неудачи и разные серьезные неполадки технического характера. Не раз приходилось обращаться в Германию и вызывать оттуда специалистов.

В 1924 году экономический кризис в Венгрии достиг кульминационной точки: окончательно разваливалось и без того сильно подорванное первой мировой войной народное хозяйство страны. Началась невиданная в истории инфляция — более двух триллионов денежных знаков уже находилось в обращении, а печатные станки продолжали ежедневно выбрасывать все новые миллионы терявших ценность бумажек.

Между тем террористическая и подрывная деятельность ПНЕ требовала все больше средств, а ее касса снова оказалась опустошенной до дна. На помощь опять пришли венгерские магнаты, тот же Виндишгрец внес из своих личных средств свыше 100 тыс. долларов. Но этого оказалось мало, все надежды возлагались теперь на фальшивые франки, и волей-неволей приходилось не очень придирчиво относиться к некоторым недостаткам подделки — на устранение имевшихся дефектов в фальшивках потребовалось бы слишком много времени. Наконец, к весне 1925 года первые относительно удачно сфабрикованные франки были готовы. К этому времени уже имелись запасы специальной бумаги, которой хватило бы на выпуск около 100 млрд. фальшивых французских франков.

Как и следовало ожидать, самой трудной оказалась последняя, завершающая операция — сбыт недостаточно тщательно изготовленных фальшивых денег. Кроме того, при сложившихся обстоятельствах аферистам при сбыте готовой «продукции» приходилось действовать с особой

осторожностью. Венгрия только что была принята в Лигу наций, и ей был обещан значительный внешний заем на восстановление народного хозяйства. На этот заем очень рассчитывало правительство Хорти; не менее заинтересованы были в оказании такой финансовой «помощи» Венгрии монополии Франции, Англии и США, готовившиеся посредством предоставления займа прибрать к рукам всю Венгрию.

Сбыт фальшивых франков усложнялся еще и тем обстоятельством, что в тот период в Будапеште работала специальная комиссия империалистической Антанты по вопросу урегулирования послевоенных отношений с Венгрией. Многочисленная по своему составу комиссия располагала широкоразветвленной агентурой в этой стране, и в случае получения сведений об афере дело легко могло бы закончиться скандалом международного масштаба, в который оказалась бы замешанной вся верхушка хортистской власти.

Тем не менее титулованные аферисты решили продолжать начатое дело, сулившее дать в руки первые ощутимые результаты и самые радужные перспективы в будущем. Расчет строился теперь не только на том, чтобы получать таким путем средства для кассы партии. Appetit приходил во время еды, возникали все более смелые планы — использовать фальшивые франки одновременно для пополнения и «оздоровления» истощенной государственной казны.

По-прежнему основной вопрос упирался в организацию сбыта фальшивых ассигнаций — в стадию, становившуюся все более опасной. Чтобы не подвергать особому риску, не ставить под удар в случае провала руководителей правительства и других высокопоставленных особ, проведены были соответствующие предупредительные меры: главные организаторы были тщательно «закамуфлированы», с тем чтобы на них не легла тень преступления.

С 1925 года Бетлен и Телеки постепенно отходят в сторону и не принимают непосредственного участия в фабрикации фальшивых франков. Организация самого сложного и ответственного дела — сбыта — возлагается на директора венгерских сберегательных касс Бароша, предупрежденного о том, чтобы фальшивки реализовывались только за границей, исключая Францию.

Здание военно-картографического института на всякий случай заминировали, чтобы при необходимости можно было уничтожить следы преступления. Что касается Хорти, то он с самого начала держался так, словно лично не только не имеет никакого отношения к делу, но даже ничего не знает о подделке франков. Между тем все главные организаторы аферы отлично помнили, что при первоначальном обсуждении плана Бетлен ставил условием, чтобы обо всем было доложено главе правительства и чтобы было получено от него согласие на подделку.

В 1925 году в круг руководящего актива фальшивомонетчиков входит один из видных представителей католического духовенства епископ венгерской армии Задревеч, особняк и личные покои которого использовались для хранения готовой «продукции»: дом представителя святейшего престола служил наиболее надежным местом и для самих преступников, если бы их стали разыскивать ищейки из состава комиссии Антанты.

Сначала предполагалось для реализации фальшивых франков использовать один из практикующихся методов ссудных операций. Имелось в виду депонировать в банки некоторых стран крупные суммы во франках, а затем под эту наличность получать ссуды в другой валюте. Однако от этого плана пришлось отказаться, так как посредники, которые должны были заниматься обменом или сбытом франков, оказались незнакомыми с банковскими операциями, поручать же это дело кому-либо из служащих банка было рискованно.

Попытки реализации не очень искусно подделанных франков другими путями, как и надо было ожидать, заканчивались неудачами. Вызывались они, впрочем, не только причинами неудовлетворительного качества кредиток или неопытностью агентов.

Некий полковник Янкович, например, командированный одним из первых в Голландию под видом дипломатического курьера со значительной суммой в фальшивых банкнотах, не выполнил имевшиеся у него инструкции, а поэтому и провалил всю операцию. О мотивах, побудивших этого «курьера» нарушить указания, можно догадаться, если ближе познакомиться с довольно курьезными обстоятельствами дела.

Вместо того чтобы сдать сумку в венгерское посольство в Гааге, Янкович сошел с поезда в Роттердаме,

встретился там с двумя знакомыми ему офицерами, и все вместе они отправились в одну из гостиниц. Там Янкович вскрыл сумку, и его друзья-земляки имели возможность вдоволь налюбоваться необычным содержанием «дипломатической почты». После того как банкноты были уложены в сумку и она снова оказалась зашнурованной, Янкович поднял с пола упавшие со стола три кредитки по тысяче франков каждая и незаметно сунул их себе в карман. Кто знает, каким образом три бумажки оказались на полу: не то их случайно обронили, не то Янкович сознательно бросил кредитки, чтобы затем использовать в личных интересах все три тысячи франков. Как бы то ни было, но фальшивки попали в бумажник «курьера», где хранилась некоторая сумма в настоящих франках.

Лишь на следующий день Янкович прибыл в Гаагу и без особых недоразумений сдал почту в посольство. Затем он направился в банк, чтобы обменять один из тысячефранковых билетов на голландские гульденy. В предъявленной полковником кредитке кассир банка сразу узнал фальшивку. Под предлогом необходимости выполнения банковских формальностей он попросил клиента обождать несколько минут, а сам тем временем сообщил дежурному полицейскому о попытке неизвестного сбыть фальшивый кредитный билет. Почувствовав неладное, Янкович сунул оставшиеся у него два поддельных билета в носок, но и это не ускользнуло от внимания кассира. Незадачливому агенту пришлось не только предъявить личные документы, но и извлечь из носка спрятанные бумажки. Узнав, что на этот раз приходится иметь дело с аферистом, обладающим дипломатическим паспортом, полиция ограничилась составлением протокола и доставила задержанного в венгерское посольство. Здесь хортистский агент впал в истерику, а затем оказался в состоянии такой депрессии, что от него вообще нельзя было добиться никакого толку.

Посол хортистской Венгрии немедленно доложил шифровкой о чрезвычайном происшествии в Будапешт, и в стане диктатора не на шутку встревожились. В Гаагу тут же полетела ответная шифрованная телеграмма с предписанием немедленно уничтожить все, что было доставлено Янковичем. Одновременно с этим всем находившимся за границей венгерским офицерам было приказано возвратиться на место своей постоянной службы.

Поддельные деньги сложили в ванну, облили бензином и сожгли во дворе посольства.

Замять поднявшуюся историю, однако, не удалось. Вездесущие журналисты почерпнули некоторые подробности дела из материалов голландской полиции. Еще более существенные детали раздобыли органы западноевропейских разведок. Кое-какие сведения стали проникать в печать. Во всяком случае устанавливалось совершенно определенно, что фабрикация франков производилась в крупных количествах и притом не без участия весьма высоких представителей государственной власти Венгрии. Для диктатора Хорти и его сподвижников инцидент в Гааге стал принимать чрезвычайно неприятный и чреватый скандальными разоблачениями характер.

Премьер-министру Бетлену пришлось назначить для видимости «расследование». По ходу инсценированного следствия прибегли к трюку, который должен был бы показать непричастность к данной афере высших деятелей режима Хорти. В жертву был принесен начальник венгерской полиции генерал Надоши: ему поставили в вину то, что он якобы не принял должных мер к раскрытию совершавшегося преступления, и сняли с должности.

Но этого оказалось мало для успокоения Запада. Французское правительство не удовлетворилось результатами расследования, произведенного по указке Бетлена, и направило в Венгрию негласно целую группу своих детективов. Обеспеченные в достаточном количестве денежными средствами, работники французской уголовной полиции очень быстро узнали все подробности аферы и установили несомненную причастность к ней многих лиц, представлявших верхушку хортистской власти в Венгрии.

Результаты следствия, проведенного прибывшими из Парижа специалистами, через дипломатические каналы были немедленно сообщены Хорти. Французское правительство давало понять, что оно ждет срочного и исчерпывающего ответа по поводу вероломных действий против экономики Франции и системы ее денежного обращения. Словом, дело все более осложнялось, оно угрожало вызвать беспрецедентный в истории международных отношений скандал.

Поневоле пришлось назначить новое расследование. По заранее разработанному плану оно должно было показать, что в фабрикации франков замешана «рука Москвы». В уголовном мире нетрудно было найти «свидетелей», готовых подтвердить, что деньги пересылались через каких-то таинственных «большевистских комиссаров». Но надуманность такой версии оказалась слишком очевидной, и от нее пришлось отказаться. После этого не нашли ничего другого, как переложить всю вину на отдельных лиц, официально не входивших в состав правительства, но фактически так или иначе участвовавших в подделке.

После долгих уговоров и тонкой игры на высоких «патриотических» чувствах Бетлену и его друзьям удалось убедить принца Виндишгреца, его личного секретаря Раба, генерала Надоши и еще некоторых лиц принять ответственность целиком на себя. Всем им было обещано, что будет создана лишь видимость следствия и все дело прекратится, а вскоре и вовсе будет предано забвению.

Однако начавшееся следствие и развернувшиеся одновременно события не обещали околпаченным «патриотам» ничего хорошего.

В Будапеште готовился громкий судебный процесс. В первых числах января 1926 года вся группа обвиняемых была подвергнута предварительному заключению.

В подготовке к суду Хорти и его клика не церемонились в выборе средств, для того чтобы убрать со сцены нежелательных свидетелей и избавиться от их показаний. Угрозами и запугиваниями, подкупом и даже убийствами пресекалась возможность выступления на процессе тех, кто своими показаниями мог бы разоблачить действия правительства и доказать непосредственное участие как высших представителей власти, так и самого диктатора Венгрии в подделке французских франков.

Так с помощью наемных убийц был устранен один из наиболее опасных свидетелей, представитель венгерской оппозиционной партии Васони, поднявший против Хорти совместно с журналистом Жюлем Зауэрвейном кампанию во французской печати. На Васони было организовано нападение «хулиганов», и в результате нанесенных тяжелых ранений свидетель через несколько дней умер.

Еще более коварным образом расправились хортисты с другим нежелательным для них свидетелем, депутатом венгерского национального собрания Хиром, который готовился выступить на суде с разоблачающими показаниями. Накануне один из ближайших друзей Бетлена пригласил Хира к себе на обед. После нескольких блюд гость почувствовал себя настолько плохо, что его прямо из-за стола пришлось отправить в больницу. Врачи сразу установили сильнейшее отравление, и, несмотря на принятые меры, спасти пострадавшего так и не удалось.

Зато быстро и обо всем договорились с директором сберегательных касс Барошем, являвшимся фактическим руководителем сбыта фальшивых франков за границей. Его вынуждены были оставить в покое после недвусмысленного заявления, что в случае вовлечения его в процесс им будут представлены неопровержимые доказательства причастности к афере всей верхушки государственной власти. Чтобы раз и навсегда купить молчание Бароша, ему обещали предоставить после процесса весьма доходную монополию на владение в Будапеште таксомоторным парком.

В ходе судебного разбирательства по отношению к Виндишгрецу применялась другая тактика. Чтобы предупредить нежелательные выступления принца, ставшего центральной фигурой процесса, его всячески превозносили как «патриота», борца против революции. Особо подчеркивались его личное бескорыстие и руководившие им высокие побуждения.

В результате соответствующей подготовки судебный процесс разыгрывался как по нотам, как отлично репетированный спектакль: обвиняемые и вышколенные свидетели почти не сбивались с отведенной им роли и высказывались именно так, как это предусматривалось заранее разработанным совместно с обвинением планом действий. При возникавших иногда заминках судьи и защитники наводящими вопросами помогали находить нужные ответы.

Все шло гладко и складывалось так, что главные организаторы аферы оставались в стороне, а у третьих лиц не было оснований даже подумать о возможности привлечения их к ответственности.

Заколебалась и Франция, представитель которой на суде, имевший инструкцию твердо отстаивать интересы

своей страны, получил затем совершенно противоположные указания. Под воздействием Англии, а особенно Италии, французское правительство резко изменило свою первоначальную позицию в этом деле. Чемберлен и Муссолини сумели доказать Франции необходимость сохранения авторитета хортистской Венгрии, считавшейся в тот период надежным кордоном, защищающим Балканский полуостров от влияния Советского Союза. В результате все претензии Франции свелись к символическому удовлетворению ее гражданского иска в сумме одного франка.

Суд по мере возможности затягивался, но после появления на страницах прогрессивной прессы новых скандальных разоблачений оставлять дело без последствий и оправдать всю группу обвиняемых становилось уже невозможно. Принца Виндишгреца и генерала Надоши приговорили к четырем годам заключения, секретаря принца — к полутора годам, а двух последовательно сменявшихся начальников военно-картографического института — к одному году лишения свободы каждого.

Такой приговор вполне устраивал верхушку власти. Изоляция осужденных на некоторое время исключала их из общественной жизни, создавала видимость «возмездия» за совершенные преступления и одновременно в известной степени успокаивала страсти, разгоревшиеся вокруг нашумевшей аферы.

Обстановку и условия, созданные для Виндишгреца в «тюрьме», нельзя было назвать мучительными и тяжкими. После приговора Виндишгреца доставили в здание больницы при доме предварительного заключения. Там в его распоряжение были предоставлены совершенно изолированные апартаменты с привычными для принца комфортом и удобствами. Он пользовался отличным питанием, доставлявшимся из дома и лучших будапештских ресторанов, внимательным обслуживанием, а также имел возможность принимать навещавших его друзей и даже развлекаться выступлениями специально приезжавших артистов.

Даже такое относительное лишение свободы продолжалось совсем недолго. Уже в декабре 1926 года перед роскошной машиной принца Виндишгреца, возвращавшегося из заключения в высший свет, широко распахнулись ворота так гостеприимно приютившей его тюрьмы.

Влиятельные круги международной реакции затратили немало усилий, чтобы умалить политическое значение этой аферы и затушевать непосредственное участие в ней своих верных слуг — высших представителей фашистского правительства Венгрии. Однако все их ухищрения не привели к тем результатам, которых они ожидали.

В заключение нельзя не отметить, что в деятельности этих аферистов не обходилось без того, чтобы вор у вора дубинки не крал. Незадачливый агент Янкович ограничился попыткой присвоить три тысячи франков и долго не мог прийти в себя от шока, после того как был схвачен при первой же попытке разменять одну бумажку. Зато некий Манкович действовал с куда большим размахом. Воспользовавшись имевшимися у него возможностями вхождения в «святая святых» епископа, где хранились фальшивые франки, он похитил сразу целую пачку банкнотов. Затем Манкович ухитрился, не выезжая никуда из Будапешта, внести их в ссудный банк и рассчитаться фальшивками по задолженности своего брата-фабриканта, находившегося накануне полного банкротства.

По-видимому, это — единственный случай, когда удалось, не вызывая подозрений, сбыть на значительную сумму поддельные франки. Но надо же было случиться так, что на этом бизнесе пострадал именно венгерский, а не какой-нибудь другой банк!

КТО СТОЯЛ ВО ГЛАВЕ ФАШИСТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Несмотря на катастрофическое поражение кайзеровской Германии в первой мировой войне, немецкие милитаристы в течение всего последующего периода ни на один день не прерывали подготовку к развязыванию новых агрессивных действий. Под демагогическими лозунгами установления в Европе «нового порядка» и борьбы против «коммунистической опасности» готовился новый поход на Восток.

Не встречая соответствующего отпора со стороны западных держав, пользуясь щедрой материальной поддержкой крупных немецких и зарубежных монополий и банков, германская военщина с каждым годом все более

открыто проявляла свои захватнические намерения. Особенно усилилась эта тенденция после установления в Германии фашистского режима, при котором реваншизм, шовинизм и захват чужих земель были возведены до уровня государственной политики.

Всячески обходя ограничения, связанные с обязательствами по Версальскому договору, гитлеровцы сумели за короткий срок осуществить ряд исключительно важных мероприятий по возрождению военной мощи Германии. Под предлогом борьбы с безработицей и необходимости выполнения в стране крупных дорожных и строительных работ, восстановления народного хозяйства гитлеровцам менее чем за два года удалось создать из молодежи призывного возраста многомиллионную, отлично вымуштрованную и вполне подготовленную для будущей войны так называемую армию «трудового фронта».

Одновременно с формированием костяка будущих вооруженных сил Германии фашистское руководство осуществляло подготовку кадров для военной промышленности. За рубежами Германии заблаговременно создавались технические и конструкторские бюро, организовывались в других странах промышленные предприятия, в которых немецкие ученые-специалисты, инженеры и техники разрабатывали проекты и непосредственно участвовали в строительстве и оснащении по заказам иностранных государств военных надводных кораблей и подводных лодок, боевых и транспортных самолетов, танков, а также участвовали в самом производстве предметов вооружения и военной техники.

В 1935 году, после окончательного и одностороннего отказа от выполнения обязательств по Версальскому договору, фашистская Германия становится на путь открытой милитаризации страны и агрессивной политики. Лопаты и кирки «строителей трудового фронта» заменяются автоматами и пулеметами, создается мощная современная армия, резко увеличивается состав военно-морского флота. Немецкие специалисты, обогатившиеся опытом выполнения военных заказов за рубежом, срочно возвращаются на родину, где их уже ожидала работа на немецких военных заводах.

Достаточно взглянуть на краткий перечень только самых важных событий, связанных с агрессивными начинаниями Германии за предшествовавшие пять лет перед

началом второй мировой войны, чтобы восстановить в памяти отдельные моменты, а также темпы в размах, которыми гитлеровцы шли навстречу развязыванию этой войны:

- сентябрь 1933 года — выход Германии из Лиги наций;
- март 1935 » — присоединение к Германии Саарской области;
- » » » — отказ Германии от выполнения обязательств по Версальскому договору;
- 1936 год — захват Германией и ремилитаризация прирейнской зоны;
- » » — начало германо-итальянской интервенции в Испании;
- 1937 » — оформление агрессивного блока «ось Берлин — Рим — Токио»;
- март 1938 года — оккупация («аншлюс») Австрии;
- сентябрь » » — оккупация Германией Судетской области;
- март 1939 » — оккупация Германией Чехословакии;
- » » » — захват Клайпеды и Мемельской области;
- сентябрь » » — нападение на Польшу.

В водовороте крупных политических событий, происшедших в предвоенные годы, в атмосфере все более обострившихся международных отношений деятельность фашистских разведывательных органов продолжала интенсивно расширяться и углубляться. Заметно активизировалась в тот период и подрывная работа многочисленных организаций фашистской Германии, в задачу которых входило ослабление различными скрытыми методами военно-экономической мощи потенциальных противников.

Основную работу в этой части осуществляли главные управления, подчиненные центру имперского руководства СС, шефом которого до конца войны бесменно оставался рейхсфюрер СС шеф германской полиции Генрих Гиммлер. Особая роль в системе этого гитлеровского полицейского органа принадлежала так называемому главному имперскому управлению безопасности, возглавлявшемуся Гейдрихом, а после его смерти — Кальтенбруннером.

С 1936 по 1942 год начальником главного имперского управления безопасности являлся кровавый палач чехословацкого народа Рейнгард Гейдрих, занимавший одновременно также должность начальника гестапо, а

впоследствии — пост заместителя фашистского «протектора» Богемии и Моравии.

До 1931 года Гейдрих состоял на службе в германском военно-морском флоте и, «дотянув» до звания старшего лейтенанта, в возрасте 27 лет был навсегда уволен с военной службы за ряд скандальных поступков и моральное разложение. Оставшись не у дел, Гейдрих становится завсегдатаем того сорта пивных в Гамбурге, где обычно устраивали сборища наиболее темные личности большого портового города и профашистски настроенные молодчики. Бывшему старшему лейтенанту флота нетрудно было найти общий язык с такими собутыльниками и, выдавая себя за человека, пострадавшего за политические убеждения, втереться в доверие вожакон нацистского движения. Прошло немного времени, и «жертву красных» с распростертыми объятиями приняли в местную фашистскую организацию.

Очень скоро Гейдриху удастся завязать дружеские отношения с Гиммлером, который в тот период уже играл видную роль в кругу приближенных к Гитлеру лиц. Влезаю все больше в гущу главарей фашистского центра, Гейдрих в 1932 году назначается начальником организации эсэсовских отрядов службы безопасности при рейхсфюрере СС, ставших позднее основным костяком будущей гитлеровской тайной политической полиции — гестапо.

После захвата власти в Германии фашистами в 1933 году Гейдрих назначается начальником полиции Баварии, а затем быстро забирается все выше по ступенькам полицейской иерархии. Гейдрих проявил свое особое умение в организации различного рода провокаций и фабрикации всевозможных фальшивок как в служебных, так и в личных целях.

Так, например, путем подложных документов он добился увольнения в отставку впавшего у Гитлера в немилость фельдмаршала Бломберга. Для дискредитации этого престарелого фельдмаршала Гейдрих приказал сфабриковать фальшивки, «подтверждавшие», будто молодая жена Бломберга до замужества являлась зарегистрированной в полиции проституткой. Немало подложных документов по указанию Гейдриха было изготовлено также и в связи с пресловутым заговором Э. Рема против Гитлера.

Назначение Гейдриха в 1936 году на должность начальника главного имперского управления безопасности и гестапо позволило этому садисту по природе и материальному эсэсовцу в еще более отвратительной форме развернуть свои преступные наклонности. Недаром даже некоторые западногерманские публицисты характеризуют Гейдриха как «исчадие ада», как личность, для которой не существовало ничего похожего на то, что напоминало бы совесть, честь или самое примитивное представление о порядочности. Все, что творилось им, совершалось не во имя какой-либо идеи, а исключительно из корысти, ради личной карьеры, чаще же всего для удовлетворения своей ненасытной страсти к жестокости, из желания причинить людям страдание и горе.

Особенно активно проявлялась палаческая деятельность Гейдриха в период захвата гитлеровской Германией малых стран Западной Европы: он организовывал зверские преследования и массовые убийства прогрессивных деятелей, проводил еврейские погромы как в оккупированных районах, так и в самой Германии.

По поводу бесчеловечных издевательств и расправ, совершавшихся по приказам Гейдриха над еврейским населением многих стран Европы, Гиммлер в свое время с нескрываемым цинизмом и удовлетворением отмечал: «Для выполнения задачи, поставленной перед нами нацистской партией, фюреру трудно было бы найти более подходящего человека, чем Гейдрих. По отношению к евреям он всегда действует беспощадно и без малейшей жалости даже к детям».

Проявляя такую изуверскую жестокость к евреям, Гейдрих тщательно скрывал, что его дед был женат на еврейке и что это обстоятельство никак не давало ему оснований кичиться своим якобы чисто арийским происхождением. В 1935—1937 годах в нацистские партийные органы неоднократно поступали «сигналы» о том, что в жилах Гейдриха течет еврейская кровь. Однако в результате заблаговременно предпринимавшихся против таких заявлений контрмер Гейдриху каждый раз удавалось благополучно выходить из создававшегося неприятного для него положения. Так, например, автор одного такого заявления после энергичного воздействия на него со стороны гестапо поспешил отказаться от первоначальных утверждений. В другом случае сделали

так, что оказавшийся менее стоворчивым обличитель бесследно исчез на пути из Берлина в Галле, где он рассчитывал заручиться неопровержимыми доказательствами, разоблачавшими Гейдриха.

По-видимому, в связи с непрекращавшимся поступлением аналогичных сообщений Гейдрих скрупулезно собирал и тщательно хранил у себя в секретном сейфе документы, подтверждавшие, что у самого «фюрера», Адольфа Гитлера, в числе не очень далеких предков и родственников имелись также евреи.

Надо сказать, что давно умершая бабушка, носившая имя Сарры Гейдрих, и после смерти не давала покоя внуку, причиняя ему немало огорчений, заставляя подчас предпринимать «чрезвычайные» меры для сохранения семейной тайны. Так, в связи с поступлением одного заявления Гейдриху пришлось изъять из церковных книг соответствующие записи о браке своего деда. В другом случае, когда утверждалось, что на кладбище в Мейсене красуется надгробный памятник Сарре Гейдрих, ее внуку потребовалась экстренная помощь особо преданных ему лиц, чтобы немедленно убрать столь веское доказательство и на место его водрузить скромный надгробный камень, на котором были выбиты лишь инициалы умершей.

Понятно, что Гейдрих скрывал также и обстоятельства, в силу которых ему пришлось оставить службу в военно-морском флоте. В 1940 году один из его бывших сослуживцев пообещал своим друзьям как-нибудь рассказать истинные причины увольнения Гейдриха с военной службы. Однако выполнить свое обещание моряку так и не пришлось: однажды при выходе из квартиры его арестовали, заключили в концентрационный лагерь и вскоре расстреляли как «предателя» третьего рейха.

Бесконечно велик список преступлений, совершенных Гейдрихом. Не последнее место среди его злодеяний занимает организованная им по приказу Гитлера накануне 1 сентября 1939 г. инсценировка «нападения польских инсургентов» на немецкую пограничную радиовещательную станцию Глейвиц и таможенные строения в Хоэнлиндене. Как известно, эта исключительная по своей наглости провокация послужила для фашистской Германии «официальным предлогом» для начала военных действий

против Польши, которые быстро переросли во вторую мировую войну.

В 1942 году, имея звание генерала войск СС, Гейдрих по совместительству назначается на пост исполняющего обязанности протектора Богемии и Моравии. Выдвижение на эту должность именно начальника фашистской охраны вызывалось желанием Гитлера во что бы то ни стало «умиротворить» непокорное население оккупированной Чехословакии и покончить со все разрастающимся в этой стране патриотическим движением народа против немецко-фашистских захватчиков.

Всего несколько месяцев зверствовал Гейдрих в качестве карателя, но и этого сравнительно небольшого срока было для него вполне достаточно, чтобы пролить реки крови и навсегда остаться известным в истории как кровавый палач и убийца миллионов евреев, чехов, словаков и многих представителей других народов Европы.

27 мая 1942 г. под Прагой чехословацкие патриоты привели в исполнение вынесенный народом смертный приговор над Рейнгардом Гейдрихом и положили конец дальнейшим бесчинствам и зверствам этого фашистского заплечных дел мастера. В отместку за казнь Гейдриха гитлеровские карательные отряды стерли с лица земли Лидице и, как известно, расстреляли почти всех жителей этого местечка.

После Гейдриха (с 30 января 1943 г. до окончательного разгрома и капитуляции фашистской Германии) пост начальника главного имперского управления безопасности занимал Эрнст Кальтенбруннер — личность по своим моральным качествам и преступным действиям ни в чем не уступавшая своему предшественнику.

Кальтенбруннер — австриец по происхождению, член нацистской партии с 1932 года. Еще в 1935 году, то есть до оккупации Австрии, он являлся руководителем всех подпольных австрийских фашистских охранных отрядов, влившихся впоследствии в войска СС. После «аншлюса» Австрии Кальтенбруннер был назначен Гитлером статс-секретарем по вопросам безопасности в Австрии, имел звание генерал-лейтенанта СС и являлся членом рейхстага «третьей империи».

Согласно обвинительному заключению по делу о главных военных преступниках, Кальтенбруннеру вменялись в вину тяжчайшие преступления, как-то использование

занимавшихся им постов и личного своего влияния в укреплении фашизма в Австрии, захваченной нацистскими заговорщиками, в санкции, руководстве и принятии участия в военных преступлениях против человечности. По приказам Кальтенбруннера продолжалось жестокое обращение с населением на оккупированных территориях и с заключенными в концентрационных лагерях. В конце войны Кальтенбруннер принимал участие в подготовке к эвакуации заключенных и уничтожению значительного числа их, с тем чтобы предотвратить освобождение заключенных союзными армиями. По его приказам совершались массовые казни и пытки заключенных, было убито только евреев около 6 млн. человек.

В ходе подготовки к войне за установление мирового господства гитлеровское руководство действовало с большим размахом и отнюдь не ограничивалось одной кабинетной разработкой планов намечавшихся агрессивных действий.

Еще задолго до открытого нападения на ту или иную страну гитлеровское руководство проводило тщательное изучение, подготовку, а затем и осуществление подрывных актов, направленных к ослаблению военно-экономического потенциала своей будущей жертвы. Особую роль в таких подрывных действиях сыграла так называемая «группа VI-Ф», в задачу которой входило «техническое» обслуживание VI разведывательного и других управлений эсэсовской охраны, заключавшееся главным образом в обеспечении предпринимавшихся диверсий и провокаций необходимой материальной частью, а засылавшихся в другие страны шпионов — соответствующими фальшивыми документами.

Первоначально производственные цехи «группы VI-Ф» размещались в западной части Берлина, на Принц-Адальбертсвеге, а затем в связи с расширением дела фабрика фальшивок была переведена в одно из больших зданий на Дельбрюкштрассе.

Для изготовления поддельных документов группа имела в своем распоряжении большой штат «специалистов» высокой квалификации и самое совершенное техническое оборудование. Обеспеченная всем необходимым, группа имела возможность готовить любые фальшивки, каким бы сложным ни представлялось их исполнение. В самом разнообразном ассортименте фабриковались «докумен-

ты» и «официальные бумаги», исходившие якобы от различных зарубежных государственных учреждений других стран. Изготавливались фальшивые паспорта с визами на въезд в любую страну, дипломы высших учебных заведений, удостоверения, воинские документы, свидетельства, справки и даже водительские права шоферов.

В своей подрывной деятельности немецко-фашистская разведка уделяла особое внимание ослаблению обороноспособности и экономической мощи Советского Союза, усыплению бдительности советского народа. Усилия гитлеровцев направлялись главным образом на дезорганизацию работы государственных органов управления и промышленных центров, на устранение наиболее энергичных, талантливых и преданных нашей Родине руководителей, занятых в области обороны страны и развития народного хозяйства СССР.

Начальником «группы VI-Ф» являлся штурмбаннфюрер Альфред Хельмут Науйокс. Уроженец города Киле, этот эсэсовец до 30-х годов интересовался главным образом спиртными напитками и боксом, выступая иногда не без успеха на любительских рингах. Техник-практик, не имевший специальной теоретической подготовки, пользовался в Киле широкой известностью скандалиста и задиры. В 1931 году он вступил в эсэсовскую организацию и вскоре стал своим человеком в компании самых оголтелых молодчиков. Фашистские главари весьма ценили таких и знали, что люди, щеголявшие в коричневой форме с портупеей через плечо и нарукавными повязками со свастикой, готовы на все и не постесняются в выборе средств для выполнения самого рискованного задания.

Очень скоро Науйокс проявил себя незаменимой «ударной силой», которая использовалась нацистами обычно в тех случаях, когда в политических диспутах не хватало других аргументов и фашисты прибегали к кулачной расправе над инакомыслящими.

Перед собутыльниками Науйокс часто хвастался своими похождениями и охотно демонстрировал следы ранений на своем теле. Нос, перебитый в одной из драк железным прутком, убедительно свидетельствовал о том, что такие схватки не всегда благополучно заканчивались для нацистских головорезов.

К началу войны 28-летний Науйокс уже занимал весьма заметное положение в иерархии имперской службы безопасности. Он пользовался известными привилегиями не только в соответствии с занимаемой им должностью начальника одной из секретнейших групп, но и в связи с тем, что за ним числилось немало личных «заслуг». Он являлся одним из представителей так называемой «старой гвардии» нацистов, организатором провокации, известной под наименованием операция «Глейвиц». В 1939 году одним из первых в начале войны Науйокс был награжден орденом «Железного креста» I степени за удачное выполнение операции «Венло», возглавлявшейся лично Вальтером Шелленбергом, в результате которой на голландской территории были захвачены и доставлены в Германию два офицера английской разведки.

Все вместе взятое позволяло Науйоксу чувствовать себя в известной степени как бы на равном положении даже с большим начальством, в том числе и с начальником главного имперского управления безопасности Гейдрихом.

В материалах Международного военного трибунала в Нюрнберге по делу о главных военных преступниках фашистской Германии имеются показания свидетеля Наужокса. Оказывается, что этот «свидетель» являлся главным исполнителем инсценировки «нападения поляков» на немецкую радиостанцию Глейвиц. На этом событии следует остановиться особо.

В первой половине августа 1939 года Гитлер вызвал к себе Гиммлера и Гейдриха, с тем чтобы поручить им выполнение особо важного и совершенно секретного задания. Было приказано тщательно продумать и подготовить все, чтобы в нужный момент по команде сверху инсценировать «внезапное вторжение Польши» на пограничную территорию Германии. Давая подробные указания, Гитлер говорил:

— Имейте в виду, что для показа представителям иностранной прессы и для самой Германии нам нужны будут неопровержимые вещественные доказательства, что нападение на нас совершено именно поляками. Побойтесь, чтобы такие доказательства оказались налицо.

«Нападение поляков» на немецкую радиостанцию Глейвиц и на пограничные строения в Хоэнлиндене было

разыграно вечером 31 августа 1939 г. Затем под предлогом ответных действий 1 сентября гитлеровские войска вторглись в Польшу и в течение одного месяца разгромили слабо подготовленную к обороне страну. В войну вступили Англия и Франция. После разгрома Польши основные силы военной машины агрессивной Германии были повернуты на Запад, с тем чтобы, как заявлял тогда Гитлер, «в первую очередь рассчитаться с пожинателями плодов Версальского договора». Таким образом, получилось так, что следующий свой удар германский империализм обрушил как раз против тех держав, которые активно содействовали его возрождению и способствовали появлению на международной арене силы, через двадцать один год после окончания первой мировой войны снова нарушившей мир на земле.

В числе огромной массы документов и вещественных доказательств по делу о главных военных преступниках фашистской Германии имеются показания некоего свидетеля Наужокса. Как было установлено много позднее, этот свидетель являлся не только главным действующим лицом в инсценировке «нападения поляков» на радиостанцию Глейвиц, но и занимал впоследствии должность начальника «группы VI-Ф», специализировавшейся на фабрикации разного рода фальшивых документов. На Международном военном трибунале в Нюрнберге этот «свидетель» выступал под переименованной на английский лад фамилией, а в Германии был известен в органах гитлеровской охраны как Альфред Хельмут Науйокс.

Вот что показывал на процессе Наужокс — Науйокс: — 10 августа 1939 г. или около этой даты начальник ЗИПО и СД Гейдрих лично приказал мне инсценировать нападение на радиостанцию близ Глейвица около польской границы и создать такое впечатление, что нападавшими были поляки.

Гейдрих заявил, что для иностранной прессы, а также для германской пропаганды необходимо практическое доказательство польского нападения. Мне приказали ехать в Глейвиц с пятью или шестью другими членами СД и находиться там до тех пор, пока я не получу кодовое извещение от Гейдриха о том, чтобы произвести нападение. Данные мне инструкции заключались в том, что нужно было захватить радиостанцию и держать ее некоторое время, для того чтобы дать возможность предо-

ставленному в мое распоряжение немцу, говорящему на польском языке, произнести по радио речь.

Гейдрих сказал мне, что в этой речи должно было говориться о том, что пришло время для столкновения между немцами и поляками и что поляки должны сплотиться и уничтожить всех немцев, со стороны которых они встретят сопротивление. В то же время Гейдрих сказал мне, что он ожидает в течение ближайших дней нападения Германии на Польшу.

Я поехал в Глейвиц и ждал там 14 дней. Затем я попросил разрешения Гейдриха вернуться в Берлин, но мне было сказано, что я должен оставаться в Глейвице.

Между 25 и 31 августа я поехал навестить Генриха Мюллера, начальника IV управления (гестапо), который в то время находился близко от меня — в Оппельне. В моем присутствии Мюллер обсуждал с человеком по имени Мельгорн планы другого пограничного инцидента, который должен был создать впечатление, что польские солдаты нападают на немецкие войска. Для этого необходимо было использовать немецких солдат в количестве примерно одной роты. Мюллер заявил, что у него есть 12 или 13 осужденных уголовных преступников, которых необходимо одеть в польскую форму и оставить мертвыми на месте инцидента, чтобы показать, что они якобы убиты при нападении. Для этого им было необходимо произвести смертельные подкожные впрыскивания врачом, выделенным для этой цели Гейдрихом. Им также необходимо нанести огнестрельные ранения. После инцидента на место происшествия должны быть доставлены представители прессы и другие лица. Затем следовало подготовить соответствующий полицейский отчет.

Мюллер сказал мне, что у него имеется указание Гейдриха о том, чтобы предоставить в мое распоряжение одного из этих преступников для мероприятия в Глейвице. Кодовое обозначение, употреблявшееся им по отношению к этим преступникам, было «консервы».

Инцидент в Глейвице, в котором я принимал участие, имел место вечером накануне нападения Германии на Польшу. Как я помню, война разразилась 1 сентября 1939 г. В полдень 31 августа я получил от Гейдриха телефонное указание с кодовым обозначением для нападения, которое должно было произойти в 8 часов вечера. Гейдрих сказал: «С целью выполнения этой задачи за-

просите у Мюллера „консервы“». Я сделал это и дал Мюллеру указание о том, чтобы он доставил человека к радиостанции. Он был жив, но находился в бессознательном состоянии; то, что он был жив, можно было определить только по его дыханию. Я не видел огнестрельных ран, но кровь была, она обильно покрывала его лицо. Он был в гражданской одежде.

Мы захватили радиостанцию, согласно приказу, передали речь по запасному передатчику, произвели несколько выстрелов из пистолета и ушли.

К показаниям Науйокса остается только добавить, что вслед за инсценированным эсэсовцами пограничным инцидентом, в ночь на 1 сентября 1939 г., немецко-фашистские войска под предлогом ответных действий на «польскую агрессию» вторглись в пределы Польши. На следующий день на месте происшествия представителям иностранной прессы показывались тела нескольких расстрелянных немецких уголовников, одетых в польскую военную форму и убитых якобы при отражении нападения на немецкую радиостанцию.

ОПЕРАЦИЯ „БЕРНГАРД“

Вскоре после начавшейся в 1939 году войны английские самолеты стали сбрасывать над Германией поддельные продовольственные карточки и талоны на предметы широкого потребления. Распространение их в Германии в массовых количествах угрожало весьма серьезными последствиями и дезорганизацией снабжения населения самыми необходимыми предметами потребления.

Занимавший в то время должность начальника «группы VI-Ф» организатор провокации в Глейвице Альфред Науйокс предложил Гейдриху в качестве ответной меры изготовить и сбрасывать над территорией противника фальшивые английские банкноты. Этими средствами предполагалось заставить Англию воздержаться от дальнейших попыток сорвать нормальное снабжение немецкого населения продуктами питания и предметами первой необходимости.

Гейдрих отнесся очень сочувственно к идее Науйокса и сразу учел, что удачно сфабрикованным банкнотам

можно будет одновременно найти и лучшее применение, чем разбрасывание их над Британскими островами. Дело заключалось в том, что имперская служба безопасности из-за хронического недостатка иностранной валюты часто оказывалась в затруднительном положении и не всегда имела возможность обеспечивать достаточными средствами действовавшую за рубежом агентуру. Гейдрих понимал, что хорошо налаженная фабрикация безупречно подделанных английских банкнот позволит еще более активизировать шпионскую и диверсионную работу за границей.

Имелось также в виду, что путем оплаты крупных коммерческих операций по закупкам в нейтральных странах фальшивыми банкнотами можно будет буквально наводнить страны Европы, Америки, весь Ближний и Средний Восток. Создавалась возможность нанесения очень чувствительного удара по экономике Великобритании и серьезного подрыва системы ее денежного обращения.

Через несколько дней план, предусматривавший по внесенному лично Гейдрихом дополнению фабрикацию также и американских долларов, был доложен Гитлеру. И «фюрер» тут же, правда с некоторой оговоркой, одобрил многообещающий проект экономической диверсии. На докладе появилась следующая разрешающая операция резолюция, наложенная размашистым почерком: «Пока без долларов, со Штатами еще не воюем». В отношении английских банкнот устно было приказано во что бы то ни стало добиться такой подделки, чтобы фальшивые кредитные билеты ничем не отличались от настоящих. Было поставлено условием, чтобы даже самая тщательная проверка не смогла обнаружить в них ничего подозрительного.

Выполнение таких требований явилось бы нелегким делом даже для специалистов экспедиций заготовления государственных бумаг. Однако фашистский центральный орган безопасности основную трудность видел не в полиграфической части работы, а в изготовлении точно такой же бумаги, на которой печатались настоящие английские банкноты. Тем не менее санкционированный Гитлером план надо было выполнять, и начальник «группы VI-Ф» Науйокс немедленно включил самых опытных и квалифицированных специалистов в подготовку им

же самим предложенной экономической диверсии. Вскоре, действительно, полным ходом развернулись работы по подготовке к операции, обещавшей вылиться в крупную экономическую подрывную акцию. Первоначально она носила шифрованное название «Андреас», а затем была переименована в операцию «Бернгард», по имени Бернгарда Крюгера, являвшегося техническим руководителем по производству фальшивок.

Как и следовало ожидать, строгие требования в отношении тщательности и точности воспроизведения английских банкнотов вызвали с самого начала работ чрезвычайные трудности, для преодоления которых потребовалось в общей сложности почти два года.

Казалось бы, что для выполнения поставленных задач «группа VI-Ф» располагала достаточным штатом специалистов, обладавших богатой практикой в области фабрикации всевозможных фальшивок. Имелись и все нужные технические средства, а также такие «специалисты», которые могли бы поделиться своим опытом подделки советских червонцев в 20-х годах. Однако всего этого оказалось еще недостаточно для решения задачи в предусмотренных условиях и масштабах.

На первых же порах фальшивомонетки столкнулись с серьезной трудностью: они не знали рецепта изготовления и состава бумаги, которая употреблялась для печатания английских банкнотов. На получение готовой бумаги для этой цели извне не приходилось рассчитывать, организовать же специальное производство такой бумаги в Германии оказалось делом весьма сложным. Отсутствовали даже точные данные не только о составе бумаги, но и о технологии ее изготовления, учитывая, что она должна была обладать особыми качествами: отличаться особой прочностью и эластичностью, так как английские банкноты почти не мялись от продолжительного нахождения в обращении.

Практически не так-то просто и далеко не сразу можно было определить состав бумажной массы. Прежде чем добиться удовлетворительного результата, немало было изведено настоящих банкнотов, изготовленных в самой Англии: из них для анализов вырезались кусочки бумаги, не имевшие следов печатного текста и водяных знаков. Неоднократно повторявшиеся исследования не давали нужных результатов, получавшиеся данные резко

расходились с другими одновременно проводившимися анализами.

Только после многих проведенных с особой тщательностью исследований в нескольких разных институтах и специальных лабораториях удалось, наконец, получить совпадающие данные.

Анализы начисто опровергли издавна существовавшие неизвестно почему предположения, что бумага для английских банкнотов готовится из каких-то особых, засекреченных видов экзотических растений или древесины, родиной которых являются якобы тропики. Теперь было точно установлено, что бумага вырабатывается из обычного льняного тряпья без какого бы то ни было добавления в бумажную массу целлюлозы или других компонентов.

Словом, консервативная Англия изготовляла бумагу для банкнотов по тому же рецепту, что и в XVII столетии, когда целлюлоза в бумажном производстве вообще еще не употреблялась.

Во всяком случае, полученное общее заключение позволило, наконец, приступить к первым попыткам пробной выработки бумаги, которая по структуре, свойствам и внешнему виду в точности соответствовала бы английской.

Чрезвычайно сложным оказалось, между прочим, изготовление проволочных матриц-контуров для получения на бумаге водяных знаков, во всем совпадающих с имевшимися на английских денежных знаках. Потребовалось исключительное мастерство и филигранное искусство незаурядного художника-ювелира, чтобы выполнить такую тонкую работу. К слову сказать, оправдавшим надежды большим мастером этого дела оказался очень скромный на вид человек, судившийся и отбывавший наказание за подделку денег. Теперь не только этот, но и многие другие уголовники-фальшивомонетчики становились незаменимыми помощниками имперской службы безопасности. Вся разница в их деятельности заключалась в том, что отныне они участвовали в подделке денежных знаков уже не в качестве частных «предпринимателей», а как специалисты, привлеченные для того же дела, но в порядке выполнения государственного мероприятия, запланированного верхушкой фашистской Германии.

Начавшиеся работы проводились под секретом в изолированном здании небольшой бумажной фабрики вблизи местечка Эберсвальде, примерно в 30 километрах к северо-востоку от Берлина.

Первые же полученные пробы показали, что при механической штамповке на бумаге не удастся получить четкого изображения водяных знаков. Попробовали переключиться на ручную, во много раз более кропотливую и медленную выработку. Такой способ уже много лет почти не применялся в бумажной промышленности и поэтому не так-то легко было найти мастеров, знакомых с этим делом. Положение осложнялось еще и тем, что необходимо было подобрать только таких специалистов, которых считали возможным допустить к секретной работе.

Наконец, высококвалифицированные старые мастера были разысканы. С их помощью после устранения разных неполадок ручную выработку удалось постепенно наладить. Бумага получалась почти того же качества, какое требовалось, изображение водяных знаков на ней стало более четким. Кустари-фальшивомонетки «частного сектора» остались бы, во всяком случае, очень довольны такими результатами и о лучших не смели бы даже мечтать. Но для готовившейся гитлеровцами диверсии оговорка «почти» в отношении качества продукции все еще не позволяла считать выполненными те строгие требования, которые были поставлены перед «группой VI-Ф».

Долго бились старики-бумажники и химики над тем, чтобы устранить недостатки, но все, что ни делалось, оставалось безрезультатным. Не помогли ни изменения, вносившиеся в технологию производственного процесса, ни вариации в отношении продолжительности варки бумажной массы и установления определенного температурного режима при сушке и т. д.

Оставалось только предполагать, что неудачи связаны с неудовлетворительным качеством тряпья, но лучшей льняной ткани в то время в Германии не оказалось. Срочно выписали из Турции несколько тонн льна-волокна самого высокого качества. Приготовленную из такого высокосортного льна ткань рвали в лоскут и потом снова варили бумажную массу, с тем чтобы провести все новые и новые пробы.

Теперь по своему внешнему виду и на ощупь бумага как будто решительно ничем не отличалась от английской, но... Даже самые удачные образцы все еще продолжали таить в себе какие-то скрытые, остававшиеся невыясненными пороки: при тщательной экспертизе имевшиеся дефекты легко могли бы выдать подделку. Заключался же недостаток в том, что при исследовании банкнота на свет с помощью кварцевой лампы опытный эксперт сразу обнаружил бы в фальшивом денежном знаке отсутствие нежного, чуть заметного светло-голубого ореола вокруг водяного знака — особенности, характерной для настоящих английских банкнотов.

Какими только средствами не пытались получить такой же эффект на фальшивых банкнотах! Строго придерживались определенного, по-разному установленного температурного режима и влажности воздуха в производственных помещениях; повторно меняли условия варки массы и сушки приготовленной бумаги; добавляли в бумажную массу малые дозы красителей и разных реактивов. Однако повторявшиеся бесчисленное количество раз опыты по-прежнему не давали нужных результатов.

В течение нескольких месяцев изо дня в день опытные специалисты-бумажники и эсэсовцы-практиканты, прикомандированные к «группе VI-Ф» для освоения производства, продолжали заниматься варкой массы и изготовлением бумаги по разным рецептам и непрестанно менявшейся технологии.

Масса черпалась из чанов особыми формами в виде деревянных рамок с натянутой на них сеткой и хитроумно сплетенными из бронзовой проволоки контурами для получения водяного знака. После того как основная масса воды стекала, остававшийся в рамке лист еще совсем жидкой бумаги осторожно опрокидывался на войлочное сукно и прикрывался сверху вторым слоем войлока. Так продолжалось до тех пор, пока не образовывалась целая стопка листов сырой бумаги с войлочными прокладками между каждым листом. Затем вся стопка ставилась под пресс, который удалял почти всю оставшуюся в бумаге влагу. Потом через некоторое время все еще чуть влажные листы вынимались и развешивались для окончательной просушки в условиях определенной температуры. Для придания бумаге гладкой поверхности и глянца высохшие листы в заключительном процессе под-

вергались прокатыванию через специальную вальцовку, состоявшую из системы подогреваемых валов.

Неизвестно, сколько еще времени продолжались бы безрезультатные изыскания в целях производства идентичной английской бумаги, если бы решению этой задачи, как оно часто бывает, не помогла чистая случайность.

Однажды при проведении очередного опыта для приготовления бумажной массы были взяты оказавшиеся случайно под руками мытые льняные тряпки, использовавшиеся до этого как обтирочный материал. К удивлению всех, водяные знаки на бумаге, сделанной из такого сырья, получались в окружении такого же нежно-голубого ореола, как на настоящих банкнотах английского казначейства. Понятно, что с того времени стали употреблять только тщательно промытое льняное тряпье, которое предварительно находилось в употреблении в качестве обтирочного материала.

Итак, «группа VI-Ф» открыла в конце концов секрет изготовления бумаги, которая соответствовала предъявлявшимся требованиям. Но оставалось еще много других и не менее сложных задач, над решением которых работали другие специалисты в течение нескольких месяцев.

Гитлеровское управление безопасности учитывало, что для полного успеха задуманной операции ни в коем случае нельзя следовать примеру кустарей-фальшивомонетчиков. По техническим и многим другим причинам, а также в силу скромных производственных возможностей «частникам» поневоле приходилось фабриковать фальшивки лишь нескольких образцов находившихся в обращении кредитных билетов. Для осуществления же крупной экономической диверсии приходилось решать куда более сложные проблемы. Необходимо было предусмотреть изготовление фальшивых банкнотов по образцам и в купюрах разных достоинств, а также тех серий и соответствующей нумерации, которые фактически выпускались в течение нескольких последних десятилетий. Надо было, чтобы даты и подписи на банкнотах точно совпадали с теми, которыми отмечались выпускавшиеся в тот или иной период купюры. А для этого необходимо было предварительно расшифровать и изучить очень сложную систему, принятую для обозначения серий и нумерации банкнотов английским казначейством.

Встретились еще и другие, совершенно непредвиден-

ные трудности, и притом настолько сложные, что для преодоления их потребовалось еще несколько месяцев. Несмотря на очень высокую степень развития и совершенство полиграфического искусства в Германии, гитлеровская фабрика фальшивок в условиях секретно проводившейся работы не всегда имела возможность пользоваться всеми техническими достижениями в этой отрасли. Так, например, над выполнением граверных работ в течение семи месяцев корпели пять лучших немецких специалистов. Только после такой длительной и филигранной работы им удалось добиться точного совпадения всех деталей рисунка и текста с имевшимися на настоящих банкнотах и правильного расположения их в сочетании с водяными знаками.

Трудной задачей оказалось также и такое, казалось бы, несложное для художника дело, как воспроизведение в левом верхнем углу банкнота с абсолютной точностью эмблемы Британии. Сложность заключалась в искусно скрытых в изображении мельчайших деталей рисунка, служивших одним из средств обнаружения подделки. Заметить эти неразличимые невооруженным глазом особенности могли лишь специалисты, да и то при условии многократного увеличения рисунка. Вообще же, по уверению бывшего начальника VI разведывательного управления Шелленберга, в английском банкноте довоенного выпуска имелось, в зависимости от купюр, от 70 до 160 скрытых примет, по которым английский банк имел возможность обнаружить подделку.

Для проверки и окончательного одобрения образцов изготовленной бумаги и фальшивых банкнотов разного достоинства периодически назначались специальные комиссии, перед которыми демонстрировалась готовая продукция как в натуре, так и в сильно увеличенном виде на экране.

Даже после того как все трудности оказались позади, имперская служба безопасности все еще не приступала к массовой фабрикации фальшивых английских банкнотов. Правда, к тому времени уже имелись необходимые образцы банкнотов, выпускавшихся за последние 20—30 лет в Англии, известны были система нумерации и образцы подписей должностных лиц на этих банкнотах в соответствии с датами их выпуска. Но этого было еще недостаточно.

Дополнительно уточнялся порядок упаковки в пачки купюр одного достоинства. Знание этой подробности являлось необходимым, так как учитывалось, что при крупных операциях расчеты, возможно, будут производиться наличными нераспакованными пачками банкнотов. Внешний вид пачек не должен был вызывать подозрений. Упаковка должна была соответствовать принятой английским государственным банком.

Кроме того, перед «группой VI-Ф» была поставлена задача, чтобы банкноты не имели вида только что вышедших из-под станка денег. Они должны были производить впечатление ассигнаций, уже побывавших в обращении и успевших, в соответствии со временем их выпуска, потерять первоначальную свежесть, присущую новеньким кредиткам. Имелись также указания сделать все, чтобы затруднить экспертизе возможность установления времени изготовления денежных знаков путем исследования состояния печатного текста на банкнотах и степени проникновения краски в бумагу.

Наконец, к 1941 году, по единодушному заключению эсэсовских специалистов, все проблемы оказались решенными, и по качеству фальшивые банкноты во всех отношениях вполне отвечали поставленным перед «группой VI-Ф» требованиям. Да и на самом деле, не только по внешнему виду, но даже очень внимательная проверка не отличила бы поддельные кредитки от настоящих. Разве только одному английскому государственному банку при специальной экспертизе удалось бы установить подделку.

Только теперь было дано разрешение на изготовление первой пробной серии банкнотов в тех купюрах, которые предусматривались по плану. До массового выпуска их в обращение оставалось лишь проверить, как отнесутся к продукции «группы VI-Ф» за границей. К такой проверке приступили немедленно, и надо сказать, что имперская служба безопасности прибегала при этом к довольно оригинальным методам контроля. В качестве «подопытного кролика» для такой проверки использовались эсэсовцы, не имевшие ни малейшего представления о производившейся фабрикации фальшивых банкнотов. Под видом особого поощрения за отличную службу они награждались внеочередным отпуском и бесплатной поездкой в одну из нейтральных стран. По-

лучив заграничный паспорт и достаточную сумму денег в «английской валюте», ничего не подозревающий отпускник выслушивал на прощание инструктаж о том, как надлежит вести себя за границей в качестве отдыхающего и не стесняющегося в расходах немецкого туриста. Окрыленный самыми радужными надеждами, такой счастливчик отправлялся в путь, заранее предвкушая удовольствие, которое он получит во время отпуска, вдали от войны и от того, какую вольготную жизнь позволит себе на с такой щедростью отпущенные казенные средства.

Между тем вслед за только что выехавшим за границу отпускником уже летела шифрованная телеграмма немецкой полиции: она предупреждала пограничные органы соседней нейтральной страны о выезде из Германии «подозрительной» личности и просила произвести тщательную проверку имеющихся документов.

Использование сотрудников главного имперского управления безопасности для таких целей производилось неоднократно. Результаты проверок оказывались всегда весьма благоприятными. Подопытные «кролики» возвращались из отпуска без всяких приключений, а полностью израсходованные банкноты свидетельствовали о том, что за пределами Германии фальшивые фунты стерлингов принимаются беспрепятственно, наравне с настоящими банкнотами. О кратковременной задержке на границе и проверке документов, а также денег возвращавшиеся рассказывали как о позабавившем их курьезе.

Несмотря на столь благоприятные результаты, по приказанию Гейдриха решено было провести еще одну, последнюю и притом такую проверку, чтобы ее выполнили специалисты одного из крупных зарубежных банков. Для этого прибегли к услугам крупного немецкого инженера-коммерсанта Фридриха Швенда, который последние годы большей частью находился за границей и крайне неохотно приезжал по своим делам в Германию. Гитлеровские органы службы безопасности заставили его прибыть в Берлин и сумели использовать в своих целях имевшиеся у коммерсанта связи со швейцарскими банками и деловыми кругами. Не очень много времени потребовалось на то, чтобы уговорить Швенда согласиться на сотрудничество с имперской службой безопасности. Чутьем опытного купца он понял, какие блестящие

возможности обещает из ряда вон выходящий бизнес, и вскоре становится одним из главных организаторов сбыта фальшивых банкнотов в Италии.

И вот ему поручается первое задание, имевшее целью окончательно провезти качество изготовленных «группой VI-Ф» кредитных билетов. Швенду была вручена крупная сумма в такой «валюте» и вместе с ней письмо германского рейхсбанка с просьбой к швейцарскому банку произвести проверку вызывающих подозрение английских банкнотов. В письме упоминалось, что часть банкнотов была приобретена на черном рынке и подвергнуть их тщательной экспертизе в Германии не представилось возможным. Дирекция швейцарского банка, польщенная столь высоким признанием ее компетентности, дала указание произвести соответствующую проверку. Три дня эксперты занимались исследованием банкнотов и ничего подозрительного в них не обнаружили.

Швейцарский банк выразил готовность зачислить всю сумму на текущий счет Швенда или обменять ее на любую другую валюту, но действовавший согласно полученным инструкциям коммерсант не удовлетворился этим. Он настоял, чтобы по поводу вызывающих у него сомнения банкнотов был запрошен английский государственный банк. Лондон не заставил себя долго ждать с ответом и сообщил, что банкноты с приведенными в телеграмме данными (номера, серии и подписи) действительно выпущены в обращение английским государственным банком, и если нет каких-либо порочащих признаков, они могут быть приняты для расчетов.

Главное имперское управление безопасности фашистской Германии имело все основания быть довольным результатами работы состоявших у него в штате фальшивомонетчиков. К лету 1941 года производство английских банкнотов оказалось настолько налаженным, что перед гитлеровским руководством открывались самые широкие перспективы неограниченной возможности сбыта безупречно сфабрикованных фунтов стерлингов.

Давно была оставлена первоначальная идея использовать фальшивки для сбрасывания над Англией: в самом начале предполагалось периодически инсценировать массированные налеты на Великобританию немецких бомбардировщиков и вместо авиабомб сбрасывать тонны фальшивых банкнотов. Теперь им находилось

несравнимо лучшее применение в качестве достаточно устойчивой «валюты» при платежах по импортным операциям. Вместе с тем наводнение мирового рынка в массовом количестве фальшивыми английскими бумажными деньгами могло нанести противнику сильнейший удар по его экономике и дезорганизовать систему денежного обращения.

Торжествовал довольный достигнутыми успехами Гейдрих, не менее удовлетворен был и начальник «группы VI-Ф» Альфред Науйокс. Удачное выполнение задания позволяло рассчитывать не только на великие милости свыше, но и на то, что доходное предприятие принесет немалые личные материальные выгоды.

Однако последовавшие затем события развеяли все надежды Науйокса, а через некоторое время решили и судьбу самого Гейдриха.

Давя и уничтожая друг друга, подобно скорпионам в банке, ээсовцы не стеснялись в выборе средств, для того чтобы убрать с дороги конкурентов, мешавших пролезть вперед и взобраться несколько выше по служебной лесенке. Установившиеся между ээсовскими чинами личные отношения, специфика работы и соперничество по службе создавали атмосферу постоянного недоверия и настороженности друг к другу. За стенами здания своей особо охраняемой штаб-квартиры они не чувствовали себя в полной безопасности и принимали ряд чрезвычайных мер личной защиты, превращая рабочие места в главном имперском управлении безопасности в своего рода долговременные огневые точки.

Вот как, по словам генерала Шелленберга, выглядело, например, его служебное логово.

— Мой кабинет был оборудован по последнему слову современной техники,— вспоминает бывший начальник VI управления.— Рядом с огромным письменным столом на отдельной передвижной тумбочке находилось несколько телефонных аппаратов и микрофонов. В стены кабинета в нескольких местах незаметно были вмонтированы приборы подслушивания, которые регистрировали разговоры в кабинете, а также и те, которые велись в других помещениях управления. Такие же замаскированные приборы имелись, кроме того, в нижней части письменного стола и в настольной лампе. Все окна были защищены чуть заметной редкой проволочной сеткой,

в которую при оставлении кабинета включался электрический ток. После этого при одном лишь приближении снаружи к окнам или дверям кабинета, а также при подходе к находившимся в нем сейфам мгновенно срабатывали селеновые фотоэлементы и поднималась тревога. Буквально через несколько секунд все здание, все входы и выходы оказывались оцепленными и занятыми усиленной вооруженной охраной, которая постоянно находилась при управлении в боевой готовности. Но особой досто-
пимачательностью являлся мой письменный стол, представлявший своего рода солидную огневую точку. В рабочий стол незаметно были вмонтированы два скрытых, вращавшихся на турелях пулемета, которые веером могли изрешетить все пространство между письменным столом и входом в кабинет. Дула пулеметов автоматически поворачивались в сторону каждого входившего в кабинет или сидевшего против меня. Достаточно нажать кнопку, чтобы открылся огонь из обоих стволов. Другой кнопкой можно было вызвать караул или поднять тревогу, и по ней все здание также немедленно оцеплялось охраной... Моя служебная машина имела рацию, и благодаря ей можно было с расстояния до 25 км поддерживать двухстороннюю радиотелефонную связь с управлением и передавать секретарям необходимые распоряжения... По имевшейся инструкции, при отправке за границу командированный на всякий случай подвергался небольшой зубо-врачебной операции: чтобы не отдаться живым в руки противника, под легко снимающуюся коронку закладывалась капсулька, содержащая смертельную дозу сильного яда. У меня лично на тот же случай имелся еще перстень, под камнем которого хранилась вторая капсула с достаточным количеством цианистого калия.

С не меньшей подозрительностью к окружающим относился и Гейдрих. Он не терпел в своем аппарате чиновников, которые стояли выше его в интеллектуальном развитии или выделялись как-то по работе. Особую скрытую неприязнь питал он к Науйоксу.

Давно готовился Гейдрих в подходящий момент избавиться от этого человека, слишком осведомленного и крайне раздражавшего своим подчеркнуто независимым поведением. Такое поведение начальника «группы VI-Ф» крайне раздражало Гейдриха. По роду своей деятельности в прошлом и настоящем Науйокс, действительно,

знал очень многое из того, что составляло для третьего рейха государственную тайну особой важности. Помимо прочего, он располагал также некоторыми материалами, весьма компрометиовавшими лично Гейдриха.

Начальнику главного имперского управления безопасности неоднократно докладывали, что Науйокс накапливает против него порочащие сведения, и Гейдриху было, конечно, невыгодно дожидаться того момента, когда хотя бы часть этого материала станет известна нацистским партийным органам или Гитлеру. Однако, как бы ни хотелось Гейдриху быстрее расправиться со становившимся ему лично все более опасным человеком, до завершения и окончательной наладки производства английских банкнотов убрать с дороги Науйокса не представлялось возможным.

Теперь же, когда все эти работы были успешно закончены и многократные авторитетные проверки подтвердили отличное качество подделки, ничто не мешало тому, чтобы избавиться от Науйокса и рассчитаться с ним при этом чисто «по-гестаповски».

Придравшись к незначительному проступку, за который в другое время любой эсэсовец на худой конец отделался бы выговором, Гейдрих распорядился снять начальника «группы VI-Ф» с занимаемой должности. Более того, штурмбаннфюрер СС Альфред Науйокс был разжалован в рядовые и откомандирован для прохождения службы в штрафную часть, командиру которой в секретном порядке предписывалось направить провинившегося на передовые позиции и применить к нему метод «особого обращения». В переводе с гестаповского на общепонятный язык это означало смертную казнь без суда или физическое уничтожение человека при первом представившемся к тому случае.

Несмотря на такие продиктованные Гейдрихом указания, Науйокс на фронт не попал и уцелел. Это объясняется тем, что в отношении бывших сотрудников службы безопасности имелись особые указания Гитлера: во избежание возможности таким лицам оказаться захваченными в плен и разглашения ими государственных секретов категорически запрещалось направлять их на передовые позиции или назначать на выполнение боевых заданий, связанных с опасностью пленения. В силу этого распоряжение Гейдриха осталось практически невыполненным.

Как известно из показаний Науйокса на Нюрнбергском процессе, с середины 1942 до осени 1944 года он служил в экономическом совете германской военной администрации в оккупированной Бельгии, а затем сдался в плен англо-американским войскам.

Вскоре после устранения от «дела» Науйокса весь комбинат по производству банкнотов был переведен поближе к Берлину, в район концентрационных лагерей Ораниенбург — Заксенхаузен, находившихся в каких-нибудь 10—12 километрах от столицы Германии. Здесь в совершенно изолированном от остального мира так называемом «блоке 19» полным ходом развернулась массовая фабрикация английских фунтов стерлингов и шла подготовка к выпуску фальшивых долларов США.

Постепенно нарастая, ежемесячная производительность фабрики фальшивок стала достигать 200—250 тыс. штук банкнотов купюрами по 5, 10 и 20 фунтов стерлингов каждая. Налажено было также и производство банкнотов более крупного достоинства — по 50, 100, 500 и даже по 1000 фунтов стерлингов, но из предосторожности последние изготовлялись в небольшом количестве и то лишь по особым заказам главного имперского управления безопасности.

По мере расширения объема работ все острее чувствовалась нехватка «специалистов». В связи с этим главному имперскому управлению безопасности приходилось подчас не очень строго придерживаться соблюдения расовых ограничений и отступать от правил об основных положениях «нового порядка». Обстоятельства заставляли закрывать глаза на то, что к работе в «блоке 19», наряду с практикантами-эсэсовцами и уголовниками-арийцами, привлекались также лица явно неарийского происхождения. В числе таких подневольных работников блока находились, между прочим, евреи граверы, мастера по ручной выделке бумаги и другие специалисты.

В связи с этим подчас возникали такие курьезные и, пожалуй, единственные в своем роде случаи, когда за успехи в работе и отличную «продукцию» отдельные евреи награждались даже медалями «За военные заслуги». Надо сказать, впрочем, что ношение таких медалей разрешалось только на работе, в производственных помещениях блока.

После расправы с Науйоксом начальник высшего

эсэсовского полицейского органа Гейдрих совсем недолгое время продолжал иметь отношение к уже налаженному производству фальшивых банкнотов. В мае 1942 года он был казнен чешскими патриотами, и после его смерти в должность начальника главного имперского управления безопасности вступил Эрнст Кальтенбруннер, остававшийся на этом посту вплоть до окончательного разгрома фашистской Германии.

С 1942 года во все более увеличивавшихся размерах стали использоваться фальшивые фунты стерлингов для финансирования подрывной деятельности, различных диверсий и шпионских заданий, осуществлявшихся фашистской агентурой за рубежом. Большие партии в несколько миллионов фунтов стерлингов в поддельных банкнотах переправлялись различными путями за границу. Использовались для этого особо проверенные лица — представители службы безопасности, специальные агенты и профессионалы-валютчики, выступавшие под видом неогциантов, проводивших обычные торговые операции.

На поддельные банкноты, поступающие из Германии в неограниченном количестве, совершались крупные и очень сложные по комбинации коммерческие операции и сделки: в нейтральных странах приобреталась валюта других стран, скупалось золото, бриллианты и другие ценности, закупалось стратегическое сырье и даже предметы вооружения и военной техники. Много фальшивых фунтов стерлингов сбывалось через группу уполномоченных в Италии. Особенно оживились там операции с банкнотами после того, когда всем стало ясно, что крах Италии неминуем и расплата за участие в войне на стороне гитлеровской Германии неотвратима. Состоятельная часть населения, ожидая скорой оккупации страны союзниками, не считалась уже ни с чем и во что бы то ни стало торопилась обменять все более обесценивавшиеся итальянские лиры на более или менее устойчивую валюту. На вырученные таким образом лиры немецкие агенты, втридорога переплачивая на черных рынках, скупали все, что представляло интерес и ценность для вконец истощавшего и нуждавшегося во всем третьего рейха.

Нескончаемым потоком проходили миллионы фунтов стерлингов через руки дельца Фридриха Швенда и неизвестного Отто Скорцени. Последний являлся особо доверенным лицом Гитлера, и ему поручались самые

рискованные и сложные диверсии, на выполнение которых тратилось немало фальшивых и настоящих денег.

Бесконтрольное распоряжение огромными суммами фальшивых денег в неограниченных размерах создавало всем тем, кто имел отношение к ним, чрезвычайно благоприятные условия для личного обогащения. Удивит ли кого-нибудь то, что в результате операций с фальшивыми банкнотами состояние одного только Отто Скорцени оценивается в настоящее время в сумме около 15 млн. американских долларов!

Намного преумножил свои капиталы и коммерсант Фридрих Швенд — один из главных организаторов реализации фальшивых английских банкнотов за границей. Опытный торговец работал по сбыту их на комиссионных началах, получая в качестве вознаграждения достаточно высокий процент с суммы реализованных банкнотов. После некоторых превратностей и неудач, преследовавших Швенда после войны в Европе, он в конце концов перебрался в Южную Америку и продолжает в настоящее время заниматься торговыми делами в Перу.

Что касается полковника войск СС Отто Скорцени, то этот диверсант прочно обосновался после войны во франкистской Испании и играет сейчас видную роль в неофашистской организации, носящей название «Европейское социальное движение». Через шведского фашиста Энгдаля Скорцени поддерживает связь со всеми террористическими организациями капиталистического мира.

Активная политическая деятельность ничуть не мешает Скорцени преуспевать и проявлять не меньшую энергию также и в области коммерции. Инженер по образованию, он до войны являлся владельцем небольшой авторемонтной мастерской, а теперь — собственник крупной существующей с 1949 года импортной фирмы «Роберт Штейнбауэр» в Мадриде. Это коммерческое предприятие тесно связано с объединением австрийских сталелитейных заводов и занимается главным образом импортом в Испанию стали и чугуна. Кроме того, Скорцени владеет солидной недвижимостью в ирландском графстве Килдэр. Ему принадлежат земли в Испании в районе Коста-дель-Соль, которые разбиты на участки и продаются западногерманским капиталистам, желающим проводить летне-осенний сезон под благодатным испанским солнцем в собственном имении.

К отдельным эпизодам, связанным с деятельностью этого диверсанта, а также с «работой» разведчика Вильгельма Хеттля и «негоцианта» Фридриха Швенда, придется еще вернуться.

Что касается Бернгарда Крюгера, именем которого была названа операция по подделке английских банкнотов, то долгое время после войны он считался «бесследно» исчезнувшим из поля зрения. Однако впоследствии выяснилось, что этому квалифицированному «техноруку» по фабрикации вообще всякого рода фальшивок и денежных знаков удалось накануне капитуляции Германии с фальшивым паспортом бежать в Швейцарию. Крюгер обеспечил себе там привольную жизнь, успев прихватить крупную сумму денег в английских фунтах стерлингов и в американских долларах, безупречное производство которых к концу войны было также успешно налажено в пресловутом «блоке 19» концлагерей Ораниенбург — Заксенхаузен.

После того как определилось покровительственное отношение боннских властей к бывшим нацистам и эсэсовцам, Крюгер счел для себя безопасным обосноваться в Западной Германии, где до последнего времени и пребывал в качестве паразитирующего рантье.

В феврале 1964 года стало известно, что под давлением требований широкой общественности в западногерманском городе Людвигсбурге началось следствие против бывшего штурмбаннфюрера СС Бернгарда Крюгера: он покушался на жизнь известного немецкого журналиста Юлиуса Мадера, который пытался разоблачить прошлое этого эсэсовца. Кроме того, данными расследования устанавливается, что Крюгер в конце войны уничтожил четырех узников концлагеря, которые могли бы явиться в будущем свидетелями его преступной деятельности в период того времени, когда он являлся техническим руководителем гитлеровской фабрики фальшивок.

ЗАГАДОЧНОЕ ПОЯВЛЕНИЕ ФАЛЬШИВЫХ БАНКНОТОВ В ОЗЕРЕ ТРАУН

В апреле 1945 года в связи с продолжавшимся стремительным продвижением Советской Армии в глубь Германии и подходом наших войск к самому Берлину общая

дезорганизация и паника в тылу противника достигла кульминационного пункта. Одними из первых проявили полнейшую растерянность и, побросав все, занялись в первую очередь спасением собственной шкуры именно те, кто считался наиболее надежным оплотом третьего рейха. Подобно крысам, покидающим обреченное на гибель судно, многие видные деятели нацистской партии, а также верхушка имперской службы безопасности, политической полиции и военной разведки старались замаскироваться и исчезнуть из поля зрения.

Эсэсовцам, членам штурмовых отрядов, гестаповцам было уже не до того, чтобы тратить оставшиеся считанные часы на заметание следов совершенных преступлений. Уничтожить их бесследно все равно не было никакой возможности. Фашистским преступникам впору было успеть унести ноги подальше на Запад, в сторону англо-американского фронта и попытаться тем самым увернуться из-под удара уже показавшегося с Востока меча возмездия за совершенные зверства и бесчинства в годы правления бесноватого «фюрера».

Только этим обстоятельством и можно объяснить то, что заблаговременно не были уничтожены остатки банкнотов, продолжавшие находиться в «блоке 19», о чем спохватились в самый критический момент, буквально накануне окончательного окружения Берлина советскими войсками. Только тогда последовало, наконец, распоряжение срочно вывезти в район предгорья Австрийских Альп оставшиеся английские банкноты, а также подготовленные уже к тому времени к выпуску фальшивые американские доллары.

Все предназначенное к вывозу было кое-как упаковано в наспех подобранную тару и погружено в две крытые автомашины. Местом назначения указывался некий пункт в Тироле, где гитлеровцы намеревались организовать «неприступный альпийский редут» для оказания сопротивления союзным войскам. Сопровождавшему груз лейтенанту было приказано сдать все принятое им по количеству мест, и он, конечно, понятия не имел о том, что именно представляет собой принятое им под наименованием секретного имущества государственного значения. Лейтенант не стал особенно задерживаться под Берлином и вместе с несколькими солдатами на машинах под доносившийся аккомпанемент советской артиллерии

поспешно двинулся в южном направлении, в сторону Верхней Австрии.

Нетрудно представить себе, как выглядели накануне разгрома Германии ее дороги в тылу и что творилось на них. Железнодорожные пути и автострады были до отказа забиты отступающими частями вермахта и эвакуируемым на Запад имуществом. Бесконечной лентой днем и ночью шли по дорогам грузовые машины с военной техникой, тягачи с орудиями и специальными установками. Вперемешку с военными и частными автомашинами шли толпами сотни тысяч беженцев. Объезжая то и дело образовывавшиеся заторы, автомашины часто принуждены были уклоняться далеко в сторону от автострад, и, сбившись с асфальтированной дороги, они намертво застревали, глубоко увязая в рыхлой земле. В общей массе нескончаемого потока машин, артиллерии и техники оказались и крестьяне, гнавшие обессилевший скот; плелись отдельные группы пешеходов, кто с ручной тележкой или тачкой, кто с велосипедом или детской коляской, сверх всякой меры загруженными домашним скарбом. Вся эта мешанина людей, скота и всех видов транспортных средств медленно двигалась вперед, в чаду отработанных газов, густых испарений от земли, обогреваемой теплым апрельским солнцем. В воздухе носились окрики и ругань тех, кто торопился обогнать идущих впереди. Дороги все больше загромождались вышедшими из строя машинами, брошенной на произвол судьбы военной техникой, поломанными повозками беженцев. Все чаще и чаще образовывались пробки, и движение временами вовсе приостанавливалось.

Не удивительно, что в таких условиях лейтенанту так и не удалось добраться до места назначения и сдать «секретный груз», согласно полученным указаниям. На пути между Линцем и Зальцбургом, неподалеку от местечка Альтаусзе, куда машины с большим трудом добрались лишь к 3 мая, один грузовик завалился в кювет, и вытащить его силами сопровождающих груз солдат не представилось возможным. Обращения за помощью к проходившим мимо оставались также тщетными. Как ни убеждал лейтенант, что везет груз чрезвычайной государственной важности, никто этому не верил, все только отмахивались: за годы войны солдаты достаточно насмотрелись на то, как под таким же громким названием на-

чальство по-воровски вывозило имущество, награбленное в прифронтовой полосе и в оккупированных местностях многих стран Европы.

Случайно лейтенант узнал о том, что вблизи от того места, где у него случилась авария с автомашиной, только что обосновался штаб одного из управлений имперской службы безопасности. Лейтенанту удалось связаться по телефону с дежурившим там офицером СС, который также в помощи отказал, но дал совет: договориться с начальством испытательной станции военно-морского флота принять груз на хранение (станция эта находилась у озера Топлиц, т. е. совсем недалеко от того места, где продолжала лежать опрокинувшаяся машина). Не без труда лейтенанту все же удалось упротить принять оставшуюся на второй автомашине часть груза, а также позаботиться о валявшемся в кювете имуществе.

Однако подвезти ящики к станции не представилось возможным из-за неисправности мотора — второй грузовик также вышел из строя. Снова пришлось обратиться к дежурившему в штабе офицеру. Последний, не зная, как отделаться от надоедливого лейтенанта, приказал ему выбросить «чертовы ящики» хоть в реку, а самому вместе со своими солдатами присоединиться к одной из проходящих мимо команд.

А ведь стоило бы в штабе подробнее узнать, откуда именно груз, как дежурному сразу стало бы ясно, что это «имущество чрезвычайной государственной важности» имеет прямое отношение к его непосредственному начальнику — шефу главного имперского управления безопасности генералу СС Кальтенбруннеру.

Лейтенант попытался было еще раз поговорить с начальником испытательной станции, но это оказалось бесполезным: там, как говорится, уже шел дым коромыслом — только что было получено приказание немедленно приступить к уничтожению всех следов производившихся испытаний новейших видов немецкого минно-торпедного и ракетного оружия.

Пришлось убедиться, что в такой обстановке никому решительно нет никакого дела до важного груза. Действительно, оставалось только поступить так, как предлагал дежурный по штабу. Солдаты с трудом приволокли груз к берегу ближайшей реки Траун и все, что находилось в кузове второй машины, выбросили в бурные воды

реки, вздувшейся от таяния снегов приальпийских гор¹.

На этом лейтенант счел свою миссию законченной, и он, а также находившиеся при нем солдаты разошлись кто куда. Между тем ящики, валявшиеся вместе с другой машиной в придорожной канаве, оставались лежать там же: на испытательной станции было слишком много своих дел, и не хватало времени, чтобы возиться еще с какими-то неизвестно что содержащими ящиками.

Брошенные в реку ящики несколько дней пролежали на дне, а затем, видимо, слабая упаковка частично распалась, и большое количество всплывших банкнотов сильным течением отнесло дальше, в озеро Траун. Вот тут и заметило их местное население, незамедлительно приступившее к вылавливанию столь неожиданно приплывшего богатства.

Как уже известно, большая часть выловленного была отобрана у австрийцев американской разведкой «Си-Ай-Си». Завалившиеся же в кювет ящики оставались лежать еще некоторое время у самой дороги: повсюду было разбросано много всякого имущества, оставленного отступавшими частями вермахта, и на этот груз до поры до времени никто не обращал внимания. Затем и эта часть банкнотов попала в руки той же американской разведки.

ОСТАТКИ ФАЛЬШИВЫХ АНГЛИЙСКИХ БАНКНОТОВ

Так закончился в майские дни 1945 года последний акт операции «Бернгард», проводившейся органами гитлеровской службы безопасности в ходе второй мировой войны.

Весьма ощутимый удар нанесла эта диверсия экономике Великобритании, финансовое положение которой и без того находилось в крайне напряженном состоянии. Количество английских бумажных денег на мировом рынке из года в год увеличивалось и за период с августа 1939 по октябрь 1945 года возросло с 550 млн. до 1325 млн. фунтов стерлингов. Инфляция оказывала отри-

---

¹ Река Траун — правый приток Дуная в Верхней Австрии, образуется из слияния стоков нескольких озер (Топлиц, Аус, Альтаус, Хальштеттер, Траун и др.).

цательное влияние на всю экономику Англии, сильно ухудшала ее хозяйственное положение и крайне тяжело отражалась на условиях жизни трудящихся масс. Методами тайной экономической войны гитлеровской Германии удалось углубить и обострить инфляцию в Англии.

Трудно определить точно, на какую сумму по номиналу было выпущено в результате этой диверсии фальшивых английских банкнот. Во всяком случае некоторое представление о масштабах их производства дают показания лиц, непосредственно участвовавших в работах «блока 19», и высказывания тех, кто имел доступ в «кухню», где готовились фальшивые деньги. Так, например, работавшие в блоке «специалисты» показали, что из-за образовывавшихся периодически излишков заготовленных английских банкнот печатание их временно приходилось приостанавливать, и «специалисты» переключались на этот срок на подготовку к выпуску фальшивых американских долларов.

Считается, что почти за четыре года технически хорошо налаженной работы «группой VI-Ф» было изготовлено не менее 10 млн. различных банкнот. Не будет поэтому большой ошибкой допустить, что за все это время фабрикой фальшивок было изготовлено на многие сотни миллионов фунтов стерлингов, в основном купюрами в 5, 10 и 20 фунтов стерлингов, а в отдельных случаях — достоинством в 50, 100, 500 и даже 1000 фунтов стерлингов по номиналу. Понятно, что появление на мировом денежном рынке такой массы фальшивых английских банкнот не могло не оказать отрицательного влияния на денежную систему Великобритании.

В течение первых послевоенных лет английский государственный банк не сразу стал изымать из обращения банкноты старого образца, хотя уже и было известно о производившемся фашистской Германией массовом количестве фальшивых английских денежных знаков. Делалось это Англией вполне сознательно, чтобы еще больше не подорвать курс становившегося все более неустойчивым фунта стерлингов. Поддельные банкноты продолжали приниматься в Лондоне к платежу и изымались из дальнейшего обращения английским банком лишь по мере поступления фальшивок в британское казначейство. Много позднее были, наконец, утверждены новые банкноты образца 1957 года и установлен порядок обмена де-

нежных знаков довоенных выпусков на новые, однако последний срок обмена так и не указывался.

В результате проходившего обмена значительная часть фальшивых банкнот сосредоточилась в хранилищах британской казны, но и она располагает лишь приблизительными данными о размерах ущерба, нанесенного Англии экономической диверсией «Бернгард». Дело в том, что в настоящее время банкноты прежних выпусков все еще продолжают в значительном количестве находиться на руках у населения, и английский эмиссионный банк по-прежнему обменивает их на новые кредитные билеты.

На первый взгляд может показаться, что на этом следовало бы поставить точку и закончить повествование об этой диверсии. Однако хотя прошло без малого двадцать лет с момента окончания войны, отголоски операции «Бернгард», причинившей Англии серьезный ущерб, все еще слышны до сих пор. Выявляются новые обстоятельства, заставляющие возвращаться к затронутой теме и связанным с нею событиям.

Несмотря на замену в Англии образца банкнотов и практическое изъятие из обращения денежных знаков довоенных лет, фальшивые фунты стерлингов в значительных количествах периодически появляются в разных странах мира. Где-то продолжают храниться, по-видимому, немалые остатки злополучной продукции. Некоторое количество ее остается припрятанным «про черный день» у лиц, возможно, даже не подозревающих о происхождении и фактической «ценности» этих денежных знаков.

Кое-что сохранилось, конечно, и у тех, кто в мае 1945 года, выловив кредитные билеты из озера Траун, все же сумел припрятать малую толику от зорких глаз «Си-Ай-Си». Что же касается 40 млн. фунтов стерлингов в фальшивых банкнотах, оказавшихся в те дни в руках американской разведки, то они отнюдь не обратились в своего рода «мертвый капитал», музейную достопримечательность или интересные экземпляры в коллекции собирателя денежных знаков.

Немало фальшивых банкнот находится в обороте у валютчиков-спекулянтов и других аферистов. Остатки продукции «блока 19» далеко не ограничиваются только теми ящиками, которые валялись на дороге между Линцем и Зальцбургом, и банкнотами, выловленными на по-

верхности озера Траун. Существует глубокое убеждение, что очень большое количество фальшивок в фунтах стерлингов и американских долларах под видом секретных документов было доставлено несколько раньше на военно-морскую испытательную станцию, базировавшуюся в районе озера Топлиц. Кроме того, в специальных контейнерах на станцию была сдана также часть секретного архива службы безопасности. Начальник указанной станции имел строгое предписание в критический момент по особому сигналу из Берлина все контейнеры, не вскрывая, затопить в озере. Накануне капитуляции Германии такое распоряжение действительно поступило и в точности было выполнено.

Некоторые лица из числа проживавших вблизи озера Топлиц и других озер случайно оказались очевидцами того, как за несколько дней до вступления в район американских оккупационных войск немецкие моряки занимались спешной ликвидацией следов работы испытательной станции: из уст в уста передавали потом, что немцы вывозили на середину озера большие металлические ящики и затем выбрасывали их в воду; часть этих грузов отправлялась на автомашинах дальше в сторону Альп, по-видимому, туда, где фашисты планировали организовать «неприступный редут» третьего рейха для оказания последнего сопротивления наступающим союзникам.

Упоминание о наличии в числе остатков продукции также и поддельных американских долларов не является случайным, ибо их производство было налажено к концу войны «группой VI-Ф».

Возможно, что одним из отзвуков этой подделки является опубликованное в 1950 году сообщение агентства Ассошиэтед Пресс об аресте в Лондоне человека, пытавшегося обменять несколько искусно подделанных сто долларовых кредитных билетов на другую валюту. В связи с этим случаем несколько сотрудников Скотланд-Ярда из отдела борьбы с фальшивомонетчиками срочно вылетели на континент для розыска места, где, по имевшимся сведениям, должны были храниться фальшивые деньги на сумму около 3,5 млн. долларов. Результаты производившихся поисков остались неизвестными — о них в последующем ничего не сообщалось.

Не удивительно, что упорные толки о хранящихся в

приальпийских горах и на дне озер в Верхней Австрии кладах многие годы после войны все еще продолжают разжигать алчность любителей легкой наживы и подогревают дух авантюризма у наиболее предприимчивых искателей приключений. Раздуваемые определенной частью зарубежной прессы сенсации не дают покоя охотникам поживиться за счет спрятанных сокровищ.

Не раз предпринимались попытки добраться до клада, хранящегося на дне Топлица и других озер, но все они заканчивались обычно неудачей и нередко даже гибелью людей, отважившихся на рискованное дело.

Поисками таившихся на дне озер контейнеров прежде всего занялись американские оккупационные власти: им важно было извлечь не только фальшивые деньги и секретный архив, но и вообще любой предмет, имевший отношение к работам, проводившимся германской военно-морской испытательной станцией. Американцам очень хотелось найти если не полностью сохранившиеся образцы, то хотя бы даже отдельные узлы или детали испытывавшихся видов минно-торпедного оружия или приборов, имевших военное значение.

К розыскам приступили, используя для этого специальную группу военных водолазов, оснащенных особой аппаратурой для работ на большой глубине. Однако начатые работы вскоре пришлось прекратить: озеро Траун, например, оказалось сильно засоренным топляками: за много лет на дне озера скопились огромные массы затонувших бревен и целых стволов могучих деревьев, занесенных из прибрежных альпийских лесов в озеро в периоды весеннего половодья. Было в озере и много «свежих» топляков, которые на глубине около сорока метров от поверхности воды находились еще во взвешенном состоянии.

Сильное течение проточного озера вызывало непрерывное изменение плотности затонувшей массы, перемещение ее и образование в одних местах временных разрывов, а в других — кучно нагроможденных лесных завалов. Понятно, что в таких условиях даже самым опытным и выносливым водолазам не удавалось пробиться через топляковые баррикады к самому дну, тем более что глубина озера Траун местами достигает почти 200 м. В тяжелом снаряжении, со специальной аппаратурой и инструментами в руках американские водолазы не рас-

считывали преодолеть образовавшиеся на дне лесные завалы.

В более мелких местах с большим трудом, да и то лишь на самое короткое время, удавалось разобрать небольшие лазы и проходы, но все они вскоре снова закрывались под напором перемещавшейся массы древесины. Вследствие этого работавшие под водой подвергались ежеминутной опасности оказаться запертыми, как в ловушке, из которой уже нельзя было бы выбраться на поверхность. Предложили подрывать нагромождения топляков взрывчаткой, но и от этого пришлось тут же отказаться: взрывы могли повредить или вовсе уничтожить как раз то, что необходимо было извлечь со дна в возможно большей сохранности. Ввиду таких затруднений американцы прервали работы на неопределенный срок.

Неудачи военных специалистов США несколько не охладили пыла охотников-добровольцев, жаждавших поживиться наследством, оставшимся после операции «Бернгард». Несмотря ни на что, повторялись новые бесконечные попытки добраться до кладов, тем более что стали еще упорнее ходить слухи о том, что в озерах и в районе так называемых Мертвых гор в Зальцкаммергуте помимо фальшивых банкнотов гитлеровцами спрятаны также несметные сокровища в виде золота и драгоценных камней.

Предпринимались, между прочим, и очень солидно организованные экспедиции, преследовавшие несколько иные цели. Так, например, редакция гамбургского журнала «Штерн» в 1959 году снарядила группу специалистов, оснащенную всем необходимым для выполнения работ на озере Топлиц. Перед экспедицией ставилась задача выполнить то, что оказалось не под силу американским водолазам. Западногерманский журнал интересовался главным образом секретным архивом гитлеровской службы безопасности, обещавшим дать страницам «Штерна» обширный сенсационный материал.

Первые же результаты начавшихся на озере Топлиц работ обещали блестяще оправдать надежды редакции «Штерна» и с лихвой возместить расходы, понесенные на снаряжение и содержание экспедиции: со дна озера удалось извлечь несколько железных ящиков с фальшивыми банкнотами и секретными архивными документами. Однако, несмотря на такой успех и весьма выгодные

условия работы, члены экспедиции через несколько дней неожиданно и наотрез отказались от продолжения поисков. Работы пришлось прекратить, извлеченные банкноты сдать правительству Австрии. Некоторые архивные документы в конечном счете оказались в руках у американской «Си-Ай-Си».

Позднее выяснились причины, побудившие специалистов внезапно прервать так удачно начатые работы: в дело вмешалась западногерманская шпионская организация Гелена, решившая во что бы то ни стало прекратить поиски на озере Топлиц. Сообщение о начатых на озере работах геленовская организация получила через В. Хеттля, бывшего уполномоченного разведывательного управления гитлеровской службы безопасности.

Как только Хеттлю стало известно, что происходит на озере Топлиц, вблизи которого бывший разведчик прочно обосновался, он тотчас выехал в Вену. Ему необходимо было из столицы Австрии предупредить своих людей в ФРГ о развернувшихся на озере поисковых работах. Опытный разведчик не очень доверял местной телефонной станции и предпочел вести секретный разговор из Вены.

По прибытии в Вену Хеттль поставил свою автомашину возле дома № 21 на Эйванггассе и поднялся в квартиру фрау Марии-Луизы Шинке. Эта дама официально значилась представительницей одного крупного универсального магазина в Гамбурге, в прошлом же служила личной секретаршей у начальника отдела иностранной разведки при главном имперском управлении безопасности генерала войск СС Вальтера Шелленберга. Таким образом, Шинке являлась «своим человеком» для Хеттля, и перед ней ему нечего было скрывать настоящую цель своего неожиданного приезда в Вену. Мария-Луиза Шинке умела держать язык за зубами, и поэтому бывший штурмбаннфюрер считал весьма удобным пользоваться ее личным телефоном.

Заказанный по сверхсрочному тарифу разговор с неким лицом в ФРГ велся, впрочем, так, что постороннему нельзя было бы понять, о чем, собственно, идет речь. Однако на другом конце провода отлично все понимали и немедленно приняли меры, заставившие журнал «Штерн» прекратить дальнейшие работы на озере Траун: понтон и установленная на нем водолазная станция ока-

зались поврежденными «неизвестными» лицами, водолазы и отдельные члены редакции журнала стали получать анонимные письма, недвусмысленно угрожавшие расправой в случае продолжения поисков.

Работы, успешно начатые экспедицией журнала «Штерн», и их первые результаты, естественно, все больше разжигали ажиотаж вокруг припрятанных гитлеровцами кладов. После этих работ в Западной Европе все настойчивее и чаще стали высказываться предположения, что сокровища не только были затоплены в озерах, но спрятаны также где-то в труднодоступных местах Мертвых гор и в заброшенных штольнях горносоляных разработок в районе Зальцкаммергута. Непрекращавшиеся разговоры на эту тему побудили некоторых любителей-альпинистов также включиться в поиски оставшихся ценностей. Не удивительно, что в числе таких кладоискателей оказывались и лица, которые в войну служили на испытательной станции германского военно-морского флота. Это обстоятельство подтверждается рядом материалов и фактами, установленными австрийскими судебными органами в связи с происходившими в тех местах несчастными случаями.

В марте 1946 года, то есть еще до экспедиции журнала «Штерн», в туристской палатке, разбитой на вершине горы Раухфанг (группа Мертвых гор), были обнаружены тела двух убитых австрийцев, инженеров Мейера и Пихлера. По рассказам родственников, инженеры в сопровождении неизвестного им проводника намеревались совершить продолжительную горнолыжную экскурсию. Проводник исчез, и разыскать его не удалось; не представилось также возможным установить мотивы убийства и причины, побудившие инженеров устроиться на ночь в палатке на снегу, когда поблизости находилась хижина, где можно было бы в тепле отдохнуть и переночевать. Следствием было только установлено, что Мейер и Пихлер в годы войны служили на германской военно-морской испытательной станции.

В августе 1950 года при попытке восхождения на Рейхенштейн (у озера Топлиц) с 600-метровой отвесной скалы сорвался и разбился насмерть прибывший из Гамбурга спортсмен Геренс. Следственными властями было установлено, что погибший Геренс и предпринимавший вместе с ним восхождение на скалу уцелевший доктор

Келлер раньше также служили на той же испытательной станции.

Попытки разыскать сокровища, спрятанные на дне озер и в горах Зальцкаммергута, предпринимались в последующем очень много раз как отдельными лицами, так и целыми группами тренированных подводных пловцов и альпинистов. Немало происходило при этом несчастных случаев. И вместе с тем до сих пор остается невыясненным, занимались ли эти люди только поисками ценностей или же были заинтересованы не в меньшей степени в розысках спрятанных гитлеровцами секретных чертежей и документов, касавшихся новых видов военной техники, которая испытывалась на станции. Без ответа остается и вопрос о том, действовали ли искатели по собственной инициативе или в порядке выполнения задания одной из заинтересованных в этом деле организаций.

Необходимо отметить, что, несмотря на имевшиеся отдельные успехи, главное имперское управление безопасности и «Абвер» не могли подорвать военную и экономическую мощь стран антигитлеровской коалиции.

Бывший начальник VI разведывательного управления главного имперского управления безопасности Шелленберг, рассуждая, правда, весьма примитивно, писал в своих мемуарах после войны, что англичане одним лишь удачным налетом группы «командос» на Норвегию сразу затмили все успехи немецкой разведки. Действуя в этой операции в контакте с норвежской подпольной организацией Сопротивления, английская авиация уничтожила немецкий центр работ, связанный с созданием атомной бомбы и получением так называемой тяжелой воды. Шелленберг утверждал, что эта операция англичан имела даже решающее значение для конечного исхода войны, ибо, не будь такого нападения, Германия уже в 1944 году обладала бы атомной бомбой, которая, несомненно, быстро сбросила бы Англию со счетов войны.

Утверждения Шелленберга необъективны, и они приводятся, конечно, с предвзятой целью. Подобные утверждения противоречат историческим фактам и могут служить разве только сомнительным средством самоутешения и для подогревания духа реваншистов в Западной Германии. Известно, что в 1943 году гитлеровская Германия отставала от США в области создания атомной

бомбы на несколько лет. Несмотря на успех операции группы «командос», в руках у гитлеровцев все еще оставался достаточно большой запас тяжелой воды; норвежский завод им удалось восстановить скорее, чем ожидалось, и работы немецких ученых по решению атомной проблемы продолжались. Тем не менее Германия практически не имела возможности рассчитывать на то, чтобы иметь в своем распоряжении в ближайшее время это новое средство массового уничтожения.

Как начальник отдела политической разведки, Шелленберг отлично был осведомлен об этом, но он не захотел согласиться с тем, что авантюристические планы Гитлера и его генералитета с самого начала были обречены на провал. Не мог Шелленберг не понимать и того, что решающим условием победы являлись не отдельные успехи разведок. Важнейшую роль играли материальные ресурсы, высокий моральный дух, патриотизм, единство народа и прочность тыла. А преимущество в этом было на стороне союзников.

Провал намечавшегося «блицкрига» и окончательный разгром гитлеровской Германии были предreshены и являлись неизбежными благодаря результатам усилий советских вооруженных сил, всего советского народа, а также других свободолюбивых стран, бившихся насмерть против фашистского рабства и ужасов «коричневой чумы». К осени 1944 года наши войска полностью освободили всю территорию СССР от немецко-фашистских захватчиков, и заключительные боевые действия велись уже на территории Германии. А 8 мая 1945 г. в Берлине гитлеровское верховное командование подписало акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил: третий рейх, начавший преступную войну, был окончательно похоронен вместе с его создателями.

Остановимся теперь на некоторых других операциях VI разведывательного управления, проведенных в основном с использованием фальшивых английских банкнотов.

ОПЕРАЦИЯ „ЦИЦЕРОН“

В 1950 году были опубликованы воспоминания Л. Мойзиша, бывшего эсэсовского резидента VI разведывательного управления, действовавшего в годы второй

мировой войны в Анкаре под видом коммерческого атташе германского посла в Турции фон Папена.

В своих воспоминаниях Мойзиш рассказывает об операции «Цицерон», заключавшейся в приобретении у человека, выдававшего себя за камердинера английского посла, около 400 фотоснимков с совершенно секретных документов, представлявших исключительную стратегическую важность. За период с октября 1943 по апрель 1944 года в распоряжение гитлеровской разведки последовательно поступали документальные данные о подготовке западными союзниками вторжения в Европу, о переговорах британского премьера У. Черчилля с правительством Турции. В числе других были куплены микроснимки с документов, освещавших решения Тегеранской конференции, содержавших сведения о поставках вооружения и материалов из США, Англии и Канады в Советский Союз, а также о военных планах Англии на Ближнем и Среднем Востоке и т. д.

За проданные снимки шпиону, настоящее имя которого до конца войны оставалось неизвестным, германское посольство в Турции уплатило в общей сложности 300 тыс. фунтов стерлингов и выдало сверх того еще бриллиантов на сумму 2 тыс. фунтов стерлингов. Л. Мойзиш писал, что из выплаченных денег только 100 тыс. были настоящими, все же остальные — фальшивые банкноты, изготовленные в Германии.

Книга бывшего гитлеровского «коммерческого атташе», вызвавшая сенсацию в связи с раскрытием отдельных деталей этого дела, не внесла, однако, ясности в самый существенный вопрос. На самом деле, каким образом камердинеру английского посла удавалось в течение шести месяцев неоднократно и незаметно изымать на время из сейфа Натчбулл-Хьюгесона секретнейшие документы и фотографировать их, не прибегая при этом к чьей бы то ни было помощи?

В 1962 году вышли в свет воспоминания главного действующего лица, фигурировавшего в германской разведке под кличкой «Цицерон», — Ильяса Базны, давшего своей книге интригующее и крикливое название «Я был Цицероном».

Критически оценивая воспоминания двух основных участников операции «Цицерон» — Мойзиша и Базны — и другие опубликованные источники, представляется

возможным воссоздать достаточно объективную картину обстановки и обстоятельств, позволивших Базне осуществить крупную шпионскую работу в стенах британского посольства в Турции.

Прежде всего вскрывается невероятная беспечность и халатность английского посла и его первого секретаря Дугласа Баска, не обеспечивших надлежащего хранения секретнейших документов государственной важности. Не меньшая беспечность была проявлена англичанами и при приеме македонца Ильяса Базны на должность личного камердинера сэра Натчбулл-Хьюгесона. Даже поверхностная проверка личности нанимавшегося позволила бы сразу установить, что до предложения своих услуг посольству Великобритании Базна только что оставил работу в качестве домашнего слуги у Энке, советника германского посла в Анкаре. Нетрудно было бы также узнать, что уволен он был, правда, под благовидным предлогом, но фактически за излишнее любопытство, проявленное к документам в кабинете Энке.

Вообще же все прошлое Ильяса Базны, 39-летнего в то время человека,— настоящий калейдоскоп быстро сменявшихся профессий и действий, за которые ему не раз приходилось отвечать в уголовном порядке. За деньги Базна был готов идти и шел на все. Отцу, мечтавшему видеть своего сына офицером, пришлось вскоре взять Ильяса из военного училища, ибо, будучи слушателем учреждения, которое готовило людей к военной карьере, Базна приобрел другую профессию. Он в 1918 году похитил у французского солдата мотоцикл, но ухитрился бежать из-под стражи. Снова воровство и приговор военного трибунала: три года каторги в совокупности за порчу военного имущества, разбой и нападение на солдата. После освобождения — работа автомехаником в Стамбуле, позднее владелец частного такси и даже брандмейстер в захолустном городишке. Затем — лакейская служба в нескольких иностранных посольствах в надежде, что на новом поприще вернее удастся добиться лучших результатов в стремлении разбогатеть любыми средствами.

Шпиону повезло в английском посольстве. Получив значительную сумму денег за секретные документы, проданные гитлеровской разведке, Базна, несомненно, сумел вовремя обменять фальшивые банкноты на другую ва-

люту; кроме того, известно, что он располагал и настоящими фунтами стерлингов и немалым количеством бриллиантов. Значительные средства позволили Базне развернуть после войны бурную спекулятивную деятельность, но прошло совсем немного времени, и скороспелый богач совершенно разорился. В настоящее время он проживает в Стамбуле мелкой торговлей, а может быть, маскируется под бедняка.

Как бы то ни было, но в 1954 году Ильяс Базна обращался к канцлеру ФРГ Аденауэру, считая, что Федеративная Республика является как бы правопреемником третьего рейха. Базна подробно излагал свое настоящее «бедственное» положение и, напоминая об услугах, оказанных им во время войны гитлеровскому правительству, просил материальной помощи. Ходатайство Базны осталось пока, как говорится, без последствий.

Британское правительство делало вид, что ничего не знает или оно действительно ничего не знало о таком непростительном для английской дипломатической службы промахе, который допустил посол Великобритании в Анкаре.

В 1944 году сэр Натчбулл-Хьюгесон был переведен сначала на другой пост, а затем без шума уволен в отставку. Только через пять лет после окончания войны, в 1950 году, когда скандальный факт стал достоянием широкой гласности, член палаты общин Шеперд обратился по этому поводу с официальным запросом к правительству. Тогдашний министр иностранных дел Бевин вынужден был ответить: «В королевском посольстве в Анкаре во время войны случаев кражи таких документов не было. Однако расследование дела показало, что слуге посла удалось сфотографировать большое количество секретных документов и продать снимки немцам. Он не был бы в состоянии это сделать, если бы посол соблюдал инструкции о порядке хранения секретных документов».

Самым удивительным в этой истории является то, что получение важнейших секретных данных никак нельзя в данном случае отнести к заслугам VI разведывательного управления. Дело в том, что в операции «Цицерон» инициатива, план действий и добывание материалов — словом, все от начала до конца, — исходили и осуществлялись единолично Ильясом Базной, фактически не

имевшим даже непосредственного отношения к немецкой разведке. Эсэсовскому разведчику в германском посольстве оставалось только принимать вручаемые ему фотопленки, расплачиваться за них в соответствии с устанавливаемой шпионом ценой и пересылать полученные катушки в Берлин.

Вспоминая дела давно минувших дней, Л. Мойзиш не без горечи констатирует, что исключительно ценные сведения, приобретенные за огромные деньги, практически остались неиспользованными. Причиной тому послужили как усилившееся к концу войны соперничество между отдельными группировками камарильи Гитлера, так и личная неприязнь, существовавшая между Риббентропом и Кальтенбруннером.

Во всяком случае операция «Цицерон» — одна из акций, осуществленная с наиболее значительной затратой фальшивых фунтов стерлингов.

ПОХИЩЕНИЕ ЧИАНО

Начало сентября 1943 года. Италия вступила в полосу крупных внутривойсковых потрясений. Из скупых и тщательно отредактированных военных сводок вытекало одно — Италия находится у порога катастрофы, войска ее терпят поражения на всех фронтах. И вот в эти тревожные дни итальянские газеты преподносят своим читателям еще одну сенсацию:

«Официально подтверждается, — писала пресса, — что 28 августа сбежал бывший министр иностранных дел Италии граф Галеаццо Чиано, содержащийся под домашним арестом в Риме. Обстоятельства, при которых совершен побег, пока еще не установлены. По сведениям полиции, в промежуток времени, когда граф мог покинуть дом, никто из мужчин не выходил из охранявшегося здания. Поэтому весьма возможно, что бывший министр бежал переодетым в женское платье. Имеются предположения, что Чиано находится еще в Риме. Следствие по этому делу и розыски бежавшего продолжаются».

После падения фашистского режима в Италии вместе с Галеаццо Чиано под домашним арестом оказалась также и его жена, Эдда Чиано, старшая дочь Муссолини. Через своих близких друзей ей удалось переслать Гитле-

ру письмо, в котором она обращалась с просьбой помочь ей и мужу освободиться и предоставить возможность всей семье перебраться в Германию. «Фюрер», питавший заметное расположение к экстравагантной Эдде, готов был помочь ей лично, но сначала не хотел было и пальцем шевельнуть, чтобы выручить из беды также и ее мужа. Гитлер вообще недолго любил вертлявого итальянского министра иностранных дел, а после того как тот выступил на последнем заседании большого фашистского совета против своего тестя, окончательно возненавидел Галеаццо Чиано.

Выяснить на месте возможности выполнения просьбы графини поручили Вильгельму Хеттлю, который в то время занимал должность уполномоченного VI разведывательного управления в Италии.

— 22 августа наша небольшая группа срочно вылетела в Рим, чтобы произвести предварительную разведку.— рассказывал Хеттль. — Внутриполитическое и военное положение Италии с каждым днем продолжало ухудшаться, и соответственно с этим менялось отношение итальянцев к Германии. Складывавшаяся обстановка не позволяла медлить с выполнением намечавшегося задания. Ни для кого уже не было секретом, что не сегодня-завтра Италия капитулирует, и правительство Бадольо не задумается выдать англо-американскому командованию Муссолини и вместе с ним министров его кабинета, которые также находились под арестом.

Немецкое руководство первоначально планировало не только освободить Муссолини и его ближайших сподвижников, но выкрасть и доставить в Германию всех главных организаторов антифашистского государственного переворота в Италии. Кроме Бадольо, к числу таких «предателей делу фашизма» Гитлер относил, между прочим, и короля Италии Виктора-Эммануила.

Однако от такой широко задуманной операции, носившей кодированное название «Аларих» по имени трижды осаждавшего и захватившего в V веке Рим вестготского короля, пришлось отказаться. Выполнение диверсии в таких масштабах неминуемо повлекло бы за собой вооруженное столкновение с итальянцами: тут не обошлось бы без участия в деле серьезных боевых сил с обеих сторон, и вся затея оказалась бы только на руку антигитлеровской коалиции.

Разведкой было установлено, что Чиано содержится вместе с семьей в частном доме и что обстановка позволяет рассчитывать на возможность выполнения задания без особого шума. Весьма благоприятствовала этому делу наблюдавшаяся в Риме деморализация итальянской армии и всего государственного аппарата.

23 августа мы уже возвратились в Берлин для доклада о результатах разведки и получения дальнейших указаний. Рейхсфюрер СС шеф германской полиции Гиммлер немедленно доложил Гитлеру полученные данные. Фюрер приказал приступить к выполнению задания и сообщить графине Чиано, что будет рад принять ее вместе с детьми в Германии в качестве почетных гостей. Что касается одновременного освобождения также и графа Чиано, то вопрос этот решился не сразу. Лишь после длительных раздумий и колебаний Гитлер выразился в отношении бывшего итальянского министра иностранных дел примерно так: «Ну, ладно! Черт с ним, пусть прихватят и его!».

Таким образом, просьба жены министра все же возымела действие, и службе безопасности были даны указания сделать все, чтобы полностью выполнить желание Эдды Чиано.

Доложив разведывательные данные, я полагал, что на этом моя роль в операции кончается. Возникла даже мысль предложить для выполнения дела имевшегося у меня на примете подходящего человека: по моему убеждению, он обладал весьма необходимыми для осуществления задуманного похищения качествами чикагского гангстера. Мне казалось, что такой тип с приданной ему бандой головорезов прекрасно справится с выполнением просьбы Эдды.

Сложилось все, однако, совсем иначе: непосредственный мой шеф, начальник VI разведывательного управления генерал Шелленберг сообщил, что выполнение этой операции возлагается именно на меня.

Не очень порадовало меня это поручение, так как я намеревался остаться в Берлине и засесть за канцелярскую работу, которая из-за частых отлучек находилась в сильно запущенном состоянии. Но делать было нечего, пришлось подчиниться приказу и в тот же день выехать в Мюнхен, чтобы оттуда транзитом добраться воздушным путем до Рима. Дело в том, что из-за немецкой бюрократ-

тической рутины все труднее становилось пользоваться воздушным сообщением, особенно на трассе Берлин — Рим. Места на самолеты расписывались задолго до вылета и бронировались за центральными органами нацистской партии и за управлениями вермахта. Не так-то просто было отказать важной персоне в месте на самолете, с тем чтобы предоставить его другому, хотя бы тот и являлся сотрудником службы безопасности, но рангом ниже. Значительно легче было попасть на самолет в обратном направлении, из Рима в Берлин. В Италии за соответствующие «чаевые» дело обычно улаживалось в два счета к полному взаимному удовлетворению. Кроме того, несравненно проще было в Риме получить место на военном самолете в качестве попутчика и бесплатного пассажира до Берлина.

Но на этот раз и в Мюнхене положение складывалось неблагоприятно: в течение ближайших часов, а может быть даже и за сутки не предвиделось ни одного рейса в Рим. Тут очень кстати оказался имевшийся у меня документ, обязывавший всех оказывать предъявителю сего безоговорочную и всемерную помощь в выполнении специального задания фюрера. Не понимаю, почему я не предъявил это удостоверение на берлинском аэродроме! Во всяком случае в Мюнхене документ возымел магическую силу: комендант аэродрома не знал, чем угодить мне, и не посчитался даже с тем, чтобы предоставить в мое распоряжение случайно оказавшийся на взлетной дорожке личный самолет главнокомандующего немецких войск в Италии генерал-фельдмаршала Кессельринга.

В Риме на аэродроме совершенно точно знали, что Кессельринг все еще находится на экстренном совещании в главной ставке Гитлера. Легко представить себе, как удивилось поэтому начальство римского аэродрома, когда с борта личного самолета генерал-фельдмаршала приняли радиограмму с просьбой об указании места для посадки.

Накануне аэродром подвергся массированному налету американской авиации, и на летном поле всюду видны были еще не заделанные воронки от бомб. Тем не менее посадка была совершена благополучно. Ловко лавируя между воронками, к только что успевшему приземлиться самолету подкатил на мотоцикле собственной персоной немецкий комендант. Предъявленная ему магическая бумажка и здесь не замедлила оказать свое действие.

На пути к Риму часто приходилось отклоняться от курса из-за предупреждений о появлявшихся вблизи самолетов противника. Время нахождения в воздухе затягивалось, но проходило незаметно: голова была занята другим, и все мысли невольно сосредоточивались на отвлекающих вопросах о том, как бы лучше осуществить предстоящее задание. Операция состояла в выполнении двух серьезных задач: во-первых, надо было суметь освободить всю семью Чиано из-под ареста, а затем тайно доставить ее из Рима в Германию. Наиболее трудной являлась, конечно, первая часть операции, вторая же не представлялась очень сложной. Имевшееся на руках удостоверение позволяло рассчитывать на то, что немецкие представители в Италии окажут действительно «безоговорочное и всемерное» содействие в переправке в Берлин бывшего итальянского министра иностранных дел вместе со всей его семьей.

Но прежде всего следовало установить предварительную связь с графиней Чиано и обсудить с ней детали побега. И вот по прибытии в Рим особоуполномоченный рейхсфюрера СС Гимmlера в Италии доктор Дольман познакомил меня с доверенным лицом графини. Встреча с ним состоялась в тот же день поздно вечером, в одной из самых подозрительных римских трущоб, в квартале, который вообще не пользовался доброй славой. Упорное нежелание доверенного лица назвать свое имя, явно излишняя таинственность и недомолвки в разговоре заставляли насторожиться. Мрачное окружение, действовавшее еще более угнетающе из-за строгих требований полного затемнения вечного города, создавало впечатление театральности, нарочито созданной для этой встречи. Наличие в моих карманах довольно крупной суммы денег (правда, в фальшивых банкнотах) невольно вызывало подозрение о возможности оказаться в засаде и быть ограбленным самыми обыкновенными итальянскими бандитами.

Однако все мои подозрения быстро и почти без следа рассеялись. Доверенный Эдды Чиано, называвший себя ее «конфидентом», высказывал весьма дельные соображения и замечания относительно намечавшейся акции. Он обещал доложить о нашем разговоре графине, и мы договорились назавтра снова встретиться, чтобы уже во всех деталях обсудить план действий.

В помощь себе я подобрал трех наиболее подходящих мне помощников-немцев, которые должны были принять непосредственное и активное участие в выполнении операции. Выбор мой остановился на заместителе немецкого представителя в международной полицейской организации «Интерпол» в Риме и на одном офицере связи, прикомандированном к итальянской колониальной полиции. Оба они отлично знали Рим и все его закоулки, прекрасно владели итальянским языком, были смуглыми brunetami и вполне могли сойти за самых что ни на есть настоящих итальянцев. Третьим помощником в нашу небольшую группу вошел решительный Грёбль, который помимо личной смелости по роду своей работы в Италии весьма кстати обладал еще и неограниченными возможностями оплачивать любые расходы фальшивыми фунтами стерлингов.

Нам очень быстро удалось заполучить все необходимые сведения, касавшиеся условий, в которых содержались арестованные, и бытовой стороны их жизни. Мы выяснили, что экс-министру предоставлялось право пользоваться всеми внутренними помещениями в доме, но не разрешалось выходить из него. Эдде Чиано позволялось совершать вместе с детьми в определенные часы прогулку вне дома под присмотром полицейского агента.

Дом, в котором содержалась семья Чиано, охранялся круглосуточно отрядом карабинеров, и, кроме того, все происходившее в самом здании и вокруг него находилось под надзором агентов итальянской тайной полиции. Что касается выполнения задания, то можно было бы попытаться в соответствующий момент ворваться в дом и, применив оружие, освободить арестованных. Однако при таком методе действий неминуемо завязалась бы перестрелка, а этого при всех обстоятельствах следовало избегать. Правительство Бадольо официально все еще не порывало с Германией, и совсем ни к чему было бы еще более осложнять и без того натянутые отношения активным вмешательством во внутренние дела Италии.

Откровенно говоря, помимо политических соображений, у нас лично не было никакого желания поднимать стрельбу, а тем более ставить на карту свою жизнь в игре за освобождение бывшего итальянского министра и его семьи. Вместе с тем мы понимали, что так или иначе, но все же придется вмешаться во внутренние дела недав-

него партнера по «оси Берлин — Рим — Токио». Оставалось только приложить все усилия к тому, чтобы операция обошлась без вооруженного столкновения и была выполнена, так сказать, наиболее «деликатным» образом.

Как же действовать? Имеются ли вообще какие-либо предпосылки, позволяющие рассчитывать на осуществление задания без лишнего шума? Основное заключалось в том, чтобы похищение семьи Чиано было совершено незаметно, неожиданно и настолько молниеносно, чтобы карабинеры не успели даже использовать свое оружие. Расчет строился на том, чтобы подкупить стражу и заблаговременно договориться с ней не поднимать стрельбу.

Очень надеялись мы на то, что существовавшая в то время в Италии неразбериха поможет удачному выполнению предстоящего дела. Бадольо не пользовался особым авторитетом в стране, и предпринимавшиеся им полумеры мало способствовали установлению порядка во все более разлагавшихся звеньях государственной власти и итальянской армии. Понятно поэтому, что основные надежды возлагались нами на возможность подкупа охраны. Во что бы то ни стало следовало договориться с ней о том, чтобы она не поднимала шума и чтобы исчезновение семьи Чиано было замечено лишь после того, как похищенные окажутся за пределами досягаемости. Что же касается расходов, то для этого в нашем распоряжении имелись неограниченные средства в английской валюте производства «блока 19».

Наконец после неоднократных и самых подробных обсуждений был принят окончательный, самым детальным образом разработанный план. В основу выполнения его были заложены внезапность и самая строгая согласованность, так сказать полная «синхронность» действий отдельных участников операции и всей ее небольшой группы в целом, включая в ее число также и членов семьи Чиано.

Планом предусматривалось выполнение операции в два приема, в промежуток времени, когда Эдда Чиано и дети будут находиться на прогулке. Предусматривалось, что граф Чиано в точно по хронометрам условленный момент нарушит инструкцию содержания под домашним арестом и внезапно выйдет из дома; не обращая внимания на реакцию, которая вслед за этим может последовать со стороны охраны, Чиано вскочит в автомашину, которая

как раз в эти секунды должна будет приблизиться к дому и на мгновение притормозит у подъезда. Затем мои помощники, забрав с собой экс-министра, повернут машину за ближайший угол и на предельной скорости, окольными путями доставят освобожденного к заранее намеченному месту на окраине Рима.

Освобождение Эдды Чиано с детьми, из-за которых, собственно говоря, и загорелся весь сыр-бор, пришлось мне взять, конечно, на себя. По плану эту задачу надлежало выполнить самостоятельно, но в одно время с похищением Галеаццо Чиано. Намечалось, что в определенный момент вторая машина подъедет к прогуливающейся графине, заберет ее вместе с детьми из-под носа у наблюдающего за ними полицейского агента и доставит к тому месту, где уже будет находиться глава семьи.

Так именно и было решено действовать. Но для этого необходимо было предварительно установить, что за человек командир отряда карабинеров, которые несли охрану арестованных. Удастся ли вообще договориться с ним и поладить путем заключения коммерческого соглашения? На наше счастье, командир оказался весьма покладистым на этот счет жандармским офицером: он подсчитал наличие имевшихся в его распоряжении людей и оружия, а затем без обиняков потребовал, чтобы за каждый автомат и пистолет, которые не будут стрелять или дадут «осечку», было уплачено по тысяче фунтов стерлингов наличными. В том же размере должно быть оплачено оружие, которое останется неиспользованным, из числа резерва, находящегося в караульном помещении... Что ж, плата вполне подходящая, особенно если учесть, что английские банкноты фактически ничего не стоили!

После того как соглашение с начальником охраны было достигнуто к взаимному удовлетворению сторон, оставалось только приобрести подходящие две легковые автомашины. Выполнение диверсии планировалось таким образом, чтобы в момент похищения ни одна мелочь не выдавала причастности к нему немцев. Поэтому при похищении семьи Чиано нельзя было использовать военные машины, номерные знаки которых итальянской полиции были известны наперечет.

Ввиду общего острого недостатка горючего в Италии покупка двух автомашин, «паккарда» и «шевроле», у частных владельцев не составила особого труда, тем бо-

лее что это приобретение также финансировалось за счет британского казначейства.

Уполномоченный Эдды Чиано — ее конфидент, как он упорно себя величал, с нетерпением ожидал нашей очередной встречи. Он полностью согласился с нашим планом и заверил, что семья Чиано в точности выполнит все наши указания. Мы договорились встретиться в последний раз 26 августа на тот случай, если потребуется изменить план, а главным образом для того, чтобы еще раз сверить хронометры. Ведь от точности их хода зависел успех дела, так как выполнение всей операции было заранее расписано буквально по минутам и даже секундам.

При расставании уполномоченный, выполняя поручение графа, передал мне кожаный мешочек. Несмотря на небольшие размеры, он оказался неожиданно настолько увесистым, что я его едва не выронил из рук. Чиано просил меня обеспечить пересылку этого мешочка наиболее надежным путем в Германию как вещи, имеющей для него особо важное значение.

Пообещав выполнить просьбу, я все же решил позднее ознакомиться с содержанием мешочка, который я небрежно сунул в карман и на затемненной улице не успел даже разглядеть как следует. Предмет, имевший для Чиано чрезвычайное значение, оказался продолговатым, довольно объемистым кожаным кошельком. В таких в старину хранили золотые монеты, да и сейчас еще они в соответствующих случаях используются в качестве театрального реквизита. Затягивался кошелек хитроумно сплетенным ремешком, и концы его были запечатаны фамильной сургучной печатью. Именно эта затейливая печать, подчеркивавшая желание сохранить тайну и недоверие к лицу, к которому граф обращался с просьбой, особенно разжигала любопытство и желание во что бы то ни стало ознакомиться с содержанием тяжелого кошелька. Вызывавшаяся этим необходимостью нарушить целостность замысловатой печати нисколько не смущала меня: в «группе VI-Ф» имелись такого рода специалисты, которые быстро и в точности могли восстановить любую сургучную печать по сохранившимся отдельным обломкам.

Мешочек оказался до отказа наполненным самыми лучшими по качеству бриллиантами чистейшей воды и изумительной игры, как сказал бы любой ювелир. Вес от-

дельных камней на глаз можно было бы определить в 7—8 каратов, и даже неискушенному человеку нетрудно было бы понять, какие громадные ценности бывший министр поручал переотправить за границу про запас «на черный день».

В напряженной подготовительной работе и непрерывных заботах, связанных с выполнением задания, как-то незаметно и, казалось, даже слишком быстро вплотную подошел день решительных действий. Несмотря на понятную общую нервозность, все последовавшие затем события разворачивались согласованно и в точном соответствии с разработанным планом.

Точно в назначенный момент граф Чиано вышел из дома и на ходу вскочил в едва успевший немного притормозить у подъезда «паккард». Машина рванула вперед, с места набирая все большую скорость, и вскоре Чиано без каких-либо приключений в пути и шума был доставлен к условленному месту. Успешному осуществлению побега очень помогло то обстоятельство, что бывший министр содержался под домашним арестом не в изолированном особняке, а в доме, где имелось еще несколько квартир и проживали другие семьи. Прохожие на улице не обратили особого внимания на элегантно одетого человека, торопившегося занять место в подъехавшей машине, а бдительность стражи, как известно, была заблаговременно и в достаточной степени усыплена достаточным количеством новеньких английских банкнотов.

Пока совершалось молниеносное освобождение Галеаццо Чиано, вторая машина в точно условленное время подъезжала к тому месту внешней дороги парка, где Эдда вместе с детьми совершала обычную прогулку и на этот раз с нетерпением ожидала своих «освободителей». Эта операция прошла также исключительно спокойно, причем полицейский агент, сопровождавший семью бывшего министра, оказался настолько галантным, что даже отвернулся в противоположную сторону, когда все усаживались в подкативший «шевроле».

Через несколько минут вся семья Чиано встретилась в одном из самых непривлекательных уголков окраины Рима. Там не стали задерживаться и пересели в крытый полугрузовик, имевший немецкие военные знаки. На нем всех надо было доставить на аэродром к уже ожидавшему их там транспортному самолету.

Однако на этом этапе из-за пустячной случайности удачно начатое дело едва не закончилось срывом выполнения задания. Произошло это на военно-контрольном пункте на окраине, на пути следования из города по направлению к аэродрому. Выезд из столицы Италии, так же как и въезд в нее, контролировался в те дни особенно строго, причем проверку проходивших немецких машин производили военнослужащие вермахта, а итальянского транспорта — чины итальянской полевой жандармерии. И надо же было случиться так, что в момент, когда немецкий унтер-офицер просматривал наши документы, из-под брезента полугрузовика послышалось тонкое попискивание самого младшего члена семьи Чиано. Несмотря на предварительно сделанные строгие внушения вести себя в машине как можно тише, ребенку, по видимому, потребовалось во всеуслышание заявить о своих небольших, но совершенно неотложных делах. Так как в наших бумагах, по понятным причинам, ничего не указывалось о наличии в машине детей, вышколенный унтер-офицер вежливо, но настойчиво и довольно громко стал требовать, чтобы открыли заднюю дверцу машины и разрешили заглянуть внутрь. Инцидент принимал весьма неприятный оборот: к автомашине стали подходить другие немецкие, а также итальянские солдаты контрольного пункта, и через несколько секунд вокруг нас собралась уже порядочная толпа глазееющих пассажиров и водителей других машин, ожидавших также проверки документов. Нечего было и думать о том, чтобы попытаться насильно прорваться через образовавшееся сборище любопытных: такие действия могли бы только усилить уже возникшее подозрение и давали бы право посту открыть огонь по пытающейся скрыться машине.

Благодаря находчивости одного из офицеров в составе нашей группы положение мгновенно и притом самым неожиданным образом в наиболее критический момент обернулось в нашу пользу. Офицер в форме летчика, сидевший рядом с нашим водителем и как бы безучастно наблюдавший до того за происходившим, вдруг выскочил из кабины и в сильном возбуждении с громким треском захлопнул за собой дверцу. Начальственным окриком и нетерпеливым жестом он приказал унтеру приблизиться и доложить, что здесь, собственно, происходит. Но не успел тот даже рта раскрыть, как на опешившего слу-

жаку тут же обрушилась длиннейшая тирада сплошь из выражений репертуара прусских казарм «доброе старое время». В машине сразу все замерло, стало тихо, и унтер-офицер поспешил возвратить бумаги без попытки настаивать на проверке, а немецкие солдаты без команды, как автоматы, поспешно стали выстраиваться в две шеренги.

Надо полагать, что не так часто под голубым небом вечного города гроыхали такие неудобопроизносимые немецкие слова, и не удивительно, что даже те итальянцы, которые не понимали их смысла, на всякий случай все же торопливо отходили все дальше от нашей машины.

Таким образом, не потребовалось даже предъявить документ, обязывавший должностных лиц оказывать предъявителю бумажки безоговорочное содействие в выполнении «специального задания». Впрочем, о наличии ее во время инцидента как-то вообще забылось, да и не следовало бы, пожалуй, показывать такой документ не-офицеру.

Путь перед нами оказался открытым, машина двинулась вперед, и мы быстро без дальнейших происшествий добрались до аэродрома к поджидавшему нас там «Юнкерсу-52». Находившиеся на аэродроме итальянские летчики и обслуживающий персонал могли бы заинтересоваться доставленными к самолету гражданскими лицами и узнать среди них бывшего итальянского министра. Но на наше счастье грузовой люк «Ю-52» оказался настолько широким, что поданный задним ходом грузовик целиком вошел в трюм; никто из посторонних на взлетной дорожке даже при желании не смог бы заметить, какого рода «груз» принимает немецкий самолет.

Через несколько минут «Ю-52» поднялся в воздух, и на этом операцию в основном можно было бы считать благополучно законченной.

Но, как тщательно ни проводилась подготовка, не обошлось без одного и притом совсем немаловажного упущения: никто из нас не позаботился о том, чтобы обеспечить пассажиров необходимой в полете теплой одеждой.

Допущенная оплошность дала себя почувствовать сразу, как только наш самолет оторвался от земли. Семейство Чиано от мала до велика вышло из дома в легких платьях и костюмах, и никому даже в голову не при-

ходило, что готовившиеся к побегу не могли тащить с собой узлы с теплой одеждой или одеться в разгар итальянского лета по-зимнему!

Предоставленный в наше распоряжение самолет оказался транспортной машиной не первой молодости и побывавшей, как видно, не раз в серьезных переделках. Об этом красноречиво свидетельствовали многочисленные, наскоро залатанные повреждения на фюзеляже. В трюме было страшно холодно, и сильно сквозило. Легко представить, как чувствовали себя пассажиры, если учесть, что из-за грозы, проходившей в нижних слоях атмосферы, и при полете через Альпы все время приходилось держаться высоты от четырех до пяти тысяч метров над уровнем моря. Хорошо, что в трюме нашлись сильно изношенные меховые комбинезоны и старые солдатские одеяла. Без этого, очевидно, уже списанного в расход имущества едва ли представилась бы возможность благополучно доставить освобожденных к месту назначения.

Но пока что мы все еще находились в полете. Прикрывшись промасленными комбинезонами и старыми одеялами, пассажиры понемногу отогревались и приходили в себя после пережитых недавно треволнений. Но не прошло и получаса, как граф стал снова проявлять беспокойство, и ему уже не сиделось на месте. Он снял с дочери висевшую у нее через плечо детскую сумочку и занялся перекаладыванием в свой портфель хранившихся у ребенка ценностей: здесь оказались крупные бриллианты, вделанные в платиновые оправы, кулоны, а также различные дамские украшения с драгоценными камнями. Когда сумочка совершенно освободилась от не свойственных ей предметов, Чиано принялся очищать карманы собственного костюма от находившихся там ценностей. Сколько же их всего у графа и откуда они вообще у него? Не владел же он целым магазином ювелирных изделий до того, как породниться с Муссолини? Сколько же времени должен был продолжаться предстоящий «черный день», если на такой случай Чиано предусмотрительно обеспечивал себя таким богатством?! В одну из минут откровенности Галеаццо Чиано высказывал, правда, желание навсегда отказаться в будущем от участия в политической жизни и посвятить себя после войны всецело коммерческой деятельности в одной из latinoамерикан-

ских стран, — так описывает похищение Чиано непосредственный участник операции.

На этом можно было бы и закончить рассказ о данной диверсии, тем более что через две недели после нее в Италии произошло еще одно аналогичное событие. Накануне разрыва отношений с Германией и объявления ей правительством Италии войны немецкими парашютистами-диверсантами была осуществлена не менее дерзкая операция — похищение из заключения Муссолини, содержавшегося правительством Бадольо под усиленной охраной и в часто менявшихся местах.

Вернемся, однако, еще раз к дальнейшей судьбе бывшего министра иностранных дел фашистской Италии графа Галеаццо Чиано.

Обстоятельства сложились так, что заниматься коммерцией в Южной Америке или где-нибудь в другой стране бывшему министру так и не пришлось.

Очутившись в Германии, Чиано не стал сидеть без дела и проявил немалую энергию, чтобы выгоднее продать дневники, которые он вел в Италии, будучи министром иностранных дел, еще с 1937 года. В получении этих дневников оказались крайне заинтересованными одновременно разведывательные органы нескольких стран. Влиятельным кругам западного мира было важно предупредить возможность опубликования фактов, которые могли бы скомпрометировать многих видных политических и государственных деятелей Западной Европы и США. Дневники хранились у Чиано в тайнике, и вопрос, с кем именно совершить сделку на их продажу, заключался лишь в том, кто заплатит дороже, а именно — американская, английская или в последующем германская разведка.

Однако и это коммерческое дело экс-министру не удалось довести до конца. Этим впоследствии занялась энергичная Эдда Чиано, которая сумела переотправить дневники мужа в Швейцарию.

Пока Чиано все еще продолжал раздумывать над вопросом наиболее выгодной продажи дневников, его тещи Муссолини немецкие диверсанты сумели уже освободить из заключения в результате успешного осуществленного налета на местечко в Апеннинских горах. С помощью Гитлера на Севере Италии вскоре было сколочено во главе с Муссолини марионеточное правительство, про-

должавшее на стороне Германии враждебные действия против антигитлеровской коалиции.

Через некоторое время Муссолини предложил Чиано прибыть к нему для переговоров в Верону, где в тот период обосновался глава бутафорского правительства фашистской Италии. Недолго поколебавшись, Чиано решил принять приглашение в надежде, что удастся примириться с тестем, а затем навсегда перебраться в Америку. Но Чиано жестоко ошибался, рассчитывая на родственные чувства отца к дочери. Муссолини готовился расправиться со всеми, кто так или иначе содействовал падению его власти.

2 ноября 1943 г., сразу по прибытии на веронский аэродром, Чиано был арестован и заключен в тюрьму, в здание бывшего католического монастыря, принадлежавшего монашескому ордену кармелитов. 10 января 1944 г. Галеаццо Чиано вместе с четырьмя другими «заговорщиками против дуче» предстал перед фашистским трибуналом. В соответствии с требованием Муссолини трибунал приговорил всех к смертной казни, и на следующее утро приговор был приведен в исполнение. Казнили осужденных не совсем обычно: их усадили на стулья и накрепко привязали, а затем расстреливали в спину. С первого залпа Чиано был только ранен, так как в последний момент успел сделать резкое движение корпусом в сторону солдат. Командиру взвода, руководившему казнью, пришлось прикончить зятя Муссолини, кавальера Галеаццо Чиано, выстрелом в упор из своего пистолета.

ОПЕРАЦИЯ „ЭЙХЕ“

Фальшивые банкноты помогли VI разведывательному управлению уточнить место, где содержался Муссолини, арестованный после совершенного в Италии в июле 1943 года государственного переворота. Установление точного местонахождения бывшего главаря итальянских фашистов имело решающее значение для возможности осуществления операции «Эйхе» (под таким наименованием была закодирована акция по освобождению Муссолини).

12 сентября 1943 г. все радиовещательные станции Германии по несколько раз в день передавали экстренное сообщение главной ставки Гитлера. В обычном стиле

фашистских победных реляций первоначально объявлялось коротко: «Немецкие парашютисты во взаимодействии с работниками службы безопасности и военнослужащими одной части СС блестяще выполнили задание по освобождению находившегося в заключении Бенито Муссолини. В результате проведения этой операции сорваны коварные намерения правительства Бадольо выдать дуче англо-американским властям...».

На следующий день немецкие радиостанции передавали по этому поводу дополнительные сведения: «Вызвавшая всеобщую сенсацию смелая операция подготавливалась и была выполнена в исключительно тяжелых условиях и очень сложной обстановке. Правительство Бадольо принимало всяческие меры, чтобы скрыть место, где содержится Бенито Муссолини, и заметало следы его неоднократных перемещений: через каждые два-три дня его переводили в другое место, перевозили с одного острова на другой, постоянно меняли военные корабли, тюрьмы и камеры, где он временно содержался. Находился он на особо строгом режиме, под усиленной и часто менявшейся в своем составе охраной...».

Непосредственное выполнение операции по освобождению Муссолини возлагалось на штурмбаннфюрера СС Отто Скорцени, являвшегося в то время начальником отдела, руководившего действиями отрядов специального назначения и организацией диверсий и саботажа в глубоком тылу противника.

Как и при каких обстоятельствах проходила эта операция?

После свержения Муссолини прошло больше месяца, а новое правительство Италии все еще не порывало союз с гитлеровской Германией и продолжало участвовать в войне на ее стороне. Между тем положение в стране все более ухудшалось. Со дня на день становилась очевиднее неизбежность поражения и капитуляции Италии перед вооруженными силами антигитлеровской коалиции.

В связи с этим в июле—августе 1943 года Гитлер стал проявлять особое беспокойство за судьбу Муссолини. Предпринималось все, чтобы установить место, где он содержится. Разрабатывались всевозможные варианты насильственного освобождения его из заключения и доставки в Германию. Основная цель намечавшегося освобождения Муссолини состояла в том, чтобы в последую-

щем создать во главе с ним новое марионеточное правительство Италии для дальнейшего продолжения войны на стороне гитлеровской Германии.

По договоренности, существовавшей между союзниками по «оси», Германия обязывалась прекратить деятельность немецких органов разведки на территории Италии. Однако это обязательство несколько не мешало германскому «Абверу» и службе имперской безопасности систематически получать необходимую секретную информацию, касающуюся Италии. Необходимые сведения беспрепятственно добывались через входившего в состав германского посольства особого уполномоченного, являвшегося официальным представителем международной полицейской организации «Интерпол». Располагая разветвленной агентурой в Италии, этому уполномоченному, наряду с уголовно-сыскными делами, удавалось успешно выполнять и задания, носившие сугубо военный и политический характер.

Розыски местонахождения Муссолини начались в Риме со знакомства немецкого агента тайной полиции с неким пожилым жандармским фельдфебелем. Встреча с ним состоялась в кабачке, где часто собирались и коротали досуг итальянские карабинеры. По мере появления на столе все новых бутылок беседа только что познакомившихся принимала все более откровенный и задушевный характер. Постепенно стали затрагиваться и самые актуальные вопросы текущей жизни и положения Италии. Незаметно и как бы между прочим разговор переходил к теме, вызывавшей в то время у итальянцев особый интерес, — где содержится арестованный Муссолини и что с ним будет в дальнейшем.

Старый жандарм сам ничего не знал и высказал только предположение, что, может быть, об этом кое-что известно его командиру. Закончилась первая встреча взаимными любезностями и тем, что в признательность за «одолженные» агентом сто фунтов стерлингов фельдфебель пообещал познакомить нового друга со своим непосредственным начальником.

Назавтра это знакомство действительно состоялось. После хорошего ужина в тот же вечер и соответствующего «подарка» лейтенант согласился организовать встречу с другим офицером, который якобы доподлинно знает место, где находится «дуче».

Рассчитываясь в каждом случае фальшивыми английскими банкнотами, гитлеровский разведчик не очень скупился в расходах, но данные, полученные за тысячу фунтов стерлингов у второго офицера, оказались более чем скромными. Стало лишь известно, что Муссолини несколько дней тому назад отправили на какой-то остров, но на какой именно и из какого порта состоялась отправка — оставалось по-прежнему тайной.

Так или иначе, но кое-какие сведения все же были получены. Они послужили исходными данными для немецкой разведки и позволили приступить к дальнейшему уточнению подробностей в определенном направлении.

Первые очень важные сведения удалось получить капитану войск СС В. Грёблю, одному из самых активных помощников коммерсанта Швенда по части сбыта фальшивых банкнотов в Италии и странах Ближнего Востока.

За два с лишним года операций, проводившихся за счет этих банкнотов, у эсэсовца Грёбля сложились наилучшие отношения с руководящими работниками Генуэзского порта. От них удалось узнать, что отправка Муссолини совершалась на военном катере с Неапольского порта. Название острова порекомендовали попытаться узнать у моряков в военном порту Гаэта.

Однако предпринятая разведка едва не закончилась полным провалом в самом начале. Еще в Неаполе портовая полиция заинтересовалась неизвестным, который с утра до позднего вечера болтался по причалам. Подозрительными показались его беседы с рабочими и служащими порта, щедрые угощения и явные намерения что-то выведать. Вскоре Грёбля задержали и привели на полицейский пост для выяснения личности. При обыске у него обнаружили заграничный паспорт на имя швейцарского гражданина и, что особенно смутило полицейских, значительную сумму денег в английских банкнотах и итальянских лирах.

Немецкий разведчик был уверен, что ни поддельный паспорт, ни фальшивые фунты стерлингов сами по себе не вызовут подозрений. Беспокоило его другое, а именно: как бы наиболее правдоподобно объяснить полиции поведение в порту и наличие при себе крупной суммы денег, рассованных по карманам костюма и плаща. Трудно было надеяться, что удастся подобру-поздорову и без неприятностей уйти от полиции. Несколько обнадеживал

разведчика тот интерес, который проявлялся полицейскими в основном к пачкам денег, соблазнительно лежавшим на столе. Может быть, именно они помогут выйти из создавшегося положения, соображал Грёбль.

Эсэсовский разведчик решил играть ва-банк. Отозвав полицейского в сторону, он рассказал ему, что действует якобы по заданию английских властей для выявления настроения итальянцев и определения метода действий, которые помогли бы союзным силам осуществить занятие Неаполя без напрасных жертв со стороны мирного населения. Получение точных сведений якобы необходимо ввиду уже заканчивающейся англо-американским командованием подготовки к занятию Неаполя и окрестностей одновременно морским десантом и парашютными частями. Что же касается имеющихся денег, то все они предназначены, мол, для вознаграждения тех достойных уважения итальянцев, которые помогут в выполнении задания и сохранении жизни своих соотечественников.

Такого рода объяснение заставило «блюстителя порядка» призадуматься: «Что ж, этому можно, пожалуй, поверить, — размышлял полицейский. — Недаром утверждают, что Бадольо уже нащупывает почву для скорейшего прекращения войны. Кроме того, на самом деле ходят слухи о том, что англичане вот-вот займут все западное побережье Италии. Если задержанный в чем-нибудь и хитрит, совсем ни к чему в последний момент портить отношения с сильным противником. Дело с этим парнем можно закончить по-хорошему».

Швейцарский паспорт, а главное пачки денег, продолжавшие вызывающим образом красоваться тут же, все более соблазняли и гипнотизировали охрану. «Патриотизм само собой и служба — службой, но как отказаться от богатства, которое само и незаметно для посторонних глаз просится в карман полицейских курток? Самый раз кончать дело!» — решил, наконец, начальник, принимая с готовностью вручаемые ему деньги.

«Имевшиеся тогда при себе деньги в английских банкнотах и несколько тысяч в итальянских лирах, — вспоминал впоследствии Грёбль, — да еще 20 тыс. фунтов стерлингов, истраченные в окрестностях военного порта Гаэта, — не бог весть какой расход, чтобы узнать, что Муссолини содержится на Маддалена — небольшом скалистом острове у северо-восточного побережья Сарди-

нии». На этом острове площадью около 20 кв. км имелись прекрасный порт, военная гавань и исправительная колония.

Прежде чем начать действия по освобождению «дуче», Гиммлер решил предварительно проверить полученные разведкой данные и узнать, не переведена ли такая важная персона, какой является Муссолини, за этот промежуток времени снова в другое место. Здравомыслящему человеку трудно поверить и покажется смешным, что для уточнения местопребывания Муссолини дополнительно прибегли к помощи «потусторонних сил». По приказанию рейхсфюрера СС и шефа гитлеровской полиции Гиммлера к этому делу была привлечена целая группа представителей оккультных «наук», и вот что рассказывают по поводу их методов лица, имевшие возможность наблюдать за работой кудесников.

Гиммлер считал почему-то, что в операции «Эйхе» обычные средства разведки не позволят точно установить, где именно находится Муссолини. Поэтому увлекавшийся оккультизмом рейхсфюрер СС решил прибегнуть к помощи «тайных сил». Горячим последователем «учений» оккультизма и признанным его покровителем являлся в свое время и бывший заместитель «фюрера» Гесс. Но после того как Гесс в начале войны перелетел в Англию, все пользовавшиеся в Германии популярностью «профессора» этих наук были арестованы и отсиживались в заключении. Теперь по приказу Гиммлера их пришлось срочно разыскивать по тюрьмам и концентрационным лагерям и заниматься доставкой в Берлин. Наконец, всем собравшимся «ясновидцам», астрологам, гадалкам и другим представителям черной магии объявили, что тот, кто выявит точное местонахождение Муссолини, будет немедленно освобожден и получит крупную сумму в виде вознаграждения за оказанную помощь в выполнении государственного задания.

В изолированном от внешнего мира особняке в районе Ваннзе в Берлине служба безопасности разместила около сорока таких кудесников, предоставив им исключительные удобства и наилучшее питание. Достаточно было двух-трех дней, чтобы убедиться, что оккультных дел мастера не торопятся закончить поиски свергнутого «фюрера» итальянских фашистов. Наоборот, всю свою и без того в достаточной степени темную работу они, елико

возможно, обволакивали еще большим туманом загадочности и таинственности. Чувствовалось явное желание всячески затянуть дело и подольше пользоваться исключительным комфортом, так неожиданно предоставленным после пребывания в условиях тюремного заключения.

В отлично обставленных апартаментах и специально оборудованных кабинетах особняка время расходовалось впустую: без конца составлялись и переделывались на разные варианты гороскопы и другие астрологические таблицы, производились какие-то сложные кабалистические вычисления, совершались странные и непонятные манипуляции с помощью особой аппаратуры.

Из имевшихся у шарлатанов приборов особое внимание обращал на себя «аппарат», рассчитанный на то, чтобы поразить человека конструкцией и сверхъестественностью действия. Не считая многих деталей, имевших чисто декоративное назначение, основные части прибора состояли из обыкновенной чертежной доски средних размеров и возвышавшегося над ней большого маятника от настенных часов. Маятник крепился на г-образную стойку с зубчатыми колесиками в основании и по рейкам на доске легко мог передвигаться в пределах всей площади доски. В зависимости от поставленной задачи на доске прикреплялась кнопками географическая карта, план местности или групповой снимок. Весь фокус заключался в том, что запущенный маятник под воздействием якобы «потусторонних» сил по мере приближения к «нужному» пункту замедлял колебания, а затем и вовсе останавливался над той точкой, которую требовалось выявить. Раскрыть фокус и узнать, какие именно силы помогают маятнику остановиться в нужном месте, не составляло большого труда: замедление колебаний и остановку маятника безотказно выполняло едва заметное тормозное устройство, которым ловко пользовался манипулятор.

Дни шли своим чередом, а толку от работы этих шарлатанов, продолжавших пользоваться комфортом, прекрасно питаться и курить дорогие сигары, как и следовало ожидать, не было и вообще не предвиделось. Между тем политическое и военное положение Италии все более осложнялось. Возникали серьезные опасения, что Муссолини снова будет переведен в другое неизвестное место или окажется выданным союзному командованию. Насту-

пала пора положить конец дальнейшему разыгрыванию фарса и надоумить одного из наиболее «импозантных» мистификаторов подтвердить данные, полученные разведкой еще до обращения за помощью к черной магии.

Соответствующая договоренность в конце концов состоялась между представителями службы имперской безопасности и тем кудесником, который пользовался изобретенным им «маятниковым оракулом». В довоенное время этот аферист пользовался в Берлине широкой известностью и успешно процветал, шаманствуя с маятником в богатых домах и самых высоких нацистских сферах.

После соответствующим образом проведенной подготовки и неоднократных репетиций наступил момент, когда в присутствии лично Гимmlера состоялся, наконец, долгожданный сеанс установления самого точного местонахождения бывшего главы фашистской Италии. Все шло как по-писанному. Оператор медленно передвигал маятник взад и вперед над географической картой Италии и через несколько минут присутствующие могли заметить, как по мере приближения к району островов Корсика и Сардиния маятник начинал «нервничать»: колебания его становились неровными и сокращалась их амплитуда, затем при удалении от этого района ритм и размах маятника постепенно восстанавливались. Так повторялось несколько раз до тех пор, пока маятник окончательно не замер над точкой около группы Бучинских островов в Тирренском море.

Рейхсфюрер СС Гимmlер был страшно доволен: потусторонние силы проверили и подтверждали данные разведки. Только после этого Гимmlер санкционировал окончательно операцию «Эйхе» и дал команду приступить к выполнению задания.

Немецкие офицеры-подводники серьезно утверждали, что «искусство» маэстро черной магии и его чудодейственный маятник в отдельных случаях использовались впоследствии даже в штабе гросс-адмирала Деница в качестве вспомогательного средства для интуитивного обнаружения океанских конвоев союзников. Не удивительно, что показания этого оракула и в такой необычной области использования совпадали с предварительно поступавшими данными воздушной разведки.

О том, каким образом практически осуществлялась

операция по освобождению Муссолини, уже рассказывалось в послевоенной литературе. Остановимся здесь только на некоторых деталях, которые не были освещены и могут представлять интерес для читателя.

Не в характере Отто Скорцени было сидеть сложа руки в ожидании получения приказа начать дело. Капитан СС горел желанием заработать следующий «Железный крест» и повышение в звании. Пока в Берлине все еще продолжалась возня с колдовской аппаратурой, Скорцени решил провести рекогносцировку над островом Маддалена, чтобы лично ознакомиться с располагавшимися на острове зданиями. Выполнить это намерение ему, однако, не удалось: «Хейнкель III» потерпел аварию и рухнул в море, и только по чистой случайности Скорцени посчастливилось спастись.

Подготовка к операции «Эйхе» проводилась очень скрытно. Тем не менее итальянская охрана все же заметила повышенный интерес немецких воздушных разведчиков к ничем другим не примечательному островку. Имелись предположения, что местонахождение Муссолини открыто, и поэтому за восемь дней до капитуляции Италии и объявления ею войны Германии правительство Бадольо распорядилось переотправить арестованного на континент.

В результате этих мер материалы предыдущих разведок и «выводы» представителей оккультных наук оказались бесполезными. Ворвавшийся на нескольких торпедных катерах с отрядом диверсантов на Маддалену Скорцени имел возможность лично удостовериться в том, что буквально накануне «дуче» был вывезен с острова в другое, никому не известное место.

Немецкой разведке срочно приходилось начинать все заново. Между тем 3 сентября 1943 г. Италия капитулировала, гитлеровские войска оккупировали Рим, Болонью и некоторые другие города Италии, а англо-американские войска совершили высадку на побережье Тирренского моря, в районах Баньяры и Салерно.

Снова прибегли к подкупам с помощью фальшивых английских банкнотов, и вскоре германская разведка уже имела в своем распоряжении необходимые ей сведения. На этот раз «дуче» упрятали в Аbruцких горах, в сильно поврежденном воздушными бомбежками здании гостиницы у подножья Гран Сассо д'Италия.

Известно, что освобождение Муссолини было совершенно отрядом парашютистов под командой Скорцени. Выполнение завершающего акта операции заняло всего несколько минут и обошлось даже без жертв. Нападение оказалось настолько неожиданным и развертывавшиеся затем действия диверсантов производились так стремительно, что итальянская охрана даже не успела как следует разобраться в происходящем. Наступившего короткого замешательства итальянцев оказалось достаточно, чтобы обеспечить успешное выполнение задания. После того как солдаты постепенно стали приходить в себя, им уже не потребовалось принимать какие-либо меры к оказанию сопротивления: начальник охраны принял решение о бесполезности использования имеющихся сил против свалившихся на голову парашютистов, а охрана, в свою очередь, не заставила второй раз повторять приказание о сдаче оружия.

Из-за упорства Скорцени и его нежелания делить славу «спасителя дуче» с другими удачно завершившаяся операция в последний момент едва не закончилась гибелью всех главных действующих лиц. По разработанному плану Муссолини после его освобождения следовало немедленно доставить на имевшемся у Скорцени легком самолете на ближайший расположенный в Италии немецкий аэродром, а оттуда — в Германию. Но парашютисты были доставлены к Гран Сассо д'Италия на планерах, а находившийся у Скорцени самолет «Шторх» был рассчитан только на одного пассажира. Поэтому доставкой Муссолини пришлось бы заниматься одному пилоту без Скорцени. Но разве мог капитан СС, ожидавший за выполнение задания повышения в звании и высокой награды, примириться с тем, чтобы освобожденного «дуче» сдал по назначению кто-нибудь другой, а не он лично?

Усадив бывшего главу фашистской Италии на единственное место для пассажира, Скорцени, не обращая внимания на протесты летчика, также втиснулся в машину, примостился кое-как между пилотом и «дуче», а затем приказал подняться в воздух. Тучный Муссолини и здоровенный Скорцени, верзила ростом около двух метров, сильно перегружали двухместный «Шторх». С большим трудом удалось самолету оторваться от земли, развернуться на малой площадке и набрать необходимую высоту. Машину бросало из стороны в сторону, тянуло вниз,

и был момент, когда казалось, что она вот-вот налетит на отвесную скалу, похоронив под своими обломками вместе с только что освобожденным «дуче» также его спасителя и пилота.

Неизвестно, какого рода «потусторонние силы» помогли Скорцени уцелеть, но после успешно выполненной операции «Эйхе» он был награжден новым орденом «Железного креста».

Операция «Эйхе» обошлась совсем недорого — всего в какие-нибудь 50 тыс. фунтов стерлингов фальшивыми банкнотами. Галеаццо Чиано, узнав о размерах расходов по освобождению своего тестя, заметил, что для Германии и для Италии в особенности несравненно лучше было бы не добиваться освобождения Муссолини путем похищения его из заключения, а выплатить итальянской охране еще 5 млн. фунтов стерлингов, с тем чтобы его крепче держали под замком до суда.

ГИТЛЕРОВСКАЯ РАЗВЕДКА ИСПЫТЫВАЕТ ГОРЕЧЬ ПОРАЖЕНИИ

Понятно, что далеко не все, даже самым тщательным образом разработанные, подготовленные и обеспеченные всем необходимым диверсии немецко-фашистской разведке удавалось осуществлять с таким же успехом, как, например, операции «Бернгард», «Эйхе» и некоторые другие подрывные действия в других странах и в глубоком тылу противника. В большинстве случаев намерения нанести удар в спину своевременно обнаруживались и обезвреживались соответствующими контрмерами или сводились на нет из-за военных неудач фашистских захватчиков. Очень часто подобные действия срывались и заканчивались захватом диверсантов благодаря патриотизму и бдительности населения стран антигитлеровской коалиции.

Остановимся несколько подробнее на тех операциях, которые заканчивались провалом, несмотря на то что гитлеровские разведывательные органы готовились к ним тщательно и скрупулезно.

Весной 1943 года для выполнения особых заданий из личной охраны Гитлера в распоряжение VI разведыва-

тельного управления был переведен один из опытейших офицеров-эсэсовцев, знакомый уже нам Отто Скорцени. Вместе с ним в подчинение тому же управлению был откомандирован и находившийся под командованием Скорцени отряд парашютистов, имевший большой опыт в выполнении разного рода диверсий в тылу противника.

Помимо прочих обязанностей на Скорцени возлагалось еще и дополнительное задание, заключавшееся в организации специальной школы по подготовке особо квалифицированных диверсантов для выполнения подрывных заданий по ту сторону фронта.

Скорцени с большой охотой взялся за выполнение порученного ему нового дела. В школу стали набираться офицеры, младший командный состав и солдаты из числа наиболее способных и добровольно согласившихся пойти на выполнение предстоящих действий. По утверждению опытного организатора многочисленных диверсий, отлично вышколенные, прошедшие всестороннюю и специальную техническую подготовку, а также особую тренировку диверсанты сумели за последующие два года успешно выполнить ряд очень серьезных заданий.

Тем временем, пока шла работа по организации специальной школы, в другом подразделении, также подчиненном Скорцени, заканчивалась учебная программа по подготовке диверсантов для подрывных действий на коммуникациях, связывавших Иран с СССР. Гитлеровское руководство неоднократно предпринимало попытки сорвать доставку в СССР оружия, боеприпасов, военной техники и других грузов, направлявшихся из США и Канады через Иран на советско-германский фронт.

Действия противника в этом направлении, даже в случае только частичного осуществления замышлявшегося плана, могли отразиться на поставках, предназначенных для фронта. Грузы, следовавшие через Иран, доставлялись к границе СССР по железнодорожным путям и на автомашинах по шоссейным и грунтовым дорогам, проходившим большей частью по пустыням, горным ущельям и через перевалы. Трудности в пути еще более усугублялись редкой населенностью, а также отдельными действиями мятежных и просто разбойничьих банд в глухих районах иранской территории. Этими обстоятельствами и хотело воспользоваться VI разведывательное управление противника.

Однако коварные планы врага срывались, ибо контрразведки союзников действовали оперативно, и все усилия немецких диверсантов практически сводились на нет; регулярная и бесперебойная доставка военных и других грузов в Советский Союз была обеспечена.

Тем не менее неудачи не остановили противника, и он не оставлял попыток нарушить снабжение через Иран. Но чтобы операция по нарушению ирано-советской коммуникации оказалась успешной, немецкая разведка решила подготовить ее более тщательно. Диверсию предполагалось осуществлять с помощью вождей кочующих мятежных иранских племен, а также разбойничьих банд при активном содействии в этом деле мусульманского духовенства и путем подкупа нужных людей деньгами и ценными подарками. Для этой цели кроме выделенных крупных сумм в фальшивых банкнотах специально заготавливалось в большом количестве огнестрельное и холодное оружие, украшенное инкрустацией и выгравированными изречениями, подобренными из соответствующих сур или глав корана.

На подготовку опытных диверсантов для действий в Иране, носивших общее условное название операция «Франц», ушло несколько месяцев. Помимо специальной муштровки диверсанты изучали персидский язык, причем преподаватели-персы в последующем направлялись вместе с группой диверсантов в район действий и должны были оставаться там до конца выполнения данной операции в качестве переводчиков. Немецкие военнослужащие предназначались для работы специалистами-инструкторами и доставлялись в Иран на самолете типа «Юнкерс-280» группами в составе пяти-шести человек. Высадка их производилась обычно в одном из пустынных или наиболее глухих горных районов, в 200—250 км от Тегерана, вблизи соленого озера Дерьячейе-Ком, где диверсанты сразу вступали в контакт с уже поджидавшими их вождями соответствующих кочующих племен.

Подкупленные деньгами и ценными подарками главари и члены разбойничьих банд, как правило, соглашались действовать под руководством немецких инструкторов и совершать налеты на караваны с грузами, следовавшими в СССР по горным участкам пути. В обязанности инструкторов входило поддерживать в установленные дни и часы радиосвязь с VI разведывательным

управлением, а также снабжать банды оружием и боеприпасами, поступавшими из Германии.

Подготовка первой диверсионной группы была, наконец, завершена, но вылет ее в район действий несколько раз откладывался. Вот что рассказывает по поводу группы Скорцени один из гитлеровских разведчиков, не принимавший непосредственное участие в иранских операциях, но все же внимательно следивший за ходом всех развертывавшихся там событий.

— Лето 1943 года было в полном разгаре. Положение на всех фронтах после невиданной катастрофы на Волге продолжало складываться не в нашу пользу, все выглядело далеко не в розовом свете. Отголоски непрерывных тяжелых поражений чувствовались во всем: для выполнения имевшихся заданий все труднее становилось получить даже самое необходимое. Никто не шел навстречу и не проявлял прежней готовности помочь диверсионной работе предоставлением нужных людей и средств. Из-за больших потерь ощущался острый недостаток в материальной части, подчас невозможно было получить самолет для переброски диверсионной группы в район действий.

Группе, высадившейся в конце концов в Иране, правда, удалось сразу связаться с повстанческими кочевыми бандами и некоторое время даже действовать с «переменным успехом». Но из-за нехватки соответствующих транспортных самолетов мы лишены были возможности продолжать обеспечивать эту группу самым необходимым для проведения более или менее серьезных операций.

Вторая группа, состоявшая из шести человек, под командой офицера проходила выучку в Ораниенбурге под Берлином и уже готовилась на аэродроме к вылету. Но, не оторвавшись еще от земли, самолет потерпел аварию, и отправку, в который раз, пришлось снова отложить. Однако нет худа без добра: как раз в момент неудавшегося взлета была получена радиограмма от одного нашего агента, работавшего в Иране. Он сообщал, что наш диверсионный центр в Тегеране раскрыт союзной контрразведкой и все наши работники арестованы, за исключением одного, которому удалось бежать в Турцию.

Лишившись надежной связи с Ираном, мы вынуждены были вскоре оставить дальнейшие попытки помешать доставке грузов через Иран в Советскую Россию.

Что касается первой группы диверсантов, то и она недолго продолжала свою деятельность на сухопутных коммуникациях Ирана. Через две-три недели у вождей иранских повстанцев окончательно остыло желание продолжать рискованные набеги на союзные караваны, немецкие же инструкторы были выданы союзным властям. Возглавлявший группу эсэсовский офицер при аресте покончил с собой выстрелом в висок, а остальные ее члены были интернированы и в 1948 году возвратились в Западную Германию.

И СНОВА НЕУДАЧИ... (ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ „ГРИФ“)

С октября 1944 года в тиши одного из кабинетов штаба верховного командования вермахта несколько человек из числа высшего генералитета в глубокой тайне разрабатывали план внезапного перехода германских армий в Арденнах в контрнаступление, с тем чтобы создать перелом в стратегической обстановке на Западе в пользу Германии. Предполагалось неожиданным контрнаступлением на одном из наиболее слабых участков фронта противника прорвать американско-английскую линию обороны в направлении между Льежем и Намюром и, продолжая развивать стремительное наступление, форсировать реку Маас. Успешное осуществление этой операции должно было ликвидировать выступ линии фронта англо-американских войск и тем самым обеспечить для Германии безопасность Саарской области и бассейна Рура. Конечной целью ставилось занять Льеж, Брюссель и Антверпен, заставить США и Англию прекратить военные действия против Германии и перебросить основные силы на Восточный фронт, чтобы приостановить продолжавшееся между тем наступление советских войск в глубь Германии. Одновременно гитлеровцами преследовалась и политическая цель — используя противоречия между Востоком и Западом, вбить клин в отношения между союзниками по антифашистской коалиции и, взяв инициативу в свои руки, сохранить германский империализм.

Во второй половине октября 1944 года майор Отто Скорцени неожиданно был вызван в штаб-квартиру Гит-

лера, находившуюся в то время в замке Хиршберг вблизи Вейльхейма, примерно в 50 км к юго-западу от Мюнхена.

Гитлер поздравил Скорцени с удачным выполнением задания по тайной доставке в Германию венгерского диктатора Хорти и его сына, сообщил о награждении диверсанта «Золотым рыцарским крестом», а также о присвоении ему внеочередного звания оберштурмбаннфюрера СС. Переходя затем к делу, Гитлер продолжал:

— Я пригласил вас к себе, дорогой Скорцени, специально для того, чтобы лично поручить вам, как я считаю, самое важное и ответственное задание из всех, когда-либо возлагавшихся на вас. Имею в виду доверить вам выполнение диверсии, которая будет иметь непосредственное отношение к намеченному на декабрь крупному наступлению наших войск в Арденнах. Пока лишь очень немногие посвящены в грандиозный план, от успешного выполнения которого будет зависеть дальнейшая судьба всей Германии...

Почти целый час Гитлер излагал свои взгляды на события и высказывал соображения относительно средств для осуществления замышлявшейся операции.

— Вот уже несколько месяцев на всех фронтах наши армии терпят непрерывные неудачи. Бог войны, как видно, отвернулся от нас, и за это время мы принуждены были оставить на Востоке и на Западе огромные по размерам, чрезвычайно важные в стратегическом и экономическом отношении области, — говорил Гитлер. — Противники, в особенности западные газетчики и пропагандисты, начинают болтать о том, что Германия — смердящий труп и убрать его на свалку союзникам теперь уже не так-то трудно! Западные политики никак не хотят понять, что немцы истекают кровью в войне за спасение Европы от нашествия азиатов... Народы Европы и Америки порядком устали и если увидят, что отпетая враждебными агитаторами Германия все еще в состоянии наносить сокрушительные удары, решительно потребуют от своих правительств прекращения войны. Тогда я смогу повернуть всю нашу мощь на Восток и осуществить возложенную на Германию историческую миссию!

Продолжая еще долго распространяться на ту же тему, он возвратился затем к основному вопросу, послужившему причиной экстренного вызова Скорцени в штаб-

квартиру. Подчеркивая еще раз необходимость соблюдения особой секретности в отношении намечавшейся операции, Гитлер продолжал:

— С момента вторжения союзников в Нормандию, в течение всего периода их четырехмесячного наступления и вплоть до приближения фронта к самым границам Германии меня не оставляла следующая мысль: на одном из наиболее слабо защищенных участков фронта противника внезапным переходом в мощное контрнаступление прорвать его, одновременными диверсионными действиями в тылу создать панику в рядах англо-американцев и вызвать их беспорядочное отступление. Таким образом, я надеюсь, нам удастся вырвать инициативу из рук противника... Однако осуществить этот план мне до сих пор не удавалось вследствие общей обстановки, неблагоприятно складывавшейся на всех фронтах. Теперь положение значительно облегчается, — отметил Гитлер. — Союзники закрепились на занятых позициях и приостановили дальнейшее наступление. По-видимому, это объясняется подготовкой к осенне-зимней кампании и сложностью доставки из-за моря и подвоза к фронту пополнений, а также новых запасов горючего и всего прочего, что требуется для механизированных армий.

Создавшаяся на Западном фронте передышка позволила германскому командованию пополнить и восстановить боеспособность немецких соединений, разбитых в предшествовавших боях с десантными войсками противника.

Затем Гитлер стал объяснять Скорцени, в чем будет заключаться задача находящихся под его командованием диверсионных групп.

— Вам предстоит действовать на северном фланге участка намеченного прорыва, то есть между Монжуа и северной оконечностью гор Шне-Эйфель, в районе наступления ударных групп 6-й танковой армии СС. Не позднее чем через 48 часов после начала наступления вступят в действие ваши отряды, но только в том случае, если за двое суток 6-я танковая армия сумеет осуществить значительный прорыв фронта противника на всем протяжении северного фланга. Вашим ребятам придется переодеться в американское обмундирование и на трофейных американских танках и бронетранспортерах прорваться еще глубже в тыл, дойти до Мааса, а затем не-

ожиданным ударом в спину противника вызвать в его рядах замешательство и общую панику. Имейте в виду, что от удачи действий ваших диверсионных групп во многом будет зависеть общий успех всей операции.

Желая использовать затянувшееся на Западном фронте затишье, а также то обстоятельство, что в зимний период из-за неустойчивой погоды союзники не смогут полностью использовать свое преимущество в авиации, Гитлер счел необходимым потребовать, чтобы подготовка к арденнской операции была полностью закончена ко 2 декабря.

— Я отлично понимаю, — говорил он, — что месяц с небольшим — слишком мало для проведения серьезной подготовки, но ждать мы не можем и обязаны уложиться в этот срок. В последующем выполнение поставленной задачи облегчится тем, что на фронте протяженностью в 700 км англо-американцы располагают примерно 70 дивизиями, и на одном из участков обязательно должно найтись слабое местечко, в котором удастся с успехом осуществить прорыв. Весьма существенную помощь нашим наземным войскам окажут новые немецкие реактивные бомбардировщики: серийное производство их уже освоено, и 2000 таких самолетов будут дополнительно выделены для намечающейся операции.

Гитлер упомянул еще, что для обеспечения полного успеха необходимо, чтобы на время проведения контрнаступления положение на Востоке стабилизировалось и не потребовалось дополнительной переброски немецких войск на Восточный фронт для приостановления дальнейшего наступления Красной Армии.

— Мы располагаем достаточно точными данными, — сказал в заключение Гитлер, — что после завершения подготовки англо-американцы намереваются еще в этом году возобновить наступление, сосредоточив главный удар в направлении Кёльн — Бонн. Надо во что бы то ни стало сорвать этот план противника... Вы, Скорцени, получите для выполнения вашего задания отличного помощника-офицера. Поручите ему действия с группами диверсантов по ту сторону фронта. Вам же лично я категорически запрещаю переходить передний край. Вы потребуетесь мне для выполнения еще других важных поручений, и я не имею желания подвергать вас риску оказаться в руках противника.

Начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генерал-полковник Йодль в тот же день посвятил Скорцени в дальнейшие детали намечавшейся операции. Он подробно рассказал о задачах отдельных соединений, из которых были сформированы армии группы «Б», находившейся под командованием фельдмаршала Моделя.

План германского верховного главнокомандования заключался в следующем: силами трех армий группы «Б» (6-я танковая армия СС, 5-я танковая и 7-я армия) внезапно перейти в наступление из района между Монжуа и Эхтернахом, выйти к Маасу на участке Льеж — Намюр, форсировать реку и захватить плацдарм на ее противоположном берегу. Предусматривалось, что находившаяся на правом фланге 6-я танковая армия СС (генерал-полковник Дитрих) должна будет развивать наступление и безостановочно продвигаться на Антверпен; располагавшаяся в центре 5-я танковая армия (генерал Мантейфель) имела задание овладеть Брюсселем, а 7-я армия должна была, следуя за 5-й армией, обеспечить левое крыло наступательного клина.

По сведениям немецкой разведки, именно этот участок фронта являлся наименее защищенным американцами: на арденнском фронте протяженностью в 120 км находился 8-й американский корпус 1-й армии; в состав его входили четыре дивизии, из которых одна пехотная только что прибыла из США и еще не имела боевого опыта, а две пехотные дивизии понесли тяжелые потери в предыдущих боях и были отведены в Арденны для пополнения и отдыха.

— Ваши подразделения, Скорцени, согласно приказу фюрера, будут действовать совместно с 6-й танковой армией СС, — сказал Йодль, показывая в заключение карту района с нанесенной на ней обстановкой, которая должна сложиться через 48 часов после начала немецкого контр наступления.

Гриф (или грифон) — крылатый лев с орлиной головой из греческой мифологии — оказался, как видно, недостаточно сильным, чтобы преодолеть немецкую бюрократическую рутину. Из-за слепого подчинения установленному шаблону и автоматизма, которыми явно страдала также военная бюрократия Германии, секрет готовившейся диверсии «Гриф» через некоторое время частично

стал известен разведке союзников. А виновниками этого были сами немцы.

Для намечавшейся диверсии потребовалось создание отдельной части, получившей впоследствии наименование «бригада 150». По плану состав ее определялся в количестве 3300 человек солдат и офицеров, владеющих английским языком и изъявивших согласие на службу в подразделениях специального назначения. Совершенно секретным приказом по вермахту всем командирам частей на фронте и в тылу предписывалось срочно отобрать таких людей и направить их в распоряжение оберштурмбаннфюрера Скорцени.

Размноженные в бесчисленном количестве секретные приказы в нисходящем порядке рассылались даже в отдельные батальоны и мелкие подразделения. Один из таких приказов оказался в кармане захваченного в плен немецкого офицера. Ни сам он, ни разведка американцев не знали и не могли точно установить, для какой именно цели в срочном порядке производится отбор из действующей армии немецких военнослужащих, говорящих по-английски. Однако знакомая многим фамилия диверсанта Скорцени, «похитителя Муссолини», сама по себе давала достаточно ясное представление о том, что отбираются такие люди для проведения какой-то диверсии в тылу Западного фронта.

В результате находки секретного приказа получилось так, что диверсия «Гриф» еще задолго до ее осуществления стала оказывать известное действие и отражаться на четкости работы в тылу англо-американского фронта: после перехваченного приказа бдительность командования западных союзников настолько усилилась, что непомерные строгости стали создавать сумятицу, вызывали повышенную нервозность и нередко служили причиной бесконечных недоразумений, а также арестов лиц, не имевших решительно никакого отношения к планам и злостным намерениям противника.

Между тем в тылу Германии шла своим чередом организация диверсионной «бригады 150». Учитывая возможность непредвиденных осложнений и обстоятельств, которые не позволят всей бригаде в целом овладеть одной из намеченных переправ через Маас, Скорцени предложил разбить ее на три основные ударные группы. Каждой отдельной группе предполагалось в последующем по-

ручить самостоятельное задание и захватить один заранее определенный, мост на участке между Льежем и Намюром.

Комплектование бригады сильно задерживалось и проходило далеко не так гладко, как предусматривалось планом. Офицеры и солдаты, владевшие английским языком, как видно, не проявляли желания лезть из огня да в полымя: они достаточно ясно представляли себе, в чем именно заключается «работа» в подразделениях пресловутого Скорцени, и знали, чем обычно заканчивалась карьера диверсантов. Не удивительно поэтому, что в числе изъявлявших готовность служить в специальной части оказывались главным образом наиболее оголтелые головорезы и преступные элементы, носившие форму вермахта, окончательно развратившиеся и одичавшие в результате массовых убийств, грабежей и оргий, устраиваемых ими во временно оккупированных городах и селениях многих стран Европы. Что же касается английского языка, то у такого рода «добровольцев» знания, как правило, не выходили очень далеко за пределы некоторого набора крепких английских выражений.

Но даже и таких кандидатов было мало, и нечего было думать о том, что из такого более чем сомнительного и весьма разношерстного контингента удастся за какой-нибудь месяц сколотить относительно дисциплинированный личный состав, способный на выполнение серьезных заданий.

В качестве основного ядра в состав «бригады 150» пришлось выделить батальон из кадровой парашютно-десантной части, одну стрелковую роту СС и квалифицированных связистов. Кроме того, позднее в бригаду дополнительно были включены еще две эскадрильи ВВС и парашютно-десантное подразделение, подчинявшееся также Скорцени и предназначавшееся для выполнения других специальных заданий VI разведывательного управления службы безопасности.

Все наиболее подходящее, что только представлялось возможным отобрать, шло на комплектование роты особого назначения, находившейся в личном распоряжении командира бригады. В эту роту назначались солдаты и офицеры, лучше других говорившие по-английски: они предварительно проходили своего рода особый образовательный «курс» в одном из лагерей для американских во-

еннопленных, где знакомились с бытом и армейским жаргоном солдат США, а также усваивали слова американской команды.

Еще хуже, чем с укомплектованием диверсионной части личным составом, складывалось дело с обеспечением «бригады 150» американскими танками, транспортными средствами, а также оружием, боеприпасами и американским обмундированием. Из-за непрерывных отступлений германских войск в течение нескольких месяцев захваченные ранее американская техника и другое трофейное имущество в большей части оказались уничтоженными или очутились снова в руках союзников, новых же трофеев ждать было уже неоткуда.

В результате такого положения вместо требовавшихся для бригады двадцати американских танков с трудом удалось получить лишь два «Шермана», да и то один из них окончательно вышел из строя при первом же испытании на учебном полигоне. Недостающее количество танков пришлось заменить немецкими «Пантерами», которым в результате дополнительных декоративных надстроек из листовой стали и камуфляжа удалось придать хотя весьма относительное, но все же сходство с американскими танками.

Что касается личного оружия, то лишь роту особого назначения удалось полностью обеспечить американским вооружением, в остальных же подразделениях оно наполовину оставалось немецким. Для имевшихся американских противотанковых орудий и гранатометов не доставало боеприпасов. Напрасными оказались надежды на получение их с одного артиллерийского склада: из-за несоблюдения мер безопасности, а может быть, и в результате действий немецких антифашистов или работавших на складе военнопленных несколько вагонов с трофейными снарядами взлетело в воздух.

Не лучше решался и вопрос снабжения бригады американским обмундированием: большей частью засылалось совершенно негодное к дальнейшей носке старое обмундирование или не соответствующее зимнему сезону. В частности, отличился один интендантский склад, засланный бригаде американские военные френчи и шинели, у которых оказались вырезанными на спине большие треугольники со вшитыми вместо них кусками ткани другого цвета и выведенными несмыслюющей краской

литерами и номерами, установленными немецкой лагерной администрацией для военнопленных.

Из-за непрерывно выявлявшихся новых неполадок германское контрнаступление в Арденнах несколько раз откладывалось и наконец окончательно было назначено на 16 декабря.

А между тем в кое-как сформированной бригаде Скорцени продолжалась спешная подготовка входивших в нее подразделений по соответствующей специальности. Учения заключались главным образом в тренировках по молниеносному захвату небольших предместных плацдармов и удержанию их до подхода крупных сил. Отрабатывались действия небольших отрядов специальной роты, которые должны были уметь скрытно форсировать водные преграды, проникать глубже за линию фронта противника; им прививали правила поведения в тылу противника, приемы распространения провокационных и панических слухов, одновременно их обучали тому, как надо дезориентировать противника (передача встречным американским военнослужащим и населению в тылу ложных распоряжений, исходящих якобы от американского военного командования, перестановка дорожных указателей и перемещение предупредительных знаков о заминированных местах); их также обучали порче линий связи, электропередачи и трубопроводов, уничтожению складов боеприпасов и другого военного имущества, минированию мостов и т. п.

2 декабря у Гитлера состоялось очередное совещание по вопросу о готовности к контрнаступлению в Арденнах. Происходило совещание на этот раз в Берлине, в одном из обширных помещений первого этажа здания имперской канцелярии. На совещании вместе с высшим генералитетом Западного фронта присутствовал и Скорцени. Оперативный план и общее состояние готовности докладывал фельдмаршал Модель.

О положении военно-воздушных сил докладывал Геринг. Жалуясь на подавляющее превосходство противника в авиации, он вскользь упомянул, что для арденнской операции кроме самолетов обычных типов намечается выделить еще 250 новых реактивных бомбардировщиков. Никто из присутствовавших даже не поинтересовался, почему количество этих самолетов сокращается теперь ровно в восемь раз против того, что так твердо

было обещано лично Гитлером в октябре. Всем и так было ясно создавшееся катастрофическое положение, и даже Гитлер никак не реагировал на названную Герингом скромную цифру реактивных самолетов.

Гитлер с большим вниманием выслушал доклад Скорцени о состоянии готовности «бригады 150» к предстоящей диверсии «Гриф» и счел необходимым еще раз подчеркнуть:

— Вам лично, Скорцени, я категорически запрещаю переходить линию фронта. Налаживайте надежную радиосвязь с вашими ударными группами и отдельными отрядами. Организуйте дело так, чтобы руководить выполнением заданий с командного пункта. Ваш КП должен неотлучно находиться при штабе 6-й танковой армии СС, и на ее командующего, генерал-полковника Дитриха, я возлагаю личную ответственность за соблюдение моего указания.

За четыре дня до контрнаступления у фельдмаршала Моделя состоялось совещание, на котором снова были заслушаны доклады о состоянии боевой готовности отдельных армейских соединений группы «Б» и отданы последние распоряжения. В этот же день присутствующие были ознакомлены подробнее с намечавшейся диверсией «Гриф». Учитывая, что за линией фронта наступающие немецкие части могут войти в соприкосновение с переодетыми в американскую форму диверсантами «бригады 150» и открыть по ним огонь, тут же, на совещании, были определены методы опознавания «своих»: договорились, что при встрече днем солдаты бригады будут сигнализировать высоко поднятыми над головой шлемами, а в темное время суток — условными световыми сигналами.

По мере приближения срока начала контрнаступления все более сокращалось не только количество первоначально предназначавшихся самолетов, но и всей другой военной техники. Все чувствительнее сказывались результаты крупных поражений на Восточном фронте и понесенных Германией потерь в людском составе. Резко снижалась производительность труда во всей промышленности страны вообще и на ее военных заводах в особенности; иссякали запасы стратегического сырья и продовольствия; ощущался острый недостаток в военной технике и боеприпасах, а также в горючем, отсутствие которого

заставляло сокращать боевые вылеты самолетов и массированные действия танковых частей. Отрицательное воздействие оказывал и тот факт, что фашистская Германия лишилась к этому времени возможности пользоваться промышленностью, ресурсами и естественными богатствами других стран и областей Европы, до этого находившихся в распоряжении и под контролем гитлеровских захватчиков. Огромные потери германских вооруженных сил в людском составе пополнялись теперь уже только за счет «фольксштурма», формировавшегося из юношей 16 лет и мужчин 55—60-летнего возраста, а также путем призыва в армию инвалидов и больных, освобожденных ранее от несения военной службы.

Несмотря на такие крайне неблагоприятные обстоятельства, германскому командованию все же удалось незаметно для противника произвести подготовку к наступлению на северном участке Западного фронта. Умело были использованы временное затишье на этом участке фронта и известная самоуспокоенность союзников, наступившая после одержанных значительных побед в предшествовавших боях. Очень помогли скрытой подготовке также и непогода осенне-зимнего периода (октябрь — первая половина декабря), низкая облачность и частые снегопады, затруднявшие и без того слабую деятельность разведки противника.

На рассвете 16 декабря 1944 г. после короткой, но мощной артиллерийской подготовки первым эшелоном перешли в стремительное и совершенно неожиданное для союзников наступление все три армии группы «Б»: 6-я танковая армия СС, 5-я танковая армия и 7-я армия.

На участке протяженностью около 120 км между Монжуа и Эхтернахом началось «большое немецкое наступление». С безрассудным упорством зарвавшегося и вконец разорившегося игрока Гитлер ставил на кон последнее, чтобы в результате резкого перелома в стратегической обстановке на Западном фронте в лучшую для Германии сторону добиться основной политической цели — разрушения единства антифашистской коалиции и осуществления генерального плана со всеми вытекающими из этого последствиями: сговор с западными странами против Советского Союза.

В нашу задачу не входит оперативно-тактический

анализ этой провалившейся в конечном счете попытки немецкого верховного главнокомандования перейти в Арденнах в решительное контрнаступление. Арденнская битва достаточно подробно обсуждалась и неоднократно подвергалась всестороннему изучению как в нашей, так и в обширной зарубежной военной литературе, а также в специальных исследованиях. Коснемся здесь несколько подробнее только тех событий, которые пока еще оставались неосвещенными в нашей печати, а между тем представляют интерес и непосредственно связаны с диверсией «Гриф». Считаем это тем более необходимым, что данная диверсия фактически также подготовлялась при участии VI разведывательного управления имперской службы безопасности, отдельные моменты деятельности которой являются темой настоящей книги.

Первый этап наступления германских армейских соединений в Арденнах развивался в общем успешно, хотя и не на всех участках удавалось проникнуть так глубоко, как намечалось по плану. Особенно критически складывалась обстановка на крайнем правом фланге, где во взаимодействии с 1-м корпусом 6-й танковой армии СС намечалось осуществление операции «Гриф». Командующий этой армией генерал-полковник войск СС Зепп Дитрих 17 декабря на оперативном совещании выходил из себя и на чем свет стоит честил командующих вверенных ему соединений. Стуча кулаками по столу, Дитрих требовал, чтобы в течение следующих суток сопротивление противника на всем участке во что бы то ни стало было сломлено. Но противник (англо-американские армии. — И. К.) и не собирался быть сломленным, он готовил контрудар, причем весьма чувствительный, нокаутирующий.

Между тем в полночь 18 декабря немецкие радиовещательные станции выступили с экстренным сообщением, содержащим непомерную хвалюбу, присущую гитлеровскому командованию: катастрофический разгром противника на Западном фронте значительно облегчает выполнение поставленной перед нашими войсками задачи. Нас часто спрашивали, чем объясняется молчание фюрера? Уж не болен ли он? Теперь мы имеем возможность ответить, что состояние его здоровья отличное: все это время он был сильно занят детальной разработкой плана нового наступления. Продолжительное молчание фюрера

объясняется только этим, и оно вполне оправдывается: противнику нанесено сокрушительное поражение! Остается только поставить его на колени! Надо дать врагу понять, что дальнейшее его сопротивление является бессмысленным!

Но в тот день полный провал немецкого «большого наступления» становился очевидным. На крайнем северном участке правого фланга наступление 6-й танковой армии СС, едва продвинувшейся за три дня на 10 км, застопорилось, она не смогла сломить стойкую оборону американцев. К 20 декабря резко ухудшилась обстановка и на южном фланге, где действовала 7-я армия. После этого весь центр тяжести операции переместился в полосу наступления 5-й танковой армии, но и ее продвижение продолжалось только в течение последующих четырех дней. Даже окружение немцами Бастони не повлияло на общую обстановку, и вскоре этот город под давлением введенных в бой американских резервов пришлось деблокировать, 5-я танковая и 7-я армии были отброшены назад и едва избежали опасности самим оказаться в большом котле.

Тем не менее до конца декабря 1944 года положение американско-английских войск в Арденнах продолжало оставаться крайне тяжелым. 6 января 1945 г. Черчилль вынужден был обратиться к Верховному Командованию СССР с просьбой о помощи. Верная своему союзническому долгу, Красная Армия 12 января, то есть ранее намечавшегося срока, перешла в широкое наступление на фронте от Балтийского моря до Карпат. Планы гитлеровцев на Западе оказались тем самым сорванными, и немецко-фашистские войска должны были отойти на исходные позиции. Операция немцев в Арденнах и Эльзасе закончилась провалом. Срыв контрнаступления немецких войск на Западе зимой 1944/45 года еще раз подтверждал решающую роль Красной Армии в войне против фашистской Германии. От осуществления операции «Гриф» в замышлявшемся плане на каком бы то ни было участке Западного фронта волей-неволей пришлось совершенно отказаться. Специально созданная для этой диверсии «бригада 150» была расформирована, и ее личный состав, за исключением небольших отобранных Скорцени групп людей, передан на пополнение других частей армии.

В последующем диверсия «Гриф» свелась к эпизодическим засылкам за линию фронта небольших отрядов в составе нескольких человек, переодетых в американскую форму, для проведения диверсии и разведки в тылу противника. Сколачивались такие отряды путем тщательного подбора солдат и офицеров, хорошо владевших английским языком с характерным американским произношением. Среди отобранных оказывались преимущественно бывшие моряки, отличавшиеся особой смелостью, находчивостью и в довершение ко всему в известной степени еще и некоторой развязностью в отношениях с окружающими. Последнее свойство имело, между прочим, важное значение, так как обычно не так-то легко было немецких солдат, вымуштрованных на старопрусский манер, отучить от укоренившейся привычки при одном только взгляде вышестоящего по званию вскакивать, шелкнув каблуками, замирать в положении «смирно» и «есть глазами начальство». Такими показателями внешней дисциплины американские солдаты, которых диверсантам предстояло разыгрывать, как известно, не обладали.

Отто Скорцени, обосновавшись после войны в Испании и переключившись на коммерческую, а также неофашистскую политическую деятельность, успел за это время написать мемуары, посвященные службе его в эсэсовских войсках и органах. Однако в отношении диверсии «Гриф» мемуары касаются главным образом вопросов, связанных с организацией и подготовкой, а также событий, развертывавшихся в первые дни боев в Арденнах на участке фронта действий 6-й танковой армии СС. О засылавшихся же им отдельных группах диверсантов Скорцени пишет скупо, считая их действия, по-видимому, слишком незначительными по сравнению с теми надеждами, которые первоначально возлагались лично Гитлером на диверсию «Гриф». Между тем последствия действий небольших групп немецких диверсантов в тылу союзников представляют несомненный интерес.

Скорцени, возможно, и не знал того, что диверсанты, которым удавалось на «джипах» и в пешем порядке проникнуть в американской форме за линию фронта, вызывали в тылу союзников несусветную сумятицу и подчас переполох, перераставший в настоящую панику.

Так, например, одна группа диверсантов за короткий срок успела немало навредить тем, что перестановкой

дорожных указателей заставляла американские части менять маршруты следования и двигаться в другом направлении; перерезая во многих местах телефонные линии, диверсанты надолго лишали действующие части связи со своими штабами. Другой отряд, направляясь в глубь расположения противника, при встрече со спешившей на фронт американской частью сумел убедить американцев в том, что фронт прорван на широком участке и будто имеется приказ о немедленном отходе всех американских частей на новые позиции.

Но наибольший шум и невероятное смятение вызвала, как ни странно, захваченная в плен группа, состоявшая всего-навсего из четырех немецких солдат. При допросе пленные изъявили готовность дать американской разведке самые «точные» показания и постарались до гиперболических размеров преувеличить численность отрядов Скорцени, заброшенных в тыл союзников. После этого тотчас во все концы Франции, Бельгии и Голландии полетели предупреждения «Си-Ай-Си» о массовой высадке немецких диверсантов в американской форме в глубокий тыл. Население призывалось проявлять особую бдительность, а также оказывать всемерное содействие военным властям в выявлении и задержании агентов противника.

Панические сообщения передавались из уст в уста с соответствующими комментариями и в возрастающей прогрессии, так что очень скоро общая численность этих диверсантов определялась равной чуть ли не целой дивизии.

Как бы то ни было, но все, вместе взятое, позволяет с достаточной достоверностью восстановить, в частности, события, происходившие в декабре 1944 и январе 1945 года в тылу американских экспедиционных войск в Западной Европе, и познакомиться с фактически так и не состоявшейся диверсией «Гриф».

Во Франции паника из-за появления немецких диверсантов, переодетых в американскую военную форму, достигла наивысшего предела. Французская полиция умудрялась видеть агентов противника даже там, где их в действительности не было и в помине. Так, например, полицейская телеграмма сообщила однажды, что немецкие парашютисты в большом, но пока еще точно не установленном числе выбросились у Порт-Марли, неподале-

ку от штаб-квартиры верховного командования союзных экспедиционных сил. На самом деле эти сведения оказались ложными. В другом случае полиция телеграфировала о высадке двухсот парашютистов около Бозна в департаменте Энн: и это сообщение оказалось также ничем не обоснованным. Наконец, полиция дезинформировала американский штаб в том, что в Валансьене будто бы замечены спустившиеся на парашютах лица, облаченные в одеяние католических монахинь и священников.

Указывалось, между прочим, что местом сбора всех диверсантов являлось «Кафе де пэ», там они должны были встретиться, чтобы окончательно разработать план похищения генерала Эйзенхауэра.

Не прекращавшаяся вздорная информация послужила причиной усиления во много раз охраны штаб-квартиры, и это чрезвычайно стесняло работу американского штаба, а также и общение самого главнокомандующего со своими непосредственными подчиненными.

Надеясь хитростью «накрыть» диверсантов, охрана прибегла к не совсем обычному трюку, о котором Эйзенхауэр до конца войны даже не догадывался. Капитана Болдуина Смита, внешне чрезвычайно похожего на главнокомандующего, нарядили в генеральский мундир и в качестве охотничьей приманки целыми днями катали в соответствующей автомашине взад и вперед по дорогам, которыми пользовался обычно Эйзенхауэр. Но никто на приманку не шел, так как в радиусе на сотни километров вокруг штаб-квартиры и раньше не было ни одного человека из подразделений Скорцени.

Зато в тылу кишмя кишели дезертиры, главным образом военнослужащие США, всецело отдавшиеся спекуляции на черном рынке ворованными сигаретами, продуктами питания и всевозможными другими предметами широкого потребления. Шло грандиозное воровство. По подсчетам американских властей, в то время из военных запасов одного только бензина ежедневно расхищалось более 4 т.

В парижской военной тюрьме содержалось тогда 1300 американцев, и из них подавляющее большинство обвинялось в кражах разного рода военного имущества. В другой тюрьме Парижа отсиживались в ожидании суда 181 американский офицер и 3 солдата, которым было

предъявлено обвинение в похищении целого железнодорожного состава с вагонами, груженными мылом, сигаретами и продовольствием для американской экспедиционной армии. В одной лишь столице Франции околачивалось около 19 тыс. американских военнослужащих, месяцами занимавшихся расхищением и продажей на черном рынке того, в чем нуждались солдаты на фронте.

Воровали все — от сигарет и жевательной резинки до легковых и грузовых автомашин. Злые языки открыто говорили, что если бы на черном рынке нашлись покупатели на военную технику, стали бы красть также танки и орудия со снарядами к ним.

Широко афишировавшееся гитлеровским командованием «большое наступление» потерпело полный провал, и за две недели боев немецкие армии на Западном фронте были оттеснены далеко за исходную линию. Правда, на время битвы в Арденнах население в тылу Германии, страдавшее от бомбардировочной авиации союзников, почувствовало некоторое облегчение. «Однако заплатить за это пришлось такой дорогой ценой, что наступление не принесло ожидаемого результата, — пишет немецкий генерал Хассо Мантейфель. — Последние немецкие резервы понесли огромные потери и больше не могли влиять на обстановку на Западном и Восточном фронтах. Стремительное продвижение Красной Армии свело на нет последствия передышки, достигнутые арденнским наступлением, и сделало неизбежным быстрое окончание войны».

Бесполезными оказались потери Германии, составившие в этом сражении 70 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 50 тыс. пленными, 600 танков, 1600 самолетов и огромное количество транспортных средств.

Операция «Гриф» — детище и гордость Гитлера — в задуманном плане не состоялась. Если бы даже и удалось ее осуществить, ни заложенные в этой операции коварные методы ведения войны, ни любые другие не смогли бы предотвратить неминуемый и определенный ход истории — полный разгром немецко-фашистской Германии.

В заключение отметим, что и в этой диверсии значительные суммы были израсходованы гитлеровцами в фальшивых фунтах стерлингов и американских долларах.

ИНЖЕНЕР И НЕГОЦИАНТ ФРИДРИХ ШВЕНД ПРИОБРЕТАЕТ ЕЩЕ ОДНУ ПРОФЕССИЮ

Наиболее крупной и колоритной фигурой в общей массе посредников, занимавшихся в годы второй мировой войны сбытом фальшивых английских банкнотов, несомненно является немецкий инженер Фридрих Швенд. К началу войны ему было чуть больше сорока лет, но уже в эти годы он был известен как бизнесмен международного масштаба. Располагающая внешность и подчеркнутая самоуверенность, особое умение держаться с собеседниками, богатая эрудиция и безукоризненное знание нескольких языков — все это позволяло инженеру как нельзя лучше преуспевать в роли негодичанта. На самом деле, широкая и многосторонняя коммерческая деятельность во многих странах мира, риск и ажиотаж, с которыми неизменно связывались его торговые операции, напоминали по своему размаху деятельность крупных купцов-оптовиков времен XVIII — начала XIX века. Несомненно было одно — девизы дельцов того времени, их мораль и принципы были прочно усвоены Швендом, и он никогда не отступал от них.

Большую часть времени Швенд проводил обычно за границей, навещаясь в Германию на короткий срок и лишь тогда, когда этого требовали обстоятельства. Коммерческие дела вершил Швенд во многих странах Европы, Северной и Южной Америки, на Ближнем и Дальнем Востоке. В годы нэпа он побывал даже в Советском Союзе и пытался заключить торговые сделки в молодой советской республике. Некоторое время Швенд находился в Харбине в качестве экономического советника при генерале Семенове и одновременно поставщика предметов вооружения для его белогвардейской армии.

В годы гражданской войны в Китае Швенд продолжал заниматься продажей оружия воюющим сторонам, мало интересуясь тем, против кого оно будет использовано. Он был озабочен лишь одним: с кого бы взять по дорожке.

В начале 30-х годов Швенд возвратился в Европу из продолжительного коммерческого турне по странам Азии и обосновался в Италии. В период сложной политической обстановки в Германии в связи с активизацией фашист-

ского движения он предпочитал наблюдать со стороны за событиями, происходившими на родине. В первые годы после захвата власти гитлеровцами и в начале второй мировой войны Швенда никто особенно не беспокоил, и он, хотя и в значительно сокращенном объеме, но все же продолжал вести обычные свои дела с некоторыми нейтральными странами.

Но так продолжалось недолго. В 1941 году характер дальнейшей коммерческой деятельности Швенда резко меняется. Щупальца гестапо оказались значительно длинее, чем предполагал бизнесмен. Органы главного имперского управления безопасности давно приглядывались к немецкому купцу-космополиту, не прекращавшему иметь связи с разными странами Нового и Старого света и избегавшему показываться в Германии. В коммерсанта заподозрили крупного шпиона, работающего на США, и фашистские власти потребовали, чтобы Италия выдала его Германии.

Таким образом, Швенд отнюдь не по своей воле оказался в Берлине. Но там совершенно неожиданно для него и легко удалось отделаться от серьезных неприятностей, угрожавших ему со стороны органов фашистской тайной полиции. В лапах гестаповских волков Швенд оказался далеко не беззащитной овечкой. Отличным «громотводом» от готовых обрушиться на его голову бед послужили имевшиеся у него связи с виднейшими представителями международной финансовой олигархии и значительные личные средства, предусмотрительно депонированные в солидных банках за рубежом. Без большого труда удалось гестаповцам уговорить Швенда принять на себя новую роль — функции особоуполномоченного по сбыту за границей фальшивых английских банкнотов. Возможность массовой реализации безупречно сфабрикованных кредитных билетов и выгодные условия на комиссионных началах сулили умопомрачительные барыши. Тут же было заключено соответствующее «джентльменское» соглашение, и вскоре Швенд в отличном настроении оставил Берлин, до того одним своим названием внушавший ему самые мрачные предчувствия и опасения за дальнейшую судьбу.

По возвращении в Италию Швенд, не считаясь с расходами, купил вблизи Мерана отличную виллу вместе с окружающими ее виноградниками и фруктовыми садами.

Здесь, в курортной местности, пользующейся мировой известностью, Швенд учредил штаб-квартиру нового коммерческого предприятия. В благоустроенной вилле находилось и вполне надежное помещение для хранения поступающей продукции «блока 19».

Для охраны виллы в распоряжении Швенда имелся отряд вооруженных эсэсовцев в составе 30 человек. У въезда на территорию владений на воротах висела внушительных размеров вывеска, заставлявшая прохожих не очень задерживаться в этих местах: по надписи на вывеске со свастикой и эмблемой германского вермахта можно было понять, что за оградой размещается «Особый штаб 3-го танкового корпуса специального назначения».

В новой должности Швенд выступал уже под фамилией Вендиг, имея звание майора войск СС. Кроме немецких документов Швенд—Вендиг на всякий случай располагал еще целой серией различных паспортов и удостоверений как на имя инженера Фридриха Швенда, так и на вымышленные фамилии. В зависимости от необходимости он имел возможность пользоваться имевшимся в запасе богатым ассортиментом итальянских, португальских паспортов, а также документами целого ряда латиноамериканских стран. Часть паспортов и документов была настоящей, и при приобретении их германские агенты службы безопасности не скупились расплачиваться за счет английского казначейства фальшивыми банкнотами.

Основными клиентами, с которыми Швенд имел дела, являлись весьма солидные и почтенные на вид лица — владельцы и директора крупных торговых предприятий и самых фешенебельных отелей нейтральных стран. Даже при близком знакомстве с такими внушавшими на первый взгляд доверие господами трудно было бы заподозрить их в том, что они сознательно принимают участие в массовом сбыте фальшивых денег.

Дела инженера-валютчика шли блестяще до самого конца войны, и за годы своей совместной работы с гитлеровской службой безопасности Швенд сумел сколотить огромное состояние, выраженное в недвижимости, золоте, драгоценных камнях и в иностранной валюте. Все это богатство, за исключением недвижимости, ему удалось задолго до разгрома фашистской Германии и вступ-

ления в Австрию американских оккупационных войск надежно спрятать в укромных местах Альп.

Когда американцы заглянули к Швенду на виллу, его там и след простыл, да и вообще ничто в доме не напоминало о том, чему он фактически служил под прикрытием вывески «особого штаба». Швенд в это время скрывался где-то в альпийской глуши, отсиживаясь в ожидании момента, когда обстоятельства позволят извлечь из тайников припрятанное и переселиться со всем добром в одну из заокеанских стран.

Надо сказать, что инженеру Швенду удалось в конце концов осуществить задуманный план, хотя для этого и пришлось поступиться частью ценностей, в том числе нажитых за счет комиссионных вознаграждений, полученных им за реализацию фальшивых банкнотов. Привыкший к активной деятельности, Швенд рискнул как-то выбраться из своего убежища и взглянуть на то, что творится в западной части Германии, оккупированной американцами.

Мюнхен — колыбель немецкого фашизма — представлял в 1945—1946 годах жуткую картину национальной разрухи и бедствия, которыми народ Германии расплачивался за преступную войну, развязанную гитлеровским правительством. Многие здания в старой части столицы Баварии лежали в развалинах, повсюду еще видны были следы бомбардировок англо-американской авиации в последние месяцы войны. Больше всего пострадали от воздушных налетов жилые кварталы, где обитала наименее обеспеченная часть населения. Острая нужда в жилье, общее антисанитарное состояние города и бедственное положение населения Мюнхена усугублялись наплывом массы беженцев из восточных областей и острым недостатком самых необходимых продуктов питания. Мюнхен был переполнен спекулянтами, аферистами и другими уголовными элементами. Лица, не имевшие ничего общего с настоящими беженцами, военные преступники и эсэсовцы, сбросившие мундиры и знаки различия, выдавали себя за пострадавших от войны граждан, бежавших из восточных областей. Многие из них, маскируясь и используя старые связи, добивались предоставления им жилья и устройства на подходящую службу.

Центром жизни Мюнхена того периода являлся так называемый черный рынок, занимавший всю Мель-

штрассе и ряд прилегающих к ней других улиц. Здесь с утра до позднего вечера было полным-полно всякого подозрительного сброда. Спекулировали решительно всем, что только могло потребоваться и скромному человеку с мелочью в кармане, и богатому с туго набитым бумажником. На Мёльштрассе можно было купить все: у мелких спекулянтов — паек хлеба, стакан муки или крупы, поштучно или пачками американские сигареты «Кэмел», а у крупных спекулянтов — те же сигареты оптом в неограниченном количестве, отрезки лучших тканей, обувь, новенькие автомашины последних американских марок, фальшивые документы и валюту разных стран.

Тут-то, на этом торжище, Швенду вскоре пришлось убедиться в том, какую непростительную оплошность допустил он, показавшись раньше времени среди бела дня в месте, где шныряли агенты уголовной полиции и американской разведки.

Не успел Швенд прицениться у одного спекулянта к пачке натурального кофе, как рядом оказался некто, предложивший инженеру немедленно следовать вместе с ним в полицейский участок. Словно из-под земли выросший человек оказался агентом особой американской организации, специально созданной для розыска старинных картин и других антикварных ценностей, похищенных фашистами из музеев, галерей и частных собраний в разных оккупированных странах Европы. По-видимому, в Швенде агент не без оснований заподозрил человека, имевшего отношение к такого рода приобретениям для руководящих представителей третьего рейха.

Из полиции Швенда препроводили в тюрьму, где в нескольких камерах уже отсиживались некоторые крупные антиквары и комиссионеры по торговле произведениями искусства. Через них американцы имели в виду установить подробности вывоза из Голландии многих произведений известных мастеров, в том числе и картин выдающегося голландского живописца XVII века Яна Вермеера «Мужчина в шляпе» и «Христос и грешница». О первой картине было известно, что за нее заплатили 800 тыс. гульденов и она была отправлена в Вену, а вторая обошлась в два раза дороже и украшала потом личную картинную галерею Геринга. К слову сказать, в его собрании имелось еще много других ценных картин и художественных произведений, награбленных в период

войны. Многие из таких ценностей до настоящего времени считаются бесследно пропавшими, а между тем то и дело обнаруживаются в коллекциях американских миллионеров. Надо полагать, что гитлеровское руководство не было столь нерасчетливым и не тратило скудные остатки полноценной валюты на такого рода приобретения. С началом военных действий резервы актива рейхсбанка таяли с каждым месяцем из-за прекращения финансирования Германии в прежнем объеме монополиями и банками США, а также других капиталистических стран. Поэтому если гитлеровцам в виде исключения и приходилось как-то расплачиваться за художественные ценности, то использовались при этом, конечно, все те же фальшивые английские банкноты. В основном же художественные произведения попросту изымались гитлеровцами без всяких вознаграждений и вывозились в Германию из разных стран для пополнения государственных музеев и галерей в Берлине и других городах, а также для личных «коллекций» верхушки нацистского режима.

В те дни, когда Швенд сидел за решеткой, интерес к похищенным картинам, стремление разыскать шедевры мирового искусства были не меньшими, чем в наше время, а, пожалуй, даже большими. И то обстоятельство, что Швенд навлек на себя подозрение в связях с представителями черного рынка по торговле краденными картинами, ничего хорошего ему не сулило.

Но Швенд любил риск, и он за время своей коммерческой деятельности не раз оказывался в критическом положении, когда ему угрожала не только потеря всего капитала, но приходилось даже серьезно опасаться за свою жизнь. Сейчас, находясь в тюрьме, у него было достаточно времени, чтобы в мыслях возвращаться к прошлому и гадать о предстоящем. Инженер-коммерсант верил в свою счастливую звезду и надеялся, что и сейчас ему удастся договориться с американцами и благополучно выпутаться из беды.

Разве не висела над ним опасность лишиться всего и не грозила возможность закончить свои дни в каком-нибудь концентрационном лагере, когда гестапо заставило итальянские власти выдать его Германии, после чего он был доставлен в Берлин в качестве подозреваемого в шпионаже в пользу США? До сих пор во всех делах ему сопутствовала удача, так почему же именно сейчас

фортуна должна отвернуться от него? Ведь даже неприятная встреча и объяснения с гестаповскими следователями, носившие первоначально столь чреватый последствиями характер, завершились в конечном счете весьма выгодной для обеих сторон коммерческой договоренностью. Операции с фальшивыми английскими банкнотами позволили инженеру-дельцу во много раз преумножить и без того значительный капитал. Теперь все эти средства предусмотрительно обращены в никогда не теряющие своей ценности золото, бриллианты и другие благородные камни и только частью — в настоящую, заслуживавшую доверия валюту. Все надежно спрятано и хранится до лучших дней в таких местах, куда постороннему человеку и не добраться. Словом, Швенд даже в данной ситуации не терял бодрости и ожидал, что помогут и на этот раз какие-нибудь непредвиденные обстоятельства.

Так оно и получилось на самом деле. Освобождение Швенда из тюрьмы произошло совершенно неожиданно и притом в условиях, более напоминающих богатую фантазию опытного автора приключенческого фильма, чем реальную жизнь.

Об аресте Швенда узнал один из его прежних агентов по реализации английских банкнотов, продолжавший и после войны спекулировать на черном рынке в Мюнхене иностранной валютой. За короткое время валютчик успел наладить отношения с некоторыми сотрудниками американской разведки. Он-то и решил выручить из беды бывшего шефа и одновременно кое-что заработать на этом деле. Продолжавший томиться неизвестностью Швенд однажды получил записку «с воли»: в ней сообщалось о возможности освободить его из заключения, а также от могущих последовать неприятностей, если только он согласится соответствующим образом отблагодарить друзей, которые посетят его в тюрьме. Швенд поспешил ответить согласием, встреча состоялась, и через несколько дней он в сопровождении двух агентов разведки выехал в один из самых глухих районов Тирольских Альп.

Там из тщательно замаскированного тайника был извлечен большой клад, состоявший из золотых монет и чистого золота в слитках. Все тут же перешло в руки представителей американской разведки, буквально поте-

ржавших в первое время дар речи при виде такого богатства. Согласно договоренности, освобождение Швенда состоялось немедленно, но он так и не стал дожидаться получения документа, подтверждающего сдачу ценностей, вес которых, как уверяют сведущие лица, был равен весу самого инженера-коммерсанта.

Трудно сказать, отвечает ли все это действительности, но несомненно одно: Швенд не был таким простаком, чтобы лишиться всех средств. У него, по-видимому, оставалось еще много ценностей, хранившихся в других тайниках, и, кроме того, имелись достаточные средства на текущих счетах в иностранных банках.

После своего освобождения из мюнхенской тюрьмы Швенд не стал задерживаться в Германии и поспешил перебраться в Америку с фальшивым паспортом на имя польского гражданина. Там, в Перу, он быстро нашел подходящую для себя работу в качестве руководителя крупного экспортного предприятия.

РАЗВЕДЧИКА ВИЛЬГЕЛЬМА ХЕТТЛЯ — НА СКАМЬЮ ПОДСУДИМЫХ

Деятельность этого «доктора философии», штурмбанн-фюрера СС и гитлеровского разведчика в годы войны, его занятия в послевоенный период «заслуживают» того, чтобы подробнее остановиться на этой личности. Небезынтересным представляется также выяснить и причины, побудившие Хеттля после войны взяться за перо и в известной степени разоткровенничаться.

Прежде всего следует отметить, что, согласно обвинительным материалам, имеющимся в распоряжении Венгерской Народной Республики, уроженец города Вены Вильгельм Хеттль — военный преступник. По тяжести совершенных им преступлений имя этого эсэсовца стоит третьим в списке лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений против венгерского народа в годы второй мировой войны.

Между тем если заглянуть в один из американских биографических справочников, то там относительно Хеттля обнаружатся мало о чем говорящие сведения, полученные редакцией справочника, очевидно, непосредственно от лица, заинтересованного в такой характеристике:

«Хеттль Вильгельм — доктор философии и писатель. До 1938 года — преподаватель, затем — ученый, работавший в германском научно-исследовательском институте. После войны — писатель. Имеет правительственные награды: «Железный крест» II степени и «Крест за заслуги в войне» II степени... Любимое занятие в свободное время — коллекционирование старинных гравюр».

При сопоставлении сведений американского справочника с фактическими данными получаются довольно резкие расхождения в характеристике личности этого «доктора философии».

В 1938 году В. Хеттль действительно занимался исследовательской работой, но выполнял он ее не для какого-либо научного института, а по специальному заданию начальника главного имперского управления безопасности фашистской Германии Гейдриха. Назывался же «институт» официально VI разведывательным управлением указанного центрального органа эсэсовской службы безопасности, которое ведало политической разведкой за границей.

После 1945 года Хеттль на самом деле выступал в роли писателя. Однако если не считать трех его книг, изданных под псевдонимом Вальтер Хаген, то все остальное его послевоенное «творчество» заключалось в основном в составлении секретных донесений. Предназначались же эти донесения новым хозяевам Хеттля — американской и французской разведкам, а также шпионской организации Гелена в ФРГ.

Отмеченное в справочнике пристрастие Хеттля к коллекционированию близко к истине. Эту свою «страсть» штурмбаннфюрер СС Хеттль практически доказал во время войны. В 1944 году, когда Хеттль находился в Венгрии в качестве резидента имперской службы безопасности, он даже значительно расширил номенклатуру предметов, входивших в его «коллекции». При выезде из Будапешта он прихватил с собой в Австрию ни мало ни много — 27 ящиков с различными ценными вещами, похищенными из реквизированного эсэсовцами особняка Лайоша Шульгофа, в котором временно проживал этот «коллекционер». При бегстве из Венгрии «философ» Хеттль не забыл никогда не принадлежавшие ему уникальные сервизы, старинный фарфор и серебро. Кроме того, Хеттль вместе с другим эсэсовцем, палачом

Эйхманом, запаковал в свои ящики и по-воровски вывез в Австрию большое число ценных картин и других художественных произведений, похищенных из венгерских музеев и частных галерей.

С чего же началась служебная карьера австрийца Хеттля в гитлеровской разведке? Когда фашистская Германия осуществляла так называемый «аншлюс», то есть оккупацию и присоединение Австрии к третьему рейху, Хеттль заканчивал свою дипломную работу в Венском университете, посвященную истории и развитию экономики стран Балканского полуострова.

Империалистическая Германия издавна рассматривала Австрию как очень удобный трамплин для прыжка в страны Юго-Восточной Европы и проникновения в глубь Азии. Не удивительно поэтому, что после захвата Австрии германские агрессоры, продолжая разрабатывать планы в том же направлении, стали вербовать в свою разведку лиц, специально изучавших обстановку на Балканах. В числе первых завербованных оказался и австриец Хеттль.

После войны он весьма откровенно писал, почему он так легко согласился на работу в германской разведке. Прельщало его не только обещание использовать его по научной части в качестве исследователя-историка. Немаловажной причиной принятия предложения, по его собственным словам, послужило то обстоятельство, что такая служба сразу выводила его из полунищенского, жалкого прозябания начинающего ученого в положение материально вполне обеспеченного человека.

Хеттль был зачислен в штат VI разведывательного управления на должность «научного» сотрудника. Первым его «вкладом в сокровищницу науки», как уже упоминалось ранее, явилась справка о подделке французских франков в хортистской Венгрии. В начале войны ему, как и другим вольнонаемным работникам управления, было присвоено эсэсовское воинское звание. Хеттль считался незаменимым специалистом, а потому был освобожден от несения службы в действующих частях армии и всю войну провел в тылу.

Хеттль с особым удовлетворением отмечает, что всегда ревностно относился к поручавшемуся ему делу и очень быстро продвигался все выше по служебной лестнице. Прошло немного времени с начала службы, и

Хеттль назначается уполномоченным VI разведывательного управления в Вене, а летом 1940 года занимает уже должность начальника разведывательной группы «Юг».

В 1943 году, после разгрома гитлеровских дивизий в битве на Волге, в обстановке продолжавшегося катастрофически ухудшаться общего военного положения фашистской Германии, разведывательная работа VI управления значительно активизируется. Разведчик Хеттль, как специалист по вопросам Балканского полуострова, используется для работы в Югославии, Венгрии. В том же 1943 году Хеттль, как уже говорилось выше, выполняет личное задание Гитлера по освобождению из-под ареста бывшего итальянского министра иностранных дел Чиано и доставке его вместе с семьей из Италии в Германию.

Затем Хеттль назначается на должность заместителя начальника отдела VI-E, в котором сосредоточивалась политическая разведка в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Балканский полуостров был особенно хорошо изучен Хеттлем, и новое назначение как нельзя лучше соответствовало его личному желанию, специальности и опыту, приобретенным за несколько лет работы в гитлеровской разведке.

Осенью 1944 года, в период продолжавшихся непрерывных поражений, предвещавших скорый и полный разгром всей гитлеровской военной машины, фашистская Германия встретила с рядом новых серьезных осложнений. После капитуляции в 1943 году Италии и выхода в августе — сентябре 1944 года из войны Румынии, Болгарии и Финляндии третий рейх оказался перед непосредственной угрозой лишиться своего последнего сателлита — хортистской Венгрии: там нарастало стихийное движение венгерского народа против фашизма и диктатуры Хорти, шла борьба за немедленное прекращение войны и разрыв отношений с Германией.

Гитлеровское военное руководство никогда не возлагало особых надежд на стойкость своих «союзников», и нередко в их адрес откровенно высказывались германскими генералами весьма грубые слова и давалась им нелестная оценка. Тем не менее в сложившейся в 1944 году обстановке считалось необходимым во что бы то ни стало удержать в своих руках Венгрию, которая нужна была фашистской Германии в качестве времен-

ного заслона и источника дальнейшей поставки пушечного мяса, тем более что собственные людские резервы Германии находились уже на исходе.

Между тем Красная Армия, продолжая по всему фронту громить гитлеровские орды, уже вступала в пределы Венгрии. Стремясь приостановить продвижение советских войск, гитлеровское руководство решило в первую очередь «навести порядок» внутри Венгрии. По намечавшемуся немецко-фашистскими захватчиками плану предусматривались чрезвычайные меры: смена состава венгерского правительства, создание видимости изменения курса общей политики в стране, вывоз в Германию диктатора Хорти, который был уже готов прекратить дальнейшее сопротивление, и оккупация Венгрии германскими войсками. После этого гитлеровцы рассчитывали расправиться со всеми активными участниками антифашистского движения в Венгрии и так называемыми «пораженцами».

В осуществлении этого плана самое непосредственное участие принимал штурмбаннфюрер СС Вильгельм Хеттль, являвшийся в тот период резидентом гитлеровской политической разведки в Венгрии. Хеттль сыграл немаловажную роль в формировании нового венгерского правительства, в которое вошли члены фашистской партии «Скрещенные стрелы» во главе с Салаши, новым палачом венгерского народа. Существенную помощь оказал Хеттль и начальнику диверсионной группы Отто Скорцени в отправке в Германию диктатора Хорти и его сына, которого он прочил в «наследники» хортистского «престола».

Еще до вступления в Венгрию гитлеровских дивизий Хеттль составил, а затем представил гестапо подробный список венгерских коммунистов и беспартийных активистов из числа прогрессивной интеллигенции и рабочих, участвовавших в борьбе за свержение фашистской диктатуры в стране. После оккупации Венгрии гестаповцы вместе с салашистской охранкой по готовому списку и указанным Хеттлем адресам производили аресты, подвергали пыткам и казнили многих верных сынов и дочерей венгерского народа.

В 1945 году Хеттль по заданию Кальтенбруннера выезжал в Швейцарию для участия в секретных переговорах с шефом разведки Соединенных Штатов Алленом

Даллесом. Целью этой встречи являлась попытка сепаратно договориться с США, чтобы американские войска заняли Австрию до вступления туда советских войск, что должно было послужить предпосылкой для создания в Австрии буферного государства с проамериканским правительством.

По сведениям австрийской прогрессивной печати, Хеттль и в настоящее время продолжает поддерживать контакты с разведкой США.

Накануне капитуляции Германии бывший штурмбаннфюрер СС решил обосноваться в курортном местечке Альтаусзе. Столичный климат оказался для него, по-видимому, неподходящим, более того, даже опасным, ибо в Вене его знали лучше, чем в провинциальной городке. Но самое главное, фашиста-разведчика совсем не устраивала перспектива находиться в советской зоне оккупации и быть привлеченным к ответственности за совершенные преступления. У связанного с «Си-Ай-Си» разведчика не было оснований беспокоиться, что в Альтаусзе встреча с американскими оккупационными войсками будет угрожать ему какими-либо неприятностями.

Кроме того, имелись и другие немаловажные обстоятельства, побуждавшие Хеттля держать курс на запад и именно в район Зальцкаммергута — в Альтаусзе. Он точно знал, что там, в горах и на дне некоторых озер вблизи облюбованного им местечка, хранятся ценности, значительные остатки неизрасходованных фальшивых банкнотов и, что самое важное, часть вывезенного из Берлина секретного архива гестапо. Хеттль все еще продолжал считать себя одним из последних действующих представителей гитлеровской службы безопасности, хранителем традиций и защитником деятельности своего непосредственного начальника и личного друга, шефа VI разведывательного управления.

Хеттль не ошибся в выборе места для своего послевоенного пребывания. Он недолго гостил в американском лагере для военнопленных: ему быстро удалось восстановить имевшиеся связи и снова сотрудничать с американской разведкой, на этот раз в организации, носившей символическое название «Паук» и опутавшей действительно густой паутиной шпионажа многие страны.

Обстоятельства, заставившие в 1959 году западногерманский журнал «Штерн» внезапно прекратить успешно

начавшиеся работы на озере Топлиц, свидетельствуют о том, что Хеттль весьма ревностно выполняет принятые им на себя обязанности сторожевого пса, охраняющего гитлеровское наследство.

После войны Венгерская Народная Республика обращалась к США с просьбой выдать ей военного преступника Вильгельма Хеттля, однако американские оккупационные власти в Австрии ответили, будто местопребывание этого человека им «не известно». В 1955 году, после заключения Государственного договора с Австрией, Венгерская Народная Республика обращалась по тому же вопросу к австрийскому правительству. Но Австрия тоже отказалась выдать Хеттля, мотивируя свой отказ тем, что данное лицо является австрийским гражданином и подлежит суду только по законам, действующим в Австрии.

На процессе по делу о главных военных преступниках фашистской Германии Международный военный трибунал в Нюрнберге несколько раз заслушивал показания Хеттля, которые он давал в качестве свидетеля по делу Кальтенбруннера, стараясь обелить действия последнего. Защитникам Кальтенбруннера показания Хеттля представлялись настолько важными, что в ходе процесса ими было возбуждено ходатайство о вызове этого свидетеля. Однако возможность разоблачения новых скандальных подробностей относительно методов работы американской разведки в странах Европы не на шутку встревожила представителей США. По их энергичному представлению ходатайство защиты Кальтенбруннера было отклонено. Американцы имели понятные основания беспокоиться: по материалам процесса и без того уже было установлено, например, что штурмбаннфюрер Вильгельм Хеттль в конце войны являлся не только резидентом тайной полиции и разведчиком фашистской Германии, но одновременно сотрудничал и с американской разведкой.

Хеттль прочно обосновался в Верхней Австрии: он вот уже несколько лет является владельцем и директором крупного учебного комбината в Альтаусзе, который состоит из гимназии, реального и коммерческого частных училищ. Помимо педагогической деятельности Хеттль уделяет большое внимание также и развитию своего многоотраслевого сельского хозяйства. Ему принадлежат виллы, дома, различные хозяйственные здания,

в его распоряжении имеется небольшая, но отлично организованная животноводческая ферма, есть собственная и находящаяся в арендном пользовании земля.

Учебные заведения бывшего ээсовца рассчитаны на тысячу человек учащихся, восемьдесят человек преподавательского состава и соответствующий обслуживающий персонал. Правда, за последние два года педагогический бизнес претерпевает некоторый спад ввиду значительного сокращения числа учащихся и преподавателей. Однако это явление ни в коей мере не связано с какими-либо ограничениями со стороны австрийского министерства народного просвещения. Директор учебного комбината жалуется на то, что переживаемый кризис вызван якобы нападками прогрессивной печати лично на него и опубликованием статей, дискредитирующих его имя. Главная же причина кризиса заключается в другом: увеличивается число родителей, не желающих, чтобы их дети обучались в школах Хеттля. В настоящее время в них остаются в основном лишь сынки представителей крупной австрийской буржуазии и бывших активных политических деятелей периода гитлеровского третьего рейха. «Педагогической» деятельности Хеттля все еще помогает то обстоятельство, что в известной части католического населения и в кругах немецкого национального меньшинства нейтральной Австрии все еще не изжиты профашистские влияния, непрерывно подогреваемые реваншистскими организациями Западной Германии и доморощенными реакционными группировками и землячествами.

Кроме того, в комбинате Хеттля немало с треском провалившихся в других учебных заведениях безнадежных тупиц и великовозрастных митрофанушек, состоятельные родители которых знают, что «фабрика аттестатов зрелости» бывшего ээсовца обеспечит их деткам получение документа о среднем образовании без труда и особого умственного напряжения их чад.

Невольно возникает вопрос: откуда же появились у Хеттля капиталы, позволившие ему обзавестись целым учебным комбинатом, значительной недвижимостью и, судя по всему, очень большими свободными средствами? Как он мог разбогатеть за какие-нибудь 6—7 лет службы в гитлеровской разведке? Ведь Хеттль сам признался, что до 1938 года он из-за сильной нужды в средствах влачил полунищенское существование.

Жители окрестностей Альтаусзе справедливо считают Хеттля одним из самых богатых людей в округе, хотя сам он категорически отрицает это, маскируя свое состояние закладами и перезалогом недвижимости в банках. Он всюду подчеркивает, что за ним числятся крупные долги. Однако известно, что у него никаких кредиторов нет. Те, кого он считает своими кредиторами, на самом деле никогда ему денег не ссужали. Лица, на которых он ссылается, убежали в свое время из Австрии с крупными ценностями и валютой, находятся ныне в Иране и занимаются коммерческими делами, даже не думая напомнить Хеттлю о его «долге».

По поводу феерического обогащения бывшего штурмбаннфюрера высказываются разные предположения, и некоторые существующие на этот счет версии представляются достаточно обоснованными и весьма правдоподобными. Упорно утверждают, например, что к концу войны у Хеттля оставались на руках очень значительные неизрасходованные суммы, предназначавшиеся для финансирования различных шпионских и диверсионных заданий. Большая часть средств заключалась, понятно, в искусно подделанных английских банкнотах; в переводе на западногерманскую валюту общая сумма этих денег определялась примерно в 1 млрд. марок. Трудно поверить, чтобы такой опытный в операциях с фальшивыми банкнотами человек, как Хеттль, не успел своевременно обменять их на настоящие денежные знаки или чтобы его бескорыстие простиралось так далеко, что не позволило использовать их в свою пользу в момент, когда в разваливавшемся третьем рейхе все шло прахом. И в то время ему уже нечего было опасаться, что кто-нибудь спросит о подотчетных и не полностью израсходованных суммах.

Имеются также и другие факты, проливающие свет на загадочное обогащение Вильгельма Хеттля. Напомним в связи с этим один эпизод, о котором, в частности, рассказывает сам Хеттль в своей книге.

Лейтенант, вывозивший в первых числах мая 1945 года с фабрики фальшивок последние остатки готовых английских банкнотов, из-за аварии и неисправности грузовиков застрял в пути между городами Линцем и Зальцбургом. Вследствие этого имевшийся на автомашинах груз так и не был доставлен к месту назначения.

Дежурный офицер находившегося поблизости временно-го штаба службы безопасности в конце концов посоветовал лейтенанту выбросить ящики в реку. Но выполнить это удалось лишь частично. Лейтенант, не имевший понятия о том, какого рода груз поручалось ему вывезти из-под Берлина, вынужден был оставить еще много ящиков с фальшивыми банкнотами на произвол судьбы на дороге вместе с завалившейся в канаву автомашиной. Происходили эти события в районе Альтаусзе, то есть как раз в той самой местности, где вскоре после войны столь солидно обосновался Хеттль в качестве владельца целого комплекса частных учебных заведений.

Следы всех кладоискателей, стремившихся обнаружить остатки неиспользованных фальшивых банкнотов, а также спрятанные гитлеровской охранкой некоторые секретные документы и значительные ценности неизменно приводили в обжитой и облюбованный Хеттлем район. Тайники, в которых все это продолжает храниться, несомненно, хорошо известны ему, и они до сих пор остаются под его неослабным наблюдением. Следует еще добавить, что дежурным офицером, к которому обращался за помощью лейтенант, был не кто иной, как Хеттль, чего он, впрочем, и сам не скрывает.

Все это, вместе взятое, создает достаточно ясное представление о том, из каких источников и как создавалось материальное сверхблагополучие бывшего штурмбанн-фюрера. Имеющиеся достаточные сведения позволяют также понять, какое отношение продолжает иметь этот человек к сохранившимся от операции «Бернгард» банкнотам и другим скрытым в тайниках секретным доку-ментам и похищенным фашистами ценностям.

Нетрудно вскрыть и причины, побудившие эсэсовца взяться за перо, чтобы рассказать кое-что как об этой экономической диверсии, так и о некоторых других эпизодах работы гитлеровской службы безопасности и VI разведывательного управления.

Лица, хорошо знавшие Хеттля по его прежней деятельности, отзываются о нем как о чрезвычайно осторожном агенте и характеризуют его как типичного представителя существовавшей в свое время разновидности «нациста-интеллигента»: он делал карьеру, как говорят, «в перчатках», благодаря чему даже наиболее грязная работа выполнялась им, не пачкая рук, и вообще он

остерегался оставлять на чем-либо следы своих пальцев. И тем не менее это не спасает Хеттля. Его деятельность забвению не предана. После войны продолжают вскрываться новые неприглядные факты, касающиеся Хеттля. В зарубежной прогрессивной печати появляются дополнительные сведения, разоблачающие работу бывшего активного сотрудника гитлеровской охранки.

Кампания, поднятая австрийскими патриотами против предателей родины, побудила В. Хеттля поспешить с опубликованием некоторых сведений о деятельности VI разведывательного управления гитлеровской службы безопасности. Основной целью издания книг являлось, однако, отнюдь не желание правдиво изложить события, свидетелем или непосредственным участником которых автору привелось быть в 1938—1945 годах.

Высказывания Хеттля далеки от объективности. О многом и очень существенном он вообще умалчивает. За исключением операции по освобождению бывшего итальянского министра иностранных дел Чиано, Хеттль стремится показать себя в роли пассивного современника, оказавшегося случайно вовлеченным в круговорот происходивших событий. Все его повествование служит исключительно цели личной реабилитации, создания видимости искренности и показа себя в наиболее выгодном свете.

Несмотря на тяжелые обвинения, выдвинутые против Вильгельма Хеттля Венгерской Народной Республикой, а также широкими кругами австрийской общественности, этот военный преступник все еще продолжает пользоваться защитой законов Австрии. Он преуспевает в своих владениях в Альтаусзе и пока что принимает активное участие в обучении и воспитании австрийской молодежи в принадлежащих ему учебных заведениях. Нечего сказать: хорош наставник подрастающего поколения!

СНОВА ОЗЕРО ТОПЛИЦ

В напряженной международной обстановке, создавшейся после 1945 года, империалисты возобновили «холодную войну» против Советского Союза и других социалистических стран.

Усиливающиеся внутримпериалистические противо-

речия, сложившееся к настоящему времени соотношение сил в пользу социализма, казалось бы, должны охладить не в меру горячие головы тех политиков Запада, которые все еще продолжают игру с огнем и ратуют за вмешательство во внутренние дела других стран, ведут борьбу против мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Немалое удивление вызывает и тот факт, что среди реакционных сил, собравшихся под обветшалые знамена антикоммунизма, мы видим старых нацистов, случайно спасшихся от народного гнева, уцелевших во время разгрома гитлеровских войск и избежавших наказания.

В первую очередь хочется обратить внимание на оголтелых германских реваншистов, среди которых немало фашистских военных преступников. Укрывшись в ФРГ, они не только не понесли заслуженного наказания, но продолжают занимать руководящие государственные должности. Немало других притаившихся фашистов здравствует и благоденствует сейчас в разных частях света, безнаказанно пользуясь награбленными в годы войны богатствами. Владея нередко многомиллионным состоянием самого что ни на есть темного происхождения, они пребывают под защитой капиталистических законов, и многие из них открыто участвуют в возрождающихся неофашистских организациях и в разного рода союзах, а также реакционных и шовинистических землячествах типа «фольксдейче», основным девизом которых служит все тот же пресловутый «дранг нах Остен».

Бешеная пропаганда, направленная на разжигание военной истерии, и мероприятия, связанные с осуществлением «холодной войны», вызывают, понятно, миллиардные расходы. А где же найти эти миллиарды? Оказывается, представители крупного капитала в Германии совместно с нацистской верхушкой еще до окончания второй мировой войны начали создавать фонды для пропаганды будущей войны. Некоторые события и соответствующие данные, опубликованные в прогрессивной западноевропейской печати, показывают, что расчеты германских капиталистов и гитлеровцев строились в известной степени на довольно «солидной» основе.

Австрийский журналист Эрнст Эплер, положивший много труда и энергии в деле раскрытия подробностей

операции «Бернгард» и в разоблачении лиц, связанных с этой аферой, опубликовал не лишённые интереса сведения.

Как известно, осенью и зимой 1944 года пропагандистская машина Геббельса все еще продолжала упорно забивать немецкому народу головы надеждами на скорую победу фашизма. Именем «фюрера и фатерланда» немцев призывали к тому, чтобы продержаться до победного конца, хотя к тому времени самим фашистским главарям было уже совершенно ясно, что их ставка на завоевание мирового господства безнадежно проиграна.

В те самые дни, когда все поняли, что разрекламированное «большое немецкое наступление в Арденнах» провалилось, в старинном богатом историческом прошлом городе Страсбурге состоялось секретное совещание крупнейших промышленных и финансовых тузов Германии, на котором присутствовали также Гиммлер и Кальтенбруннер. На повестке дня стоял только один вопрос: вывоз из Берлина и сохранение для активной деятельности в будущем остававшихся в рейхсбанке золотых запасов, иностранной валюты и других ценностей. Было принято решение вывезти все, что представится возможным, в нейтральные страны и депонировать в частных банках до наступления «лучших времен». Выполнение этого дела поручалось начальнику главного имперского управления безопасности генералу войск СС Кальтенбруннеру.

Последний, пишет Э. Эплер, охотно взялся осуществить решение, тем более что такая операция создавала одновременно весьма благоприятную возможность переправить за границу и значительные остатки фальшивых банкнотов, которые беспрепятственно продолжали приниматься всеми иностранными банками. В качестве специалистов для практического выполнения этой операции в нейтральных странах прибегали к помощи группы банкиров-евреев, оставивших в Германии членов своих семей в качестве заложников до окончательного завершения дела с заграничными банками. Данная посредническая группа должна была помочь в банковском и юридическом оформлении сдачи ценностей на хранение; кроме того, этих посредников можно было бы потом представить в качестве живых свидетелей, могущих подтвер-

дить якобы гуманное отношение главарей нацистской партии к евреям.

Немецкие магнаты промышленности и капитала, проводя указанную операцию, все же не особенно доверяли представителям фашистского режима. На всякий случай активы германского рейхсбанка депонировались в швейцарских и шведских банках под секретными шифрами и с условием, что всякого рода выдачи по вкладам будут производиться только по чековым требованиям за совместными подписями трех уполномоченных на то лиц. Шифры известны только соответствующему банку, кроме того, указаны в документе, который составлен в одном экземпляре и, по имеющимся сведениям, затоплен в озере Топлиц вместе с частью секретного архива гестапо.

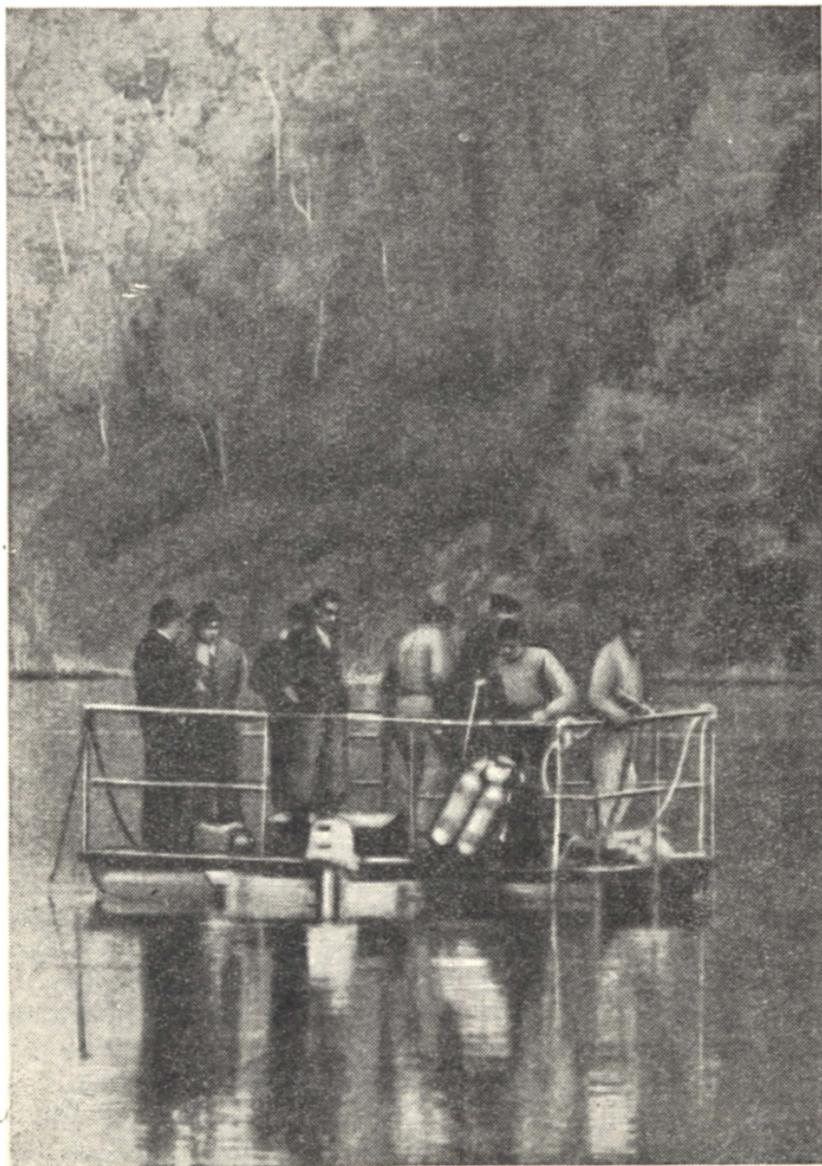
Следует сказать, что сделка, заключенная в свое время швейцарскими банками с немецкими фашистами и финансовыми тузами, не является исключением в практике банковской деятельности. Руководствуясь тем принципом, что «деньги не пахнут», банки Швейцарии и других стран западного мира мало интересуются происхождением богатств. Правда, спрятать награбленное в стальных сейфах за надежными стенами банков не всегда удается профессиональным преступникам. Но что касается преступников политических, то... «Как только в какой-либо стране, — пишет итальянский журнал «Вие нуове», — надвигается политический кризис, перед кабинетами женевских банков выстраивается очередь».

Бывший кубинский диктатор Батиста захватил из казны и доставил в Швейцарию не менее 90 млн. долларов. Чомбе удалось вывезти немалую часть валютных запасов марионеточного государства Катанги; по свидетельству парижского еженедельника «Франс-обсерватер», эта добыча также помещена в Швейцарии. Свои секретные счета у швейцарских банкиров имеют Чан Кай-ши, бывшие диктаторы Никарагуа и Аргентины Сомоса и Перон, а также бывший король Египта Фарук.

Недавно правительство Швейцарии издало закон, по которому вклады, сделанные до 1945 года и с тех пор не востребованные, будут переведены на специальный счет. В связи с этим и возможностью обращения таких вкладов в доход Швейцарии за овладение сокровищами рейхсбанка началась ожесточенная борьба между от-

дельными организациями и группами лиц, особенно заинтересованными в этих ценностях и в сохранении тайны гестаповских архивов.

Другим, более «скромным» резервом средств нефашистов и реваншистов являются «сокровища армии Ром-

Интерес к тому, что покинута на дне озера, не пропадает до сих пор.

меля», лежащие на дне Тирренского моря и оцениваемые в сумме около 160 млн. западногерманских марок. По сообщению агентства ДПА, английская яхта «Си дрейвер» производит в Корсиканском проливе поиски этого клада. Последние сведения о «сокровищах Роммеля» относятся к 1943 году, когда немецкие офицеры, доверенные лица фельдмаршала Роммеля, затопили вблизи порта Бастия несколько ящиков, до отказа заполненных золотом, платиной и бриллиантами. Во время войны в Африке эти ценности были захвачены германским африканским корпусом в Египте, Ливии и Тунисе как «военные трофеи». Неизвестно, чем закончатся поиски экспедиции «Си дрейвера», но предпринимавшиеся до этого неоднократные попытки найти ценности оставались безрезультатными, так как прежде всего не удавалось установить точное место затопления клада.

Находятся предприниматели, готовые продолжить прерванные в 1959 году работы, производившиеся экспедицией западногерманского журнала «Штерн». Однако правительство Австрии, как видно, не без давления со стороны ФРГ, воздерживается от выдачи разрешения на работы на озере Топлиц и в других местах. Официальные органы мотивируют отказ тем, что все находящееся в недрах страны, а также на дне рек и озер Австрии, является собственностью государства и будет извлекаться «на свет божий», когда это представится технически возможным или станет особо необходимым. Фактическая же причина, из-за которой клады в озерах Зальцкаммергута и в заброшенных штольнях соляных разработок остаются лежать в неприкосновенности, кроется в другом: извлеченные секретные документы гестапо могут сильно скомпрометировать некоторых видных государственных и политических деятелей не только Западной Германии.

Независимо от того, в какой степени отдельные детали версий соответствуют действительности и чем закончится возня вокруг «наследства третьего рейха», несомненным представляется одно: если что и депонировано в иностранных банках, затоплено в альпийских озерах, а также спрятано в горах Тироля и лежит на дне Тирренского моря — все это лишь «подсобные кладовые», откуда не сложившие оружие фашисты надеются в некий «день икс» начать черпать необходимые средства.

Основные надежды германские милитаристы и реваншисты возлагают, конечно, не на сокровища, использовать которые является делом чрезвычайно сложным и сомнительным. Они рассчитывают главным образом на капиталы концернов и монополий, которыми немецкие реакционеры пользуются уже сейчас.

На протяжении почти двадцати послевоенных лет не прекращаются упорные попытки отдельных смельчаков и технически хорошо оснащенных групп проникнуть в тайны Топлица и других озер. За 1959—1963 годы достигнуты первые обнадеживающие результаты, и одновременно отмечается повышенная заинтересованность и нервозность со стороны некоторых кругов ФРГ, а также австрийских властей, связанные с поисками последнего времени. Все это, вместе взятое, позволяет считать не лишены оснований предположения о наличии на дне озер и в других труднодоступных местах Альп затопленных и спрятанных гитлеровцами ценностей и секретных документов.

Именно сюда, в Зальцкаммергут, к этой системе сообщающихся между собой озер, в течение многих лет направляются взгляды всяких авантюристов, неудержимо влечет западногерманскую разведку, а также искателей легкой наживы и любителей приключений. В местность, заслуженно пользующуюся мировой известностью как прекрасный бальнеологический и климатический курорт, частенько наведываются отменно здоровые люди, отнюдь не имеющие необходимости и желаний подвергаться каким бы то ни было лечебным процедурам. Всех их тянет сюда одно — ценности, затопленные гитлеровцами в свое время, и отправленные вместе с ними на дно озера Топлиц секретнейшие документы.

После предпринимавшейся в 1959 году западногерманским журналом «Штерн» экспедиции неожиданно и по загадочным в то время обстоятельствам поспешно свернутой, несмотря на первые удачные извлечения из вод Топлица фальшивых банкнотов и некоторых документов, аналогичные попытки в дальнейшем предпринимались лишь отдельными смельчаками. Такие вылазки, как правило, оставались безрезультатными и нередко заканчивались гибелью людей, отважившихся проникнуть в тайны зажатого между горами озера.

Осенью 1963 года интерес некоторых лиц к Топлицу

стал заметно возрастать, и объяснялось это одним весьма примечательным обстоятельством: истечением в 1964 году срока хранения ценностей, депонированных верхушкой нацистов и немецкими финансовыми тузами незадолго до капитуляции фашистской Германии в зарубежных банках и оцениваемых, по некоторым подсчетам, в сумме свыше 5 млрд. долларов (!), и нахождением досье, то есть списка лиц, за подписями которых могут быть выданы вклады, покоящиеся в герметически закрытом сейфе, который находится якобы на дне Топлица.

Чем дальше, тем с большей силой разгорался ажиотаж вокруг «наследства» гитлеровцев, и к октябрю—ноябрю 1963 года в заглохшем было в связи с окончанием сезона курортном местечке Австрии стали разворачиваться события, приковавшие к себе пристальное внимание мировой общественности.

Опустевшие отели ближайшего к Топлицу городка Бад-Аусзе в первых числах октября до отказа заполнились корреспондентами австрийской и иностранной печати, работниками радио, телевидения и кино. Одних только журналистов разных стран насчитывалось около полутора десятков человек. Под видом запоздавших «курортников» понаехало много подозрительных по своему виду «любопытствующих». Штатская одежда таких приезжих, нарочитая непринужденность в манере держаться не могли скрыть ни их военной выправки, ни разведывательных целей их пребывания в Бад-Аусзе.

Какие же чрезвычайные события вызвали такой живой интерес к местечку, обычно замирающему в осенние месяцы?

Поздно вечером 5 октября 1963 г. точно к заранее определенному месту и в условленное время к озеру Топлиц на автомашине из Мюнхена прибыли двое—некий Фрайбергер и 19-летний спортсмен-аквалангист Эгнер. На берегу их к этому моменту уже поджидали приехавшие раньше из Западной Германии доктор Шмидт, инженер Готфрид и некто Митвальский. Не откладывая дела в долгий ящик, Шмидт вместе с аквалангистом направились на имевшейся в их распоряжении надувной резиновой лодке к середине озера. Что произошло затем в наступившей темноте на расстоянии 50—60 м от берега,—осталось загадкой. Через полчаса Шмидт один вернулся

к берегу и сообщил, что Эгнер, по-видимому, утонул, так как вскоре после погружения перестал отвечать на сигналы и не всплывал на поверхность. Вытащить юношу из воды, по словам Шмидта, ему не удалось из-за обрыва нейлонового шнура, к которому был привязан аквалангист.

Бросив на произвол судьбы Эгнера и оставив дальнейшие попытки обследовать озеро, компания в числе четырех человек немедленно помчалась обратно в Мюнхен. Нет никакого сомнения, что участники этой таинственной экспедиции имели достаточные основания поспешить исчезнуть с горизонта, так как о случившемся на озере и об их причастности к гибели молодого человека очень скоро пошли разговоры по всей окрестности. В расчеты «гостей» из ФРГ никак не входила перспектива оказаться привлеченными к делу о гибели Эгнера, тем более что некоторые данные наводили на мысль об умышленном утоплении аквалангиста, после того как от него были получены интересовавшие их сведения. Не исключается, что преступление было совершено с целью избавиться от лишнего свидетеля, взглянувшего на дно Топлица.

Международной полицейской организации «Интерпол» не стоило большого труда установить некоторые подробности относительно отдельных участников этой экспедиции. Так, например, было установлено, что Фрайбергер, бывший агент фашистской военной разведки «Абвер», в годы войны был приговорен в Швейцарии к смертной казни за шпионаж в пользу гитлеровской Германии; в последующем смертная казнь была заменена пожизненным заключением, а в 1952 году Фрайбергер оказался на свободе и, по имеющимся сведениям, в настоящее время поддерживает связь с западногерманской шпионской организацией генерала Гелена.

Отец погибшего спортсмена-аквалангиста, узнав о несчастье с сыном, срочно прибыл на место происшествия, для того чтобы ускорить розыски тела юноши. Случай на озере стал достоянием прессы и сразу получил широкую огласку во всем мире. Австрийскому министерству внутренних дел и следственным органам не оставалось ничего иного, как форсировать расследование дела и поиски тела Эгнера для установления причины смерти.

Вскоре тихие окрестности Топлица стали напоминать прифронтовой район: озеро оказалось оцепленным стяну-

тыми сюда отрядами жандармерии, а все дороги, ведущие к нему, — перекрыты полицией. Инженерные части и опытные водолазы готовились к началу работ: на место доставлялись акустические и электронные поисковые приборы, прожекторы, телевизионные установки для глубоководных съемок и другое техническое имущество; из поступавшего оборудования собирался большой понтон.

Представители власти сообщили на пресс-конференции, что помимо поисков тела Эгнера предусматривается обследовать все озеро и извлечь все ценное, если там что-нибудь такое найдется. Этими мероприятиями, заявляли власти, они надеются положить конец толкам о кладе на дне Топлица, охладить чрезмерно раздутый интерес к нему и тем самым предупредить возможности повторения бесконечных несчастных случаев, связанных с попытками обнаружить несметные богатства.

Несмотря на такие заявления, работы на озере сильно затягивались, и лишь через 25 дней после гибели было обнаружено и извлечено тело утонувшего Эгнера. Через несколько дней после этого на глубине 72 метров нашли якобы совершенно развалившийся деревянный ящик с фальшивыми банкнотами, из которого «для образца» взяли только две пачки, содержавшие по 1000 штук кредиток купюрами в 10 фунтов стерлингов каждая. Кроме того, в последующем были обнаружены и извлечены на поверхность металлические детали, напоминавшие стартовое устройство для запуска ракет с подводных лодок, части деревянных моделей конструкций неизвестного назначения и отдельные мелкие предметы, не представляющие особого интереса.

Темп работ постепенно снижался, методы раскрытия тайны озера Топлиц и отношение к представителям печати стали принимать по меньшей мере странный характер. Создавалось впечатление, что австрийские власти имеют намерение свести начатые работы на нет. Под предлогом соблюдения необходимых мер предосторожности в целях личной безопасности журналистам категорически запрещалось находиться вблизи озера во время производства работ. Таким образом, представители печати были лишены возможности присутствовать при подъеме на поверхность предметов, найденных в озере, и воочию удостовериться в том, что же именно извле-

кается со дна. Допуск разрешался лишь утром и вечером, в часы, когда никакие работы не производились, и показывалось только то, что власти считали нужным показать.

В ходе крайне вяло продолжавшихся поисков на дне Топлица, по словам властей, водолазы по-прежнему находили «только» фальшивые банкноты да еще «какие-то» бумажки, текст на которых в результате длительного нахождения под водой смылся и ничего разобрать теперь уже не представляется возможным. Как передавали, все это валялось на дне в покрытых толстым слоем ила совершенно развалившихся деревянных ящиках, причем все они якобы находятся в таком состоянии, что большинство обнаруженного вообще «не имело смысла» поднимать на поверхность.

Естественно, что такие объяснения совершенно не удовлетворяли журналистов и не вязались с тем, о чем свидетельствовали другие данные, в том числе и утверждения бывших эсэсовцев. По имевшимся сведениям, секретные документы и особые ценности были герметически упакованы и уложены в специальные металлические ящики, так что могли достаточно хорошо сохраниться. Действительно, если вообще имелось у гитлеровцев намерение уничтожить документы, так им ничего не стоило просто сжечь их без следа. На самом же деле задача фашистов заключалась как раз в обратном, а именно в том, чтобы сохранить материалы до наступления так называемых «лучших времен». Нельзя же считать врага настолько наивным, чтобы допустить с его стороны такое более чем легкомысленное отношение к материалам, имевшим для него чрезвычайно важное значение, и разрешить упаковать их в деревянные ящики!

Ничего конкретного не говорило руководство поисками относительно золота и других ценностей, которые, по существовавшим категорическим утверждениям, продолжали лежать на дне озера. Нашлись даже живые свидетели из числа тех, кого командование германской военно-испытательной станции заставляло подвозить тяжелые ящики к озеру, а местные крестьяне, в свою очередь, подтверждали, что доставленные ящики сбрасывались потом в воду на середине озера.

К концу ноября создалось определенное впечатление, что представители министерства внутренних дел и следст-

венных органов Австрии решили выжить надоевших им журналистов измором и заставить их разъехаться по домам.

Обследование явно затягивалось в ожидании скорого наступления зимы, когда начатые работы поневоле придется прервать на длительный срок. Надеялись, что за этот период шумиха уляжется.

Но еще 26 октября произошли события, занявшие затем на несколько дней страницы мировой печати новыми сенсационными сообщениями.

В конце октября из ФРГ в Бад-Аусзе прибыл некий Фриц Ригель, служащий крупного западногерманского фармацевтического завода. На состоявшейся бурной пресс-конференции Ригель сообщил журналистам, что он располагает точными сведениями о спрятанных в районе Альтаусзе 1400 картинах, которые в 1944 году были похищены эсэсовцами из музеев и картинных галерей Будапешта и некоторых других городов Венгерской Народной Республики. По словам Ригеля, часть этих картин в период оккупации Верхней Австрии американцами была вывезена в Западную Германию, а затем оказалась отправлена дальше, по всей вероятности, в США. Оставшиеся в Австрии картины все еще хранятся в одной из штолен давно заброшенных соляных разработок. Среди похищенных находились картины великих мастеров кисти, в том числе картины Рембрандта, Дюрера и других известных художников.

К информации Ригеля отнеслись с полным доверием, тем более что указывался точный адрес места, где находятся картины, и, кроме того, вообще было известно о вывозе эсэсовцами в последний период войны художественных ценностей из Венгрии. А среди тех, кто выполнял эту «операцию», не последнюю роль играли пресловутый палач Эйхман и благоденствующий поныне как раз в Альтаусзе «доктор философии», бывший штурмбаннфюрер СС Вильгельм Хеттль.

Присутствовавшие на пресс-конференции представители министерства внутренних дел сообщили, что картины взяты на учет, находятся под охраной соответствующего комитета и через некоторое время будут показаны журналистам.

Действительно, в последних числах октября около 70 остававшихся в Бад-Аусзе журналистов и работников

радио в сопровождении этих представителей целой вереницей направились к соляным разработкам в Альтаусзе. Облачившись в белоснежные халаты, они прошли около 800 м по слегка наклонной штольне и очутились в достаточно запущенном отсеке, сообщавшемся с двумя другими подземными помещениями, вход в которые преграждали закрытые двери. Свежие доски, из которых они были сделаны, резко выделялись на фоне грязной штольни, напоминая пустое, плохо прибранное картофелехранилище, и свидетельствовали о том, что сколочены эти двери совсем недавно. На стене висело предупреждение с категорическим требованием не трогать руками и ни в коем случае не перемещать картины с места на место. Представители властей утверждали, что из общего числа 1150 картин, хранящихся сейчас в штольне, только 135 находились когда-то в залах венгерских музеев. Но эти картины журналистам не показали, а то, что было выставлено для осмотра, никакой художественной ценности не представляло. Все то, что было показано, оказалось весьма посредственной репродукцией и образцом того сорта безвкусицы, которой разбогатевшие мелкобуржуазные семьи обычно украшали стены своих квартир, желая не отставать от ценителей изящного.

Очевидно, такие «шедевры» в спешке захватывались безграмотными в искусстве эзсовцами и отправлялись в общей партии в Австрию вместе с картинами, представлявшими действительно большую художественную ценность.

Возможно, что сенсация Хейнца Ригеля была инсценированным кем-то мероприятием, имевшим цель отвлечь внимание международной прессы от озера Топлиц и переключить интерес журналистов на эту, с позволения сказать, «подземную картинную галерею»... Можно также предположить, что сценарий всей этой комедии с картинами был написан скорее всего в ведомстве Гелена.

Такой вывод напрашивается еще в связи со следующим обстоятельством.

В тот момент, когда журналисты прибыли на осмотр спрятанных в штольне картин, Хейнца Ригеля, точно указывавшего место, где хранятся вывезенные из Венгрии «произведения искусства», на месте уже не оказа-

лось. Выяснилось, что сейчас же после состоявшейся перед тем с его участием пресс-конференции его «подвергли особому допросу», а затем поспешили выпроводить обратно в Западную Германию с запрещением впредь вообще показываться в Австрии. Спрашивается, зачем нужно было допрашивать, выселять из пределов Австрии и запрещать въезд на ее территорию человеку, который никакой опасности для Австрии не представляет?

Ведь он показал не сокровищницу искусства, а, как это выяснилось, всего лишь склад полотен с нанесенной на них мазней, не представляющих никакой ценности. Остается загадкой еще одно обстоятельство: почему до настоящего времени не возвращены Венгерской Народной Республике бесспорно принадлежащие ей захваченные художественные ценности? Задержка их тем более странна, что бежавшим венгерским капиталистам, как известно, Австрия уже давно вернула картины, вывезенные в свое время эсэсовцами из особняков и частных галерей магнатов. Неизвестно, почему представители австрийских властей ограничились демонстрацией перед журналистами ничего не стоящих картин и не пожелали показать подлинные произведения всемирно известных художников, также похищенные гитлеровцами в Будапеште и других городах Венгрии?

Много недоуменных вопросов вызывают также методы и темпы работ по розыску и извлечению со дна Топлица затопленного фашистами имущества.

Как бы там ни было, но в широких кругах создавалось одно определенное впечатление: широко разрекламированные в самом начале мероприятия, намечавшиеся к тому, чтобы окончательно выявить, что находится на дне Топлица, постепенно переключаются на то, чтобы мрачная тайна фашистов оставалась нераскрытой. Журналистам и представителям прогрессивных общественных организаций по-прежнему не разрешалось присутствовать при поисках и в ходе их непосредственно знакомиться с результатами работ. Методы и темпы поисков свидетельствовали о том, что работы явно затягиваются с расчетом на необходимость скорого прекращения их из-за наступления холодов. Такая тактика осуществлялась, несомненно, не без давления со стороны некоторых влиятельных кругов извне, особо заинтересованных в сохранении тайны.

В последующем так именно и получилось. В первых числах декабря 1963 года озеро стало замерзать; члены выезжавшей на место работ правительственной комиссии, а также участвовавшие в поисках специалисты покинули Топлиц и вместе с водолазным оборудованием и прочей

Еще одна группа смельчаков пытается проникнуть в тайны озера.

техникой поспешили возвратиться в Вену. В октябре заявлялось, что в случае необходимости прервать работы на зимний период поиски обязательно будут продолжены весной следующего года, но вскоре официальная точка зрения на этот счет резко изменилась.

Перед возвращением в Вену представитель министерства внутренних дел Австрии д-р Стефани сообщил журналистам, что «операция „Топлиц“ практически завершена». Согласно отчету комиссии, в результате «успешных» поисков со дна Топлица кроме тела погибшего аквалангиста Эгнера извлечено: двадцать ящичков фальшивых английских банкнот, два ящика с литографскими камнями, нумераторами и другими принадлежностями для фабрикации фунтов стерлингов. Затем были найдены якобы только некоторые детали ракетных сна-

рядов, установок для запуска ракет, части приборов и механизмов управления, а также обезвреженные капсулы-детонаторы и боеголовки, еще раз подтверждавшие, что в годы второй мировой войны у озера Топлиц находилась секретная испытательная станция германского военно-морского флота. О наличии каких-либо документов и реальных ценностей в отчете ничего не говорилось.

В связи с прекращением поисков намного легче стало на душе у многих реваншистов и неофашистов на Западе. По крайней мере на некоторое время отпадала тревога за могущие последовать новые разоблачения в результате нежелательных находок. На тайну, по-прежнему таящуюся в горных озерах Зальцкаммергута, австрийскими властями в настоящий момент наложено «табу», и отдельные лица, упорно продолжающие утверждать о нахождении в Топлице секретных документов гестапо и крупных ценностей, привлекаются даже к суду за распространение таких сведений.

Как бы то ни было, но в дни, когда заканчивалась эта небольшая книга, работы по исследованию на дне Топлица официально прекращены. Тайна, продолжающая окружать затопленное в этом озере «наследство» третьего рейха, остается пока все еще нераскрытой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В этой книге нет ничего надуманного, ничего такого, что можно было бы отнести к фантазии, к художественному вымыслу. Изложенные здесь события действительно имели место и приводятся на основе достаточно проверенных материалов. Автор ставил перед собой задачу показать малоизвестные факты из истории второй мировой войны в такой форме, которая не только заинтересует, но и насторожит читателя, позволит получить объективное представление о некоторых методах действий, использовавшихся фашистской Германией для подрыва военной и экономической мощи стран антигитлеровской коалиции.

Материалы книги наглядно свидетельствуют о том, что методы и средства, использовавшиеся бывшей гитлеровской разведкой, применяются также нынешней разведывательной службой ФРГ и других капиталистических стран. Многие выведенные в книге персонажи до сих пор еще не сошли с арены и продолжают вынашивать реваншистские планы в сотрудничестве с влиятельными кругами Западной Германии. Книга напоминает о бдительности, о необходимости знать приемы работы империалистических разведок, основные усилия которых в настоящее время направляются в первую очередь против Советского Союза и других социалистических стран.

Потерпев поражение в военной интервенции против молодой Советской России, не сломив СССР в открытом

бою, империалисты, в том числе и германские реваншисты, начинают осознавать, что новая война, если только она будет развязана, неминуемо приведет к мировой катастрофе и завершится еще более сокрушительным разгромом, чем она закончилась для гитлеровского третьего рейха.

Невиданные в истории достижения Советского Союза и других стран социализма в развитии народного хозяйства, успехи во всех областях науки и техники заставляют капиталистический мир серьезнее оценивать сложившееся соотношение сил и общую политическую ситуацию. Империалистам приходится все более убеждаться в невозможности подорвать могущество социалистических стран не только военной силой, но и путем экономического воздействия.

Несмотря на то что осуществление враждебных планов против стран социализма становится все более трудным и явно бесперспективным, международной реакции, поджигателям новой войны, так называемым «бешеным» и недалеким политикам все еще не удается. Оставляя в своих арсеналах использовавшиеся ранее подрывные средства, империалисты переходят ныне к новой тактике.

Объем книги не позволил, конечно, рассказать о многих подрывных операциях и диверсиях, проводившихся гитлеровской Германией. Некоторые действия остаются пока еще не вскрытыми полностью, требуют изучения и дополнительной проверки имеющихся данных. Кроме того, подрывной работой ведало не только одно VI разведывательное управление центрального органа эсэсовской службы безопасности, деятельность которого в основном рассматривается здесь.

Подрывом экономического и военного потенциала антигитлеровской коалиции одновременно занимались германская военная разведка и контрразведка «Абвер», а также многочисленные другие издавна существовавшие и вновь специально создававшиеся организации гитлеровской Германии, частично перечисленные в начале нашего повествования.

В одном из директивных документов фашистского вермахта говорилось: «Решающим фактором для исхода войны может оказаться пропагандистская и экономическая война».

Автор будет считать задачу выполненной, если приведенные им факты заставят читателя насторожиться и напомнят ему о лозунгах немецко-фашистской военной «На войне все средства хороши!» и «Нужда не знает слова нельзя!», которым следуют также нынешние поджигатели новой войны и германские реваншисты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- «История Великой отечественной войны. 1941—1945», т. 4, Воениздат, 1962.
Исламов Т. М., Политическая борьба в Венгрии в начале XX века, Изд-во АН СССР, 1959.
«Нюрнбергский процесс (материалы и документы)», тт. I—IV, Госюриздат, 1957—1961.

***

- Норден А., Фальсификаторы, ИЛ, 1959.
«Роковые решения», Воениздат, 1958.
Типпельскирх К., История второй мировой войны, ИЛ, 1956.
Фуллер Дж. Ф. С., Вторая мировая война (1939—1945 гг.), ИЛ, 1956.

***

- Frank Wolfgang, Die Wölfe und der Admiral, Oldenburg, 1953.
Hagen Walter, Die geheime Front, Linz-Wien, 1950; Unternehmen «Bernhard», Wels-Starnberg, 1955; Eine Welt sucht diesen Mann, Kreuzlingen, 1956.
Hegner H. S., Die Reichskanzlei (1933—1945), Fr. am/M., 1960.
Generalfeldmarschall Keitel, Verbrecher oder Offizier? Briefe, Dokumente des Chefs OKW, Göttingen, 1961.
Leverkühn Paul, Der deutsche Nachrichtendienst, Fr. am/M., 1957.
Mader Julius, Die graue Hand, B., 1960; Jagd nach dem Narbengesicht, B., 1963.
Naujocks Alfred Hélmüt, The man who started the war, L., 1960.
Pintér L., Szabó L., Unbestrafte Kriegsverbrecher (Dokumente), Budapest, 1961.

Preis Günter, The man who started the war, L., 1959.
Schellenberg Walter, Memoiren, Köln, 1956.
Skorzeny Otto, Geheimkommando Skorzeny, Hamburg,
1950.
Toland John, Ardennen-Schlacht 1944, Bern—Stuttgart—
Wien, 1960.
«Who's who in Austria», New York—Zürich, 1955.

* * *

«Военно-исторический журнал», 1961—1963 гг.
Гилленсен В., Тайна «Цицерона», «Смена», 1963 г., № 19—
20.
«Правда», 1961—1963 гг.
«Известия», 1961—1963 гг.

* * *

«Military Review», 1960, No 10.
«Neue Züricher Zeitung», 1961.
«Der Spiegel», 1961—1963.
«Volksstimme», 1961—1963.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Внимание, фальшивые фунты стерлингов!	3
События на озере Траун	6
По следам немецких фальшивомонетчиков	11
На выучку к венгерским фальшивомонетчикам	15
Кто стоял во главе фашистской разведки	30
Операция «Бернгард»	42
Загадочное появление фальшивых банкнотов в озере Траун .	59
Остатки фальшивых английских банкнотов	63
Операция «Цицерон»	72
Похищение Чиано	76
Операция «Эйхе»	90
Гитлеровская разведка испытывает горечь поражений . . .	100
И снова неудачи (провал операции «Гриф»)	104
Инженер и негодник Фридрих Швенд приобретает еще одну профессию	121
Разведчика Вильгельма Хеттля — на скамью подсудимых .	128
Снова озеро Топлиц	138
Послесловие	154
Список использованной литературы	157

Иван Федорович Кризенталь

ОПЕРАЦИЯ „БЕРНГАРД“

Редакторы *Г. И. Бачинин, Г. Г. Демина*
Художественный редактор *Л. М. Воронцова*
Технический редактор *М. Г. Чацкая*
Корректор *Е. А. Дейнеко*

A07442. Сдано в набор 3/IV 1964 г. Подпи-
сано в печать 20/VI 1964 г. Формат
84×108/32. Физ. печ. л. 5, усл. печ. л. 8,2,
Уч.-изд. л. 8,29. Тираж 55 000. Т. П. 1964 г.
№ 57. Зак. 232. Цена 35 коп.

Москва И-90. 4-я Мещанская, 7,
Издательство
«Международные отношения».

Ярославский полиграфкомбинат «Главпо-
лиграфпрома» Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати,
Ярославль, ул. Свободы, 97.

5 K.

0-30

10²
77700

001
001
001000

2200

001001

001000min

ONE POUND

ONE POUND

ONE POUND

FIVE POUNDS

ONE POUND

ONE POUND

ONE POUND

ONE POUND

